

МАККЕНЗИ КАДЕНХЭД

СНОВИДЦЫ

Не ты выбираешь сны, а сны выбирают тебя...

МАККЕНЗИ КАДЕНХЭД
СНОВИДЦЫ

Не ты выбираешь сны, а сны выбирают тебя...

Маккензи Каденхэд

Сновидцы

MacKenzie Cadenhead
SLEEPER

Печатается с разрешения литературных агентств Hodgman Literary и
Andrew Nurnberg.

© MacKenzie Cadenhead, 2017

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Маккензи Каденхэд начинала свою карьеру редактором комиксов «Marvel», потом создавала собственные тексты к графическим романам, в том числе и к серии «Marvel Adventures». А в 2017 году издала роман «Сновидцы» – дебют в качестве самостоятельной писательницы.

Превосходно написанный роман с необычайно обаятельной главной героиней – одновременно решительной, находчивой и такой хрупкой.
«*Kirkus Review*»

Посвящается Финну и Лире

Глава первая

Заметишь парящую в туманной пелене дверь – не открывай!

И не важно, что опасность тебе по душе, что любопытно и ты глазам не веришь – как это дверь висит в пустоте...

Обещай развернуться на сто восемьдесят градусов и бежать.

Другими словами, не повторяй моих ошибок: не тупи.

Сама дверь – так, ничего особенного: три панельки, растрескавшаяся белая древесина, позеленевшая медная ручка. И говорить-то не о чем. Но она настолько внезапно возникает из ниоткуда, что испытываешь волнение, словно в рождественское утро. Больше ничего не происходит. Серьезно, вообще ничего. В эфемерной пелене я совершенно одна. Спать я отправилась давно и успела заскучать. Поэтому такая неожиданность щекочет нервы.

Я тянусь, хочу повернуть ручку; даже не сразу доходит, что там меня могут не ждать распростертые объятия. Дверь висит неподвижно. И что? Я еще больше хочу ее открыть.

Смотрю на своего главного противника, во мне нарастает желание попасть внутрь, и вдруг вспоминаю Джиджи Макдоналд, капитана команды по лакроссу, которая для нас, порхающих вокруг мотыльков, как свет в окошке. Каждый раз, когда мы заваливаем подачу или даем возможность другому игроку прорваться и забить гол, она гоняет нас без капли жалости, пока мы все не отработаем. Но основной мотивирующий фактор у нее – футбольная команда.

– Хотите, чтобы футболисты держали нас за слабаков?! – орет она, пока на лбу не взбухнет венка. – Или покажете, что настоящие спортсмены способны не просто бегать по полю, натыкаясь на мяч?

Вопрос чисто риторический. Но сегодня ночью...

Я лицом к лицу с противником. Воочию представляя всех футболистов, которые глумились над женским спортом, делаю шаг назад, выставляю вперед плечо и со всей мочи тараню дверь. Дверь – нараспашку, я – лечу.

Прямо...

В черную.

Тишину.

Воздух сдавливает грудь.

Жалящий ветер колет лицо, тыщ-тыщ, словно по щекам хлещут

крылья миллионов бабочек. По ушам бьет так, что я уверена: барабанные перепонки сейчас лопнут. Во рту сухо, как в пустыне. И я моргаю, моргаю, моргаю, моргаю. Пытаюсь разглядеть хоть что-то в темноте. Я растворяюсь в небытии.

Но вдруг...

Все прекращается.

Перед глазами мелькает череда картинок: артритные голые ветки в лунном свете, каменистая тропка, что-то зеленое...

А потом я приземляюсь лицом вниз, прямо в бурю жухлых листьев. Лежу неподвижно, вдыхая бодрящий осенний воздух, который щекочет мне ноздри. Приподнявшись на локтях, отбрасываю листик, запутавшийся в густых темных волосах. Думала, что летела в неизвестность – в Зазеркалье, но это место оказывается мне знакомым.

Это природный заповедник позади футбольного поля Хорсменов. Ошибки быть не может: вон наш Пень – все, что осталось от могучего дуба, который срубили, когда мне было десять. Всем известно, что здесь допоздна тусуются крутые ребята из старшей школы Ирвингтона. Еще это своеобразный памятник – место, где кое-кто поднабрался жизненного опыта. Именно здесь я впервые попробовала пиво, и именно здесь меня, четырнадцатилетнюю девчонку, поцеловал старшеклассник – звезда футбола. Вкус пива оказался на любителя, а вот поцелуй уже не забудется...

Сейчас ночь, и тут никого. Над головой нависают голые деревья, между скрюченными ветками которых ослепительная полная луна играет в прятки. Под ногами хрустят сучья. Огибаю какие-то камни, корни, наугад нащупывая дорогу, и скоро оказывается, что это и есть тропа. На мне все необходимое для пижамной вечеринки, в чем я и легла спать: майка и коротенькие шортики. Чтобы согреться, растираю руки и пеняю на себя:

– Модница... Нет чтобы одеться по погоде.

Продолжаю обреченно брести по тропинке, изо всех сил стараясь не обращать внимания на кожу, которая из-за мурашек превратилась в наждачку. Не сразу замечаю, что зашла уже очень далеко – эта часть леса мне незнакома. Неожиданно сломавшаяся под ногой ветка хрустит особенно громко, и я подпрыгиваю...

– Тс-с-с-с, – шикает кто-то справа.

Каждая моя клеточка напряглась. Присматриваюсь и замечаю, что, прислонившись к дереву, рядом стоит парень и разглядывает что-то перед собой. Рубашки на нем нет, темно-русые волосы немного выгорели

на солнце, на животе четыре кубика из шести. Высокий – выше меня по крайней мере сантиметров на тридцать. Несмотря на широкие плечи, худощав и легко прячется за массивным стволом клена. Короткие, но густые вихры его шевелюры слегка кучерявятся, а длинный, немного смещенный нос обращает на себя невольное внимание харизматичной кривизной. Нос кажется косою стрелой, которая выскальзывает из выдающегося лба и направляется прямоком к чертовски привлекательному рту. Мое тело, теперь уже напряженное по несколько иной причине, пронзает приятная, но такая предательская сейчас дрожь. Я уже настроилась на дружеское общение, тем более что собеседник оказывается таким горячим...

Парень едва оценивает меня изумрудно-зелеными глазами и тут же возвращается к предмету своего наблюдения. Потом вытягивает руку, предлагая устроиться у него под боком в идеальном – прямо мой размерчик – укрытии.

Впервые не знаю, что делать.

В этом месте обычно не тратишь время на размышления. А зачем? Ведь нет никаких последствий, нет выпускного экзамена, никто не спросит тебя, почему и что именно ты думала в каждый конкретный момент. Есть только здесь и сейчас. Странно, что у меня возник непредвиденный порыв замять ситуацию. Я что, стесняюсь? С чего бы? Здесь же все нереально. Неужели меня смущает именно то, что больше всего сейчас хочется принять предложение и прильнуть к этому полуобнаженному лесному богу?

Попросив свою бессознательную сознательность пойти далеко и надолго, шагаю вперед. Вдыхаю рядом с этим божественным парнем полной грудью и забываю обо всем на свете. Дурманящий аромат мыла «Дав», оттеняя мальчишеский запах пота, манит меня прямо как рисованные струйки аромата в мультике про Скуби-Ду. И я проскальзываю в уготовленное для меня укрытие.

От парня исходит тепло, но от этого моя дрожь не проходит. Поднимаю голову и улыбаюсь. Он совсем не обращает на меня внимания, продолжая вглядываться в неведомую мне точку. Интересно, что может привлечь больше, чем полуголая девчонка, которая прижимается к твоей груди?

Хочу посмотреть.

Вдруг в невероятно ярком свете луны посреди полянки вдали замечаю лежащего олененка. Его глаза широко раскрыты, дыхание сбивается. В бок впиалась стрела.

– Рана смертельна. Но умирать он будет очень долго, – по-прежнему не глядя на меня, произносит парень.

К горлу подкатывает комок, но когда я открываю рот, у меня не вырывается стон, и я спокойно говорю:

– Я знаю, что делать.

Через секунду я уже на полянке. Одну руку кладу на дрожащий подбородок олененка, другую на его затылок. Животное пытается сопротивляться. Но оно ранено, плохо соображает, и это мне только на руку.

Прижимаю оленя к земле ногами. Абсолютная уверенность в том, что в подобной ситуации убийство из жалости самый правильный поступок, придает сил.

Парень у дерева кричит. Кажется, он просит меня остановиться... Но я не могу.

Глаза олененка расширяются. Дыхание затухает. Мои руки еще сильнее сдавливают его подбородок и затылок. Захват закреплен. Все, через мгновение я готова свернуть ему шею.

– Нет! – заполняет все крик парня. – Проснись!

Все вокруг застывает. Расплываются контуры деревьев. Стихает ветер. Растворяется олененок, хотя я все еще чувствую его в своих руках.

Парень пропал, а на меня обрушиваются новые звуки. Сначала приглушенные. Теперь уже это крик.

– Сара! Прекрати! Ты ее убьешь! – вопит знакомый женский голос.

Картинка перед глазами снова приобретает четкие контуры. Не сразу, но я возвращаюсь к реальности. Теперь надо мною не потрясающая осенняя луна, а утопленные галогеновые лампы низкого потолка.

Опускаю взгляд и соображаю: я в каком-то подвале, а рядом, глядя на меня с ужасом, кричат две мои подруги.

– Прекрати! – умоляет Тесса. – Сара, ты должна остановиться!

Эмбер как ненормальная открыла рот, вцепившись в транс в подушку. Чувствую, подо мною что-то сопротивляется, пытается высвободиться.

Что-то я продолжаю удерживать руками и ногами. Нет, не что-то. Кого-то.

Это же Джиджи – наш школьный спортивный капитан!

Она буквально захлебывается в рыданиях. Бьется в стальном захвате моих рук, которые плотно зафиксированы на ее подбородке и затылке. Готовые свернуть шею.

Вот дерьмо, мелькает мысль, опять. Только не это...

Глава вторая

– Вот честно, не понимаю, зачем делать из этого трагедию, – удивляется Тесса, помешивая соус морковной палочкой. – Джиджи научилась замазывать на шее синяки еще в седьмом классе.

– Точно, – соглашаюсь я. – Хотя эти-то будут покрупнее, чем засосы Томми Марнигана. К тому же ее пытались убить. Она бесится из-за этого.

– Все одно, все едино... – Тесса вгрызается в морковку, и громкий хруст привлекает внимание девятиклассниц, которые, перешептываясь, бросают на нас любопытные взгляды из-за стола напротив. Хихикая, девчонки забирают подносы и уматывают.

– Должна признаться, Сара, не думала, что ты сможешь так взлететь. Статус симпатичной звезды спорта уже делал тебя королевой бала, а теперь эта мания убийства вообще превратила в секс-символ.

– Среди футболистов, – уточняю я.

– Почему же? Еще среди девчонок группы поддержки, – улыбается она. Затем становится серьезной, хмурит брови и тихо добавляет: – Я все равно считаю, что Джиджи слишком сурова, поливая тебя грязью. Еще и за одним столом с ней запретила тебе сидеть. Ты же не хотела ей навредить. Должна же она понять!

Вздыхаю. Тесса – хорошая подруга. По правде сказать, лучшая. Она решила разделить со мной последствия кошмарных выходных. Я не удивилась, но от этого ее решение не перестает быть менее ценным для меня. Тессу принято считать неопределившейся: по природе она равнодушна настолько, что не разрывается между бесчисленными группировками и каким-то образом всегда умудряется остаться в стороне от всех склок. Поэтому, если кто-то и захочет со мной пообщаться, ее никто привлечь для этого не будет. Я искренне признательна Тессе за стандартный в такой ситуации наезд на Джиджи из разряда «сам виноват». Это была милая попытка поднять мой дух. Но поддерживать видимость того, что мне все равно и «будь что будет», сейчас уже тяжело. Моя попытка непредумышленного убийства случилась уже три дня назад, а несостоявшаяся жертва так и не выказала никаких признаков того, что принимает мой довод о невинности-вследствие-ночного-психоза. Понимаю, меня есть за что винить, и, справедливости ради, сама Джиджи никого не просила объявлять мне бойкот, но я все же потрясена, что она

меня так запросто слила...

Мы с Джиджи дружим со времен юниорских состязаний. Мы вместе тащимся, когда нас бесплатно красят в «Сефоре», и она, не сомневаюсь, первой сбила бы соперника, схлестнувшегося со мной в игре. Но в последние дни я все чаще начинаю задумываться над тем, что наш статус «лучшие друзья навеки» в какой-то мере может оказаться относительным. На поле мы неразлучная парочка, читаем мысли и буквально предугадываем движения друг друга. Половину игры соперники пытаются нас разбить. Но у них не выходит. Потому что там мы одно целое.

Зато вне поля нет никакого *мы*. В маленькой армии Джиджи я только лишь идеальный солдат с адекватными запросами. Но меня все устраивало. Никакой переворот я никогда не замышляла. Из-за собственных скелетов в шкафу мне всегда было приятнее греться в отраженных лучах ее ослепительного сияния. Тепла оно давало достаточно: я и загар поддерживала, и ожог третьей степени получить не боялась. Но и тряпкой или шестеркой меня уж точно не назовешь. Выпусти на поле – и я порву любого соперника. Возьми на вечеринку – и я зажгу так, что ни один парень мимо не пройдет. Мне нравится чувствовать, как ноют мышцы и обжигает, врываясь в легкие, воздух, когда я делаю рывок, который кажется мне невыполнимым. Не меньше мне нравится и власть, которая появляется, когда побеждает мое природное женское обаяние.

В целом меня все устраивает. Но, если признаться, бывает, я не во всем согласна с тем местом, которое мне принято отводить в нашей маленькой вертикали власти. Помню, как я получила диплом за тест повышенной сложности по литературе, который, по мнению Джиджи, должны были вручить ей, потом я еще встречалась со звездным нападающим Хорсменов. И вот уже соучастница превратилась в соперницу. Стремительно. Сначала Джиджи «забывает» пригласить меня на выходные в торговоразвлекательный центр, потом меня не включают в список тех, кто ужинает в ресторане «Альп». Ну и наконец в машине, которая в субботу едет на ночную тусовку в лес, для меня не находится ну ни одного свободного местечка... В такие моменты, чтобы наладить отношения, я изо всех сил стараюсь вернуть свое место в тени королевы. Моя мама пашет на нескольких работах, чтобы у дочери все было не хуже, чем у других, отец за многие годы не прислал даже открытки на день рождения, а тут еще и я сама во сне устраиваю какое-то безобразие. Как видите, переживать есть из-за чего. Так зачем же мне рисковать самым стабильным в жизни – местом возле Джиджи – и спорить с ней? Должна же она это понять...

Подозреваю, с проблемами всегда так. Ты отчаянно стараешься их

избежать, но как только они появляются, остается лишь надеяться, что все закончится, когда выйдешь замуж, а не когда помрешь.

Бросаю взгляд туда, где Джиджи, Эмбер, другие мои бывшие друзья, расположившись за стойкой школьного буфета, старательно делают вид, что меня здесь нет. С горечью понимаю, будто догадка относительно непостоянства «дружбы навек» справедлива.

Вижу, как парни из высших социальных синдикатов притормаживают, чтобы выказать Джиджи свое участие: спортсмены, члены студсовета, даже несколько молодых учителей, похоже, все используют малейшую возможность добиться расположения Джиджи Макдоналд. А почему бы и нет? На бедняжку во сне напали, почти убили. И кто? Та, кого считали ее подругой.

При этом менее блистательные индивидуумы – пассивное большинство старшей школы Ирвингтона – мне робко и еле заметно улыбаются, тем самым несмело выражая свою поддержку.

Все это случилось не нарочно, но, похоже, это никого не волнует. Уже через несколько часов после инцидента в «Инстаграме» завели аккаунт, обнародовав детали из украденного у полицейских отчета и выложив снимки потрепанной ненакрашенной Джиджи со свежими синяками на шее и ключице, в крови и ссадинах.

Люди в соцсетях по большей части сочувствовали Джиджи, единодушно признав меня монстром. Растущее количество лайков в «Твиттере» и на странице «Фейсбука» под постом «Упокойся с миром Джиджи» оживили град хэштегов #псих@пижамнаявечеринка, что указывало на более пугающую меня тенденцию: школьные маргиналы наконец нашли в моем лице своего предводителя. Они окрестили меня героем.

При этом нужно знать Джиджи: больше всего ее бесит непослушание. Для нее то, что я пыталась понизить ее социальный статус, хуже настоящей угрозы смерти.

– Знаешь что, Тесса, – говорю я. – На тебя ведь никто не злится. И анафеме тебя не предавали. Не обязательно страдать вместе со мной.

– Издеваешься? – произносит она, тыкая в меня морковкой. На ее длинных, бронзового оттенка пальцах призрачное сияние соуса «Рэнч» молочного цвета смотрится очень эффектно. – И упустить шанс стать ближе к убийце? Мы же будем словно Кортни и Ким. Ну уж нет, сестренка! Давай-ка делись местом под лампой в комнате для допросов! Надо пользоваться моментом, пока все не кончилось. Грядет время запросов в колледжи, глядишь, какой-нибудь нервный выпускник

покончит с собой, и тогда громы с молниями переметнутся на его голову.

– Мрачно вато выходит, Тесса, – вмешался мужской хрипловатый голос. – И, возможно, не совсем то, что сейчас нужно услышать Саре.

Джейми Вашингтон. Звездный нападающий, член студсовета, два года подряд висит на Доске почета и слывет весьма крупным специалистом в вопросе поцелуев взасос. Однажды Тесса сказала, что если бы Майкл Джордан с Майклом Б. Джорданом родили ребенка, тот был бы вылитый Джейми. Не могу не согласиться. К слову, это только усугубляет мое положение в качестве его бывшей.

– Сара, – произносит он с такой искренней заботой в голосе, что я вся напрягаюсь, удерживая порыв броситься к нему на шею (а это точно произойдет, если я начну жалеть сама себя). – Не против, если я присоединюсь?

Не дожидаясь моего ответа, подсаживается. Я стискиваю зубы и передергиваю плечами. Понимаю: Джейми делает мне одолжение. Моих потенциальных сторонников его поддержка подбодрит, а лицемеров из высшего круга может заставить пересмотреть свое отношение к охоте на ведьм. Еще это обязательно взбесит королеву. Но ему она никогда и слова поперек не скажет, потому что, как и Тесса, Джейми – любимчик. Он из Швейцарии. Надежный, верный приятель, искренней души человек. Никогда не упустит возможности поддержать друга в беде, даже если этот вышеупомянутый друг всего семестр назад разбил ему нос, заодно с сердцем. Первое вышло, когда я боднула его головой, вообразив себя азартным охотником – мы тогда случайно уснули во время просмотра кинофильма. Второе – когда предложила расстаться, вывалив на бедного парня: «Это для твоего же блага». И хотя мы остались в довольно-таки неплохих отношениях, обычно он со мной не обедает. Сейчас Джейми – просто хороший парень, который демонстративно меня поддерживает. Бог мой, как здорово было бы прильнуть к его груди...

– Присаживайся, звезда ты наша, – вставляет Тесса, деликатно заполняя возникшую паузу. – Знаешь поговорку? Черный пиар...

– ...тоже пиар, – подхватывает Джейми.

Тесса делает вид, что не замечает, как он таращит глаза.

– Похоже, у нас мысли сходятся, – заключает она. – Уверен, что мы никак не связаны?

– Только проблемами старшей школы. Как лучшая подруга и сердобольный бывший чокнутой лунатички, – выпаливаю я, – двое официально разделивших со мной позор.

– Ого! – смеется Тесса. – Мы прям как в том фильме, что моя мать

пересматривает всякий раз, когда сливается очередной бойфренд. Лучшие подружки вне закона: Тельма и Луиза. А Джейми пусть будет Брэдом Питтом в молодости.

– Постой-ка... Разве они не свалились на полной скорости в Большой каньон? – пытаюсь вспомнить я.

Тесса с улыбкой кивает. А тем временем моя решительность идет ко дну. Я роняю голову на стол.

Предаюсь самобичеванию не более тысячной доли секунды, как чувствую: сильные пальцы вплетаются в пряди моих волос, нежно массируя голову. Напрягаюсь.

– Просто подожди, – советует Джейми. – Скоро все вернется на свои места. Вот увидишь.

– Ага. Как тогда с нами, – бурчу я.

Он убирает руки.

– Вот увидишь, – повторяет Джейми, отводя взгляд.

Я выпрямляюсь, а он достает из помятого бумажного пакета два сплюснутых сэндвича с тунцом. Мне должно быть неловко: такой лирический момент испортила. Но каким-то образом слова Джейми немного успокоили меня. А может, он прав? Может, все образуется? В конце концов, если у кого-то и есть право меня ненавидеть, так это у Джейми. А он здесь, рядом, еще и поддерживает.

Он кусает сэндвич, съедая практически половину за раз. И с набитым ртом добавляет:

– Не суди Джиджи строго. Ей надо все обдумать.

Я бросаю на него свирепый взгляд. Вот долбаная Швейцария!

– А чего? – удивляется он. – Что я могу еще сказать?

– Тесса берет свои слова обратно, – огрызаюсь я. – Ну какой из тебя Брэд Питт? Ты больше похож на того жуткого мужа, от которого приходится удирать Тельме. Или хуже: на того копа, который заставляет поверить, что он на их стороне, а в итоге просто водит их за нос. Я демонстративно скрещиваю руки на груди. – Все, ты не едешь с нами в закат. Забудь!

Он умоляюще смотрит на Тессу, но та уже вскочила с места.

– Прости, дружище, – поднимает она поднос. – Разбирайся сам. Сара, встретимся в холле. Если хочу пережить предстоящий урок, нужно влить в себя ударную дозу кофеина. Бай-бай, голубки!

И умчалась, оставив меня с Джейми сидеть в гробовой тишине. Он осторожно кладет свою ручищу мне на плечо. Но я оборачиваюсь с такой скоростью, что сбрасываю ее.

– Поверить не могу, что ты защищаешь Джиджи, – укоряю я.

У Джейми такой вид, словно он только что слил перехват.

– Я ее не защищаю, – оправдывается он. – Просто говорю, что...

– Это Джиджи. Джиджи Макдоналд! – Я понимаю, что давлю на него, но уже не могу остановиться. Я просто выплескиваю на ни в чем не повинного Джейми все накопившееся отчаяние. – Ты в курсе, что она издевается надо мной, рассказывая всем и каждому, какой я злобный фрикер, что она заставляет друзей выбирать между нами? – Понижаю голос: – Ты знаешь, насколько она красочно разрисовывает все детали моего расстройства? Да еще с собственными комментариями. Врет, что я во сне делаю такое, за что меня нужно сажать на цепь. То есть она сейчас просто берет и разрушает мою жизнь, а ты хочешь, чтобы я успокоилась и ждала? Знаешь, Джейми, сидеть на попе ровно – не мой вариант! И ты как никто другой должен бы это понимать.

Смотрю на него в упор, прищурившись, сжимая кулаки. А он терпеливо ждет, пока мое дыхание придет в норму.

– Я не говорю, что мне нравится, как с тобой обращается Джиджи, – говорит он. – Но и ты ее пойми: похоже, она перепугана, и, чтобы принять то, что произошло, ей потребуется время.

– Тебе вот время не понадобилось. Сразу простил меня за разбитый нос. – Зря я это сказала, даже мне ясно, что сейчас я веду себя как малыш, надувший губки.

Джейми какое-то время медлил с ответом и наконец произнес:

– Я знал, что это была не ты. Джиджи это тоже поймет.

Отвожу взгляд, не в силах выносить его понимание и доброту. Знаю, причина, по которой Джиджи никогда не придет к аналогичному выводу, та же, по которой я порвала с Джейми. Я просто не способна контролировать во сне свои действия. Он этого не признает. На самом деле я опасна, и каждый раз, когда об этом забываю, случаются ужасные вещи.

До той ночи, когда я набросилась на Джиджи, у меня не случилось припадков несколько недель подряд. Это произошло после заключительного вечера турнира по лакроссу на открытом воздухе в Новой Англии, где мы стали вторыми в общем зачете. Джиджи захотела отпраздновать и настояла, чтобы я осталась у нее ночевать – раньше мне такое не разрешали. Когда страдаешь нарушением поведения в фазе быстрого сна, то воспроизводишь действия, происходящие во сне, наяву. Все как есть – физически. Сны могут оказаться жестокими: например, за тобой гонится стая волков или дорогу перегородила беснующаяся толпа. Тогда ты будешь яростно месить кулаками воздух и пинать кровать.

Можешь даже встать, со всей мочи помчаться по коридору и не проснуться, полетев со ступеней и ударившись головой. Но шрамы и синяки – не самое худшее. Самое ужасное то, что ты не понимаешь, когда это происходит: ты ведь спишь, поэтому сознание не контролирует происходящее вообще. Проблема в том, что самостоятельно ты не можешь остановить собственное тело.

Я нашла лучший способ справляться со своим недугом – привязывать себя к кровати на время сна. В прямом смысле. Хотя я всегда достаточно легко свыкаюсь с ограничениями, наложенными собственной матерью, но это определенно смазывает радость от дружеских посиделок. Я изредка оставалась ночевать только в доме у Тессы, моя мама дала на это добро лишь после того, как та два года тусила у нас. Какое-то время наши родители достаточно подробно обсуждали, как именно меня надо связывать на ночь.

Именно из-за этого я никогда не участвовала в ночных посиделках с подругами, церемонии для избранных – многое чего пропустила. Надо признать, удерживать при этом свое положение в высшем свете старшей школы было непросто. Но неделя соревнований выдалась великолепная. Когда я помогла Джиджи забить решающий гол, мы были как сестры Винус и Серена. Прыгнули выше головы, сделали то, что другим не под силу! Сделали это вместе. И я хотела не просто потусить, а провести это время с Джиджи. Понятно, ее статус уже не изменится (куда уж выше?), зато мне предложили повышение: от просто подружки невесты до главной подружки. И я согласилась.

Уже несколько недель я спала спокойно, к тому же была в ударе, ощущая непобедимость, и уговорила себя, что разочек можно и нарушить правила. К тому же рядом была Тесса, которая давно наловчилась сооружать мне смирительную рубаху, так что я посчитала, что буду в порядке. Мы все будем в порядке. И до определенного момента все так и было.

Может, сыграла роль и радость от сработавшей хитрости: мама думала, что я у Тессы. Может, сам дивный вкус свободы. Нельзя сказать точно. Только когда Джиджи предложила, чтобы мы, забив на усталость, не ложились спать, а в свете первых солнечных лучей голышом пробежались по центральной линии разметки футбольного поля, внутри меня забил тревожный набат, но его разумному голосу я не вняла.

Как появились первые проблески сизой зари, и я порадовалась тому, что сумела не заснуть, я еще помню. Мы тогда нон-стопом смотрели какой-то британский сериал про подростков с паранормальными способностями и

подумывали улизнуть на поле сразу после окончания последней серии. Но, должно быть, мы все практически одновременно отрубались, потому что никто не заметил, как во мне пробудилась безудержная бестия. А потом стало слишком поздно, и жизнь Джиджи оказалась, без преувеличения, в моих руках.

Глаза открыты, но я ничего вокруг не вижу. В таком состоянии мой мозг отвергает всякие социальные нормы. Не слышит: «Остановись! Подумай, что творишь!» Я действую, я противодействую, и не останавливаюсь, пока не завершу начатое. Я полностью во власти инстинктов, я сильна и быстра. Интересно, как в этот момент я выглядела со стороны? Остекленевший взгляд, ни на что не реагирую, с рефлексам Баффи – истребительницы вампиров? Сюрреализм какой-то. А вот для Джиджи, должно быть, это был хоррор вперемешку с триллером. Она думала, я ее убью. Самое печальное, что, задержись я во сне еще хоть на мгновение, так и случилось бы...

Джейми. Он сидит рядом – такой надежный, понимающий и добрый... Большой соблазн поверить его словам. Но я не верю, потому что знаю лучше.

– Спасибо, – говорю я. – Ты хороший друг. Честно... Кстати, о друзьях: надо бежать, не то Тесса мне голову открутит.

– Конечно. – Он поднимается, забирая недоеденный сэндвич.

– Спасибо, что поднял мой рейтинг в глазах общественности, – говорю ему вслед.

– Обращайтесь. – Джейми задерживает на мне взгляд и добавляет: – Раз уж зашла речь, я считаю, что тот коп просто хотел помочь Луизе.

В глазах щиплет от слез, но я не даю Джейми возможности заметить их, прогоняю улыбкой. Отворачиваюсь и небрежно машу ему. Он уходит.

Пялюсь на свой недоеденный сырнй бейгл. Этим утром Тесса толкала напутственную речь в стиле «вылезай из кровати и марш в школу», пытаюсь убедить, что сегодняшний день – пустяк в масштабах вселенной: ведь день, например, когда мне стукнуло девятнадцать, пролетел за секунду. Но сегодня все было не так. После четырех перемен, когда меня все игнорировали, хихикая за моей спиной, и бросали наглые взгляды те, кого я когда-то считала друзьями, даже Тесса была на пределе. Внешне я держусь, демонстративно не отвожу взгляд, но глубоко внутри знаю, что воспоминания о сегодняшнем дне всегда будут вызывать рвотный позыв.

Продолжаю пялиться на еду и беззвучно ору сама себе, приказывая: *Подними голову! Улыбайся! Делай вид, что все в порядке! Ешь!* Пустые слова, как и мой желудок. Но я – командный игрок, поэтому одно действие

мне удастся: бейгл попадает в рот, и я откусываю кусочек. Сливочный сыр во рту мгновенно превращается в клейкий комок, а слипшийся мякиш булки застревает в горле. Я в панике: сейчас меня вырвет. Ну что могло еще сильнее испортить сегодняшний день? Если меня стошнит в присутствии половины школы... Пытаюсь выплюнуть кусок в салфетку, но вдруг слышу...

Со стороны стола Джиджи раздается ржание. Надо мной смеются, что ли? Конечно, надо мной. Хотя я долгое время закрывала на это глаза, но мне хорошо известна темная сторона личности Джиджи Макдоналд. Да, она могла собрать людей и испечь пирог для травмированного члена команды или организовать вылазку «только для девочек» в салон красоты ради подруги, которую бросил парень. Но спросите о Джиджи редактора «Вестника Хорсменов», который поместил не самый удачный ее снимок в раздел «Школьная жизнь», или девчонку, от которой что-то подцепил один парень, через которого потом заразилась и сама Джиджи, и они поведают, как могут испортить жизнь непристойные слова и соцсети. Конечно, и я могла в тех случаях предложить бывшей подружке слегка поубавить пыл, но обычно она бросала на меня такой испепеляющий взгляд, что намерения мои мгновенно улетучивались. Как я говорила: проблем в моей жизни и без того всегда было достаточно, чтобы еще обострять ситуацию. Но теперь ведь я и так иду ко дну в любом случае?

Из-за бейгла во рту трудно дышать, и желудок снова скручивает. Перед глазами промелькнула картинка того, как Джиджи возвышается над моим содрогающимся телом, а я валяюсь в позе зародыша. На секунду мне показалось, что в такое мгновение я могла бы сдать, как и другие жертвы. Годами я с жалостью смотрела, как они съеживаются, но из-за страха подставиться самой ничем не помогала...

Вспоминаю о том, что только что сама же сказала Джейми: я не из тех, кто сидит на попе ровно! И делаю единственное, что, на мой взгляд, может меня спасти.

Сильно закусываю щеку изнутри. Металлический привкус крови смешивается с отвратительной едой. Гадость, но сейчас меня это спасает. Зажмурившись, проглатываю.

Когда открываю глаза, вижу перед собой проходящего девятиклассника. Подмигиваю. Он краснеет, оступает, почти расплескивает молоко из пакетика. Кровь моя снова разливается по телу, и я улыбаюсь. Крепче сжимая бейгл, откусываю еще кусок.

Наблюдаю за тем, как компания Джиджи выходит из кафе. Хотя мне уже лучше, соображаю, что надо посидеть, пока все они не свалят. На

часах – пять минут до конца перемены. Тесса в коридоре, должно быть, уже рвет и мечет. Я собираю свои вещи, остатки бейгла летят в мусор. Кажется, в меня уставились миллиарды глаз, но когда оборачиваюсь, то вижу только одного человека.

За мной наблюдают из сумрака. В прямом смысле. Кто-то, судя по комплекции, парень, сидит в дальнем углу и смотрит на меня. Лампа над ним не горит, он находится слишком далеко, разглядеть сложно, но по моему замершему взгляду, должно быть, понимает, что я его вычислила. Он не отворачивается.

Растрепываю волосы так, чтобы пряди упали на лицо. Я и так слишком долго находилась на всеобщем обозрении. На сегодня хватит! Спеша выйти из кафе, украдкой бросаю последний взгляд. Парень смотрит мне вслед.

За считанные секунды пролетаю полкоридора. Но этот взгляд в спину ощущаю еще очень долго...

Глава третья

Тесса в дальнем конце коридора уже нетерпеливо постукивает по часам в ожидании звонка. Историю она, конечно, терпеть не может, зато, как оказалось, любит помечтать о нашем учителе – мистере Райли. И даже лучшая подруга – не повод опаздывать на урок кумира.

Я уже на полпути к Тессе, как вдруг возникает ощущение, будто солнце заслоняют тучи. Джиджи, в сопровождении Эмбер и Киары – крайне задиристых членов нашей команды, с которыми мы обычно не зависаем, – выходит из женского туалета и преграждает мне путь.

С той злопамятной вечеринки мы с Джиджи не разговаривали, хотя я умоляла меня простить, передавала записки, писала сообщения. От Тессы я узнала, что Джиджи подумывает получить охранный ордер, а от мамы – что ее родители угрожают подать в суд. Но вот она передо мной собственной персоной. Я лишь хочу исправить ситуацию, сказать, что сожалею, что не хотела ничего плохого. Может быть, Джейми прав и, если заставить ее выслушать, она поймет. Стараюсь не думать о том, что она, как последняя стерва, распускала обо мне разные слухи. Улыбаюсь.

– Привет, Джиджи. Послушай, мне очень... – это все, что успеваю сказать. Ее правая рука взмывает и дает мне пощечину.

Застываю, прижав руку к щеке, нелепо разинув рот от неожиданности.

Киара таращится на меня, у Эмбер перехватило дыхание.

– Всегда пожалуйста, – ухмыляется Джиджи.

Тесса мчится ко мне.

– Джиджи, какого черта?

– Оказываю Саре одолжение, Тес, – отвечает та. – На занятиях доктор Гордон рассказывал, что так, кажется, дрессируют собак. Когда в следующий раз Сара откроет свой рот, чтобы извиниться, то вспомнит пощечину и передумает. – Джиджи корчит рожу и наклоняется ко мне. – Разве тебе неизвестно, что судьба та еще сука? И чтобы я больше не слышала этой чуши из твоего лживого рта, чокнутая! Пока я жива. А планирую я жить долго, несмотря на все твои усилия. На это есть отличная причина – я хочу сделать твое жалкое существование еще более...

Тут Эмбер неожиданно толкает Джиджи, почти сбивая ее с ног.

– Эй! Ты что, наглоталась таблеток? – с трудом удерживается на ногах Джиджи.

– Это не я... – недоумевающе отвечает Эмбер. Она разворачивается, ища в коридоре кого-то взглядом. – В меня врезался тот парень... Эй, ну-ка стой! – кричит она. – Ты что, слепой?..

И слова застревают у нее в горле.

С кривой лукавой ухмылкой к ней оборачивается высокий, худощавый, но крепкий парень. Он ведет себя столь же непринужденно, как и выглядит: джинсы свободного покроя и фланелевая рубашка нараспашку. Под ней виднеется серая футболка, подчеркивающая явно мускулистое сложение.

Джиджи осматривает его с ног до головы так, что Тесса от удивления приподнимает брови.

Хотя мой спаситель и правда хорош собой, меня заботит не его статус Адониса, а мысль, что я его откуда-то знаю...

Я хватаю Тессу за руку. Уверена, та думает, что я чисто по-женски впечатлилась симпатичным парнем, но сейчас мне плевать на его внешность. Хотя формально мы незнакомы, он уже появлялся в ярком эпизоде черной комедии, в которую не так давно превратилась моя жизнь. Парень перехватывает мой взгляд, и на мгновение кажется, что он меня тоже узнал. Но как такое возможно, когда единственная наша встреча произошла ночью, когда я пыталась убить Джиджи... Это он был тогда в моем сне...

Я еще не поняла, как полуголый парень из сна оказался передо мной в настоящей жизни, а Джиджи уже пытается воспользоваться случаем.

– Привет, новенький! – мурлычет она.

Он задерживает на мне взгляд еще секунду, потом переключается на Джиджи. Та бесподобна, но это не природное. Об этом она нам сама не раз говорила открыто. По мнению Джиджи, глаза у нее мелковаты, слишком близко посажены, волосы постоянно путаются и свисают с головы сухими кукурузными листьями, а бледная кожа просвечивает. Но то, чем не одарил ее господь, она ловко скрывает под тонной макияжа, здорово помогает и виртуозное владение плойкой. Джиджи знает, как выжать по максимуму из того, что досталось, и, заканчивая творить волшебство, становится сногшибательной. Хотя парень, оглядев ее с ног до головы, не произносит ни слова, Джиджи понимает, какое впечатление она производит. По выражению ее лица я понимаю, что сейчас она попытается использовать незнакомца, чтобы насолить мне еще больше.

– Так как ясно, что ты ничего пока не сечешь, на этот раз я сделаю исключение. – С этими словами она придвигается ближе к парню. – Видишь девчонку позади меня? Ту, с отметиной на лице? Не подходи к

ней. Она больная и очень заразная.

Улыбка парня делается шире, Эмбер хихикает, будто ей четыре года. Тесса кидает мне говорящий взгляд: «На перемене за спортзалом, только ты и я». Я ценю ее старания, но понимаю, что они бесполезны. Джейми ошибся: Джиджи не успокоится. На мне позорное клеймо, и даже новенький скоро заиграет по ее правилам.

– Заразная? – переспрашивает он. Его баритон переносит меня в ощущение недавнего сна, и я заливаюсь румянцем, вновь ощущая его гладкую обнаженную грудь. – А что с ней?

Джиджи бросает на меня торжествующий взгляд.

– Общественная проказа, – издевается она.

Эмбер с Кьярой прыскают. Тесса беззвучно шепчет им: «Заткнитесь».

Парень подвигается ближе к Джиджи, и на секунду я вдруг пугаюсь того, что он внезапно ее поцелует.

– Так ты считаешь, что мне лучше разделить чашку Петри с тобой?

– Может быть... – Голос Джиджи звучит не так уверенно, как она, вероятно, планировала. Она подается к парню, а мне хочется влезть между ними и выцарапать ей глаза.

Незнакомец оказывается еще ближе, и я не могу пошевелиться, уже представляя жар его дыхания у нее на губах. Кажется, будто сам воздух вокруг накаляется. Он замирает, делает паузу и произносит:

– К счастью, у меня прививка против злобных старшеклассниц. Поэтому думаю, что мы в качестве пары вообще не вариант.

Эмбер закашлялась, а Клара зажала рот ладонями.

Джиджи идет багровыми пятнами, не в силах пошевелиться, застигнутая врасплох отпором парня, которого пару секунд назад считала уже своим.

Я с трудом сдерживаю улыбку, чтобы не навлечь на себя еще больший гнев.

Раздается звонок. Парень уходит по коридору, а Джиджи пытается въехать в то, что только что произошло.

– Интересный выбор, – наконец произносит она и, важно вышагивая мимо, специально задевает меня плечом. Следом семят ее шестерки.

Я получаю передышку, но понимаю, что это временно...

Когда ко мне возвращается хладнокровие, парень из моего сна оказывается уже в дальнем конце коридора. Не останавливаясь, он бросает на меня взгляд через плечо и улыбается. Потом снова разворачивается спиной к тому месту, где только что собственноручно выкопал свою могилу перед лицом общественности, и идет дальше. Я смотрю, как он

исчезает за углом. Интересно, чувствует ли он мой взгляд так же, как чувствовала я его?

– Э-э-э, и что это было? – спрашивает Тесса.

Трясу головой, вспомнив, что я здесь не одна.

– Джиджи влепила мне пощечину, и мы почти сцепились.

– Да-а, это я поняла, – нетерпеливо произносит подруга. – Я про другое: про Заблудившегося Мальчика, заплутавшего по дороге в класс. Аж слюнки текут... Заверните мне одного. – Она расплывается в озорной улыбке. – Если только, конечно, ты уже не приготовила денежку.

– Что? Прекрати! – быстро отвечаю я, надеясь, что мое лицо не сильно покраснело. – Ты всерьез собралась обсуждать, что кто-то мне улыбнулся? Я вот заморачиваюсь, что мне только что влепили пощечину...

– Проехали! – обрывает Тесса. – Отпадный незнакомый чувак только что прикрыл твою спину! Это при том, что вы незнакомы. – Но, всматриваясь в меня внимательно, добавляет: – Если только я чего-то не пропустила...

Хмурюсь. Тессе и так повезло: лучшая подруга чокнутая и страдает расстройством сна. Лимит дружбы превышен. Разве я могу признаться, что это парень из моего сна? Разве могу ждать понимания, если сама считаю происходящее уму непостижимым?

– Нет, мы незнакомы, – говорю я, направляясь по коридору в класс. *По крайней мере, не как обычные люди*, добавляю про себя.

Тесса взволнованно хлопает в ладоши.

– Ну, здесь я помогу! Его зовут Уэс Нолан. Только что перевелся из какой-то закрытой школы на севере. Сегодня он у нас первый день.

Уэс Нолан. Я уже мысленно выписываю его имя на листочке, заменяя букву «А» на сердечки. Нет. Перебор, слишком быстро... Переключаю внимание на проделанную Тессой сыскную работу.

– Вынюхиваешь ты классно, и подозреваю, сведения точные? – уточняю я.

– Мои источники не врут! – важно приподнимает бровь Тесса. – Утром краем уха слышала, как директор Хэтч обсуждал с миссис Линклер нового ученика. Похоже, твой парень успел побывать до этого уже не в одной закрытой школе.

– Правда? – удивляюсь я.

Потом вспоминаю, что Уэс мне как бы и незнаком и удивляться особой причины нет.

– А ты не суди, – упрекнула Тесса. Она кладет мне на плечо голову, смотрит снизу и улыбается. – Плохие мальчики – это прикольно! Может,

попробуешь с ним подружиться? Отличная из вас выйдет парочка.

Шутливо отстраняю ее и направляюсь в класс.

– Да ладно! – Тесса догоняет меня. – Высокий брюнет приходит на помощь. Есть вещи и похуже.

– Соглашусь, – замечаю я. – Например, одна из бывших подруг вдруг может посчитать личным долгом отныне и вовеки делать все, чтобы разрушить мою жизнь.

Мы идем по коридору, Тесса берет меня за руку и крепко ее стискивает. Мы сдружились еще в детском саду на почве искренней ненависти к тихому часу, и с тех пор наши отношения ни разу не давали трещину. Друг о друге мы знаем все. Тесса, например, великолепно вскрывает замки и годами читает эротический дневник старшей сестры. Она знает, что, когда я бью в игре больше десяти раз, во сне впадаю в припадки ярости. В то время как остальные подруги, например Джиджи, в курсе о нарушении моего сна лишь в общих чертах, Тесса умеет крепить ремни, которые удерживают меня в кровати.

– Не кисни, подруга! – веселится она, по-дружески пихнув меня плечом. – Все не так уж и плохо. Если парень, который только что перевелся в школу, так на тебя запал, что в первый же день обзавелся врагом в лице Джиджи Макдоналд, то ты и правда сногшибательна. Серьезно, Сара. Это в разы круче, чем просто секс-символ!

Пока Тесса болтает, планируя, как мы станем в школе популярными, мои мысли возвращаются к Уэсу. Можно слететь с катушек: я выдумала парня за день до того, как встретить его в реальной жизни, – вот уж загадочное совпадение! Хотя можно сосредоточиться на том, что действительно важно... Нет, не выходит: сразу вспоминается косяя усмешка эльфа-проказника из сна. Вдобавок к голому торсу и лесу.

– Он ничего так, симпатичный, не находишь? – почти невольно выпаливаю я.

– Кто? Новенький? – улыбается Тесса. – О да! Аппетитный, как банановый пломбир со взбитыми сливками, украшенный вишенками. Пока это только первое впечатление. Но весь вопрос в том, есть ли за такой внешностью что-то стоящее?

– Вот и проведи расследование, а то болтаешь без устали, какой он аппетитный.

– Не-а, – отвечает Тесса, качая головой. – Парень положил глаз на тебя. К тому же я занята: играю шаловливую Лолиту для Гумберта Гумберта в исполнении мистера Райли.

– Мечтать не вредно! – фыркаю я.

– Еще пара-другая дополнительных заданий, и он мой, – обольстительно улыбается подруга.

Мы заходим в класс истории и занимаем места на передних партах. Пока собираются другие ученики, Тесса разворачивается и, поджимая губы, шепчет:

– Очень надеюсь, что он не полный придурок. Бесит, когда внешность зазря достается каким-то чудикам.

Она воодушевляется, когда учитель садится за свой стол, и проблема соотношения привлекательности к эксцентричности вылетает у нее из головы.

– Здравствуйте, мистер Райли. Красивый пиджак. Твидовый?

Ресницы Тессы трепещут, а я раздумываю о том, как она охарактеризовала Уэса. Да, парень, конечно, бесподобен, но меня его шикарный вид способен только смутить, да и то ненадолго. Мало того что в моих жестоких снах объявился абсолютно незнакомый человек, так он потом еще и возник во плоти прямо в коридоре моей школы. Не много ли совпадений? Может, я еще раньше краем глаза заметила его на улице или стояла за ним в очереди в «Старбаксе»? Ломаю голову, пытаюсь найти рациональное объяснение абсолютно нерациональному событию. Вновь и вновь вспоминаю детали инцидента на перемене. Но все больше возникает стойкое ощущение того, что Уэс Нолан не такой, как все. И не важно, насколько он симпатичен, опыт подсказывает, что «не такой, как все» редко идет со знаком плюс. От этой мысли я начинаю дергаться, и пока никто не обратил на это внимание, приходится положить на стол карандаш. Хотя еще утром это казалось невозможным, кровная месть Джиджи только что спустилась на второе место в моем списке происшествий «вот же ж черт»...

Глава четвертая

– С возвращением, Спящая красавица, – произносит лысый одутловатый мужик с усами из порно 1970-х.

– Как делишки, Ральфи? – спрашиваю я. – Все растишь свое пузишко?

– Но-но! – Он изображает обиду. – Я потерял пять фунтов за последние четыре месяца. Хотя с тех пор, как ты была в клинике последний раз, набрал двадцать.

Ральфи покатывается со смеху, и я тоже хихикаю – он всегда так заразительно смеется.

Мы познакомились, когда я впервые осталась на ночь под наблюдением в Центре медицины сна имени Ли-Эриксона. Мне тогда было десять лет. Четырьмя месяцами ранее я стала вести странный ночной образ жизни: орала, била и колотила все вокруг, в том числе плюшевых игрушек и озадаченных родителей, вываливалась из кровати минимум по три раза в неделю и даже прогуливалась во сне в соседнюю комнату и разносила там все вдребезги.

Ни педиатр, ни родители не знали, что делать. Мама позже призналась, что они абсолютно серьезно собирались изгонять беса, но тут случайно наткнулись на рекламу, которая меня и спасла. В ближайшем университете открыли клинику сна и искали пациентов для исследований. Мама тогда поверила, что это произошло в ответ на ее молитвы. Но войдя в стерильную комнату с ледяной белой плиткой и пружинной кроватью в углу, я сразу поняла, что это – начало кошмара.

– Я заполню кое-какие бумаги, а мистер Бергер поможет тебе устроиться, – сказала мама в ту, первую ночь. – Все будет хорошо, – пообещала она.

Потом она оставила меня одну с огромным странным дядькой, чьи тонкие вздернутые усы навевали мысль о том, что меня сейчас распнут на железнодорожных путях. Дядька вкатил большой компьютер, от которого шли миллионы проводков с крошечными присосками на концах. Я уже открыла рот, чтобы заорать.

– Эй, эй! – произнес усатый лаборант, присоединяя парочку к своей голове и включая компьютер. – Видишь? Вообще не больно.

Я внимательно смотрела, как он крутил рычажки и возился с клавиатурой. Потом присел рядом со мной на кровать.

– Меня зовут Ральфи, – представился он и протянул руку. Я замерла. А он, улыбнувшись, предложил: – Давай с тобой договоримся, мисс Рейес. Я буду надевать на тебя эти безобидные электродики и рассказывать сказку. И если она тебе не понравится, то ори сколько хочешь, громко ори. Черт, да я даже присоединюсь.

Я задумалась.

– Расскажи одну просто так, а потом я решу.

– Ого, а тебя не проведешь!

Ральфи согласился на мои условия и стал рассказывать самую волшебную из всех версий Спящей красавицы, что я когда-либо слышала. Там были глупые песенки, смешные стишки, герои из других сказок, а животные и предметы говорили разными голосами. Когда он закончил, я была настолько очарована, что согласилась на все, лишь бы послушать еще одну.

В ту ночь, подключенная к куче машин, которые отслеживали работу моего мозга, сердца, мышц, зрения и дыхания, я видела чудный сон. Мне приснилось, что я украла серебряный щит и за мной гонится по бобовому стеблю один из великанов Ральфи, говорящий почему-то с немецким акцентом. Предстояла битва не на жизнь, а на смерть. Установленная в комнате видеокамера записала, как я встала, обнажила невидимый меч и, словно основание стебля, срубила угол кровати. На следующий день я ощущала боль в пальцах и заработала диагноз: нарушение поведения во время сна с быстрыми движениями глаз, или, как прозвали это мы, крутые ребятишки, «БДГ».

Доктор объяснил диагноз моей маме, а Ральфи – понятным языком разжевал все мне.

– Обычно у людей во сне тела не двигаются. – Когда они спят, то как бы парализованы. У тебя, крошка, все по-другому. Ты можешь двигаться. Все, что происходит во сне, ты претворяешь в жизнь – работаешь руками и ногами, всем телом, хотя абсолютно точно спишь. Судя по записям, прошлой ночью ты воевала с великанами, – добавил он, пытаясь поднять мне настроение. К несчастью, оно было хуже некуда.

Ральфи говорил, а я молчала.

– Я бы лучше стала Спящей красавицей. Это можно устроить? – наконец произнесла я.

Я всегда рада, когда Ральфи поручают со мной работать, хотя и закатываю глаза, когда он рассказывает сказки.

– Что, записалась на испытания «Дексида»? – Он расчесывает мои волосы на пробор и мажет голову прозрачным тягучим гелем, потом

присоединяет на макушку электроды. – Вроде ты говорила «нет» наркотикам.

– Скажем так, не на добровольных началах, – дипломатично ответила я.

Ральфи было прекрасно известно, что у меня пару раз случались срывы из-за выписанных медикаментов, и, к неудовольствию лечащих врачей, мама наложила вето на все, что химически влияло на состав моей крови. Последние годы мы использовали только препараты общего действия и сдерживающие крепления на ночь.

– Пыталась кого-то прикончить? – задал он дежурный вопрос.

– Капитана моей команды по лакроссу.

Ральфи даже замер. То ли был удивлен ответом, то ли тем, что его дежурная шутка оказалась на этот раз правдой.

– Во сне я пыталась спасти раненого олененка – избавить от мучений, – добавила я, как будто это могло исправить положение.

На лице Ральфи мелькает понимающее сожаление, но исчезает так же быстро, как и появляется. И снова на его лице славная улыбка.

– Бемби или Барби – какая разница? – фыркнул он. – Все равно ты злодейка.

Дверь в мою палату широко распахивается, и санитар по имени Барри заносит поднос с кувшинчиком воды и таблеткой в стаканчике. В коридоре ждет мужчина постарше, пациент, которого я помню по прошлым визитам в больницу. Увидев меня, он показывает пальцем и удивленно приподнимает брови в немом вопросе «Ты тоже?». Пожав плечами, киваю.

Когда дверь закрывается и мы с Ральфи снова остаемся одни, задаю вопрос:

– Мистер Хьюстон тоже участвует в испытаниях? Разве он не лунатик?

– Лекарство пробуют на людях с разными нарушениями сна, – объясняет Ральфи. – И с лунатизмом, и с ночными страхами. Не только с таким, как у тебя. Хотя, конечно, нарушение поведения во время сна с быстрыми движениями глаз – основное направление.

– Кто бы сомневался... – я делано вздохнула, будто осознала свои преимущества.

Мое нарушение – тот еще подарочек. Я встречала взрослых мужчин с таким же диагнозом, как у меня, чьи жены подавали на развод только потому, что не оставалось сил терпеть: их постоянно выпихивали из собственной кровати. Один парень вынужден был спать в шлеме и ставить мягкую защиту на все углы в квартире, потому что имел склонность к полуночным студенческим тусовкам и начинал метаться, словно был на танцплощадке перед сценой. А другой видел повторяющийся сон, в

котором он был львом, охотящимся со своим прайдом. Рассказывал, что обычно при этом больше часа ползал на четвереньках вокруг кровати, а потом кидался и раздирал простыни зубами в клочья. Мало того что утром он был выжат как лимон, так еще с таким поведением проблемы с личной жизнью неизбежны. Это и раздражает больше всего. С рассветом все не заканчивается. Синдром влияет на все сферы жизни наяву. Особенно на отношения.

Словно прочитав мои мысли, Ральфи спрашивает:

– Эй, а как поживает наш Принц на белом коне? Дала ему второй шанс?

– Все круто, – слишком бодро выдаю я, и Ральфи закатывает глаза. Но так просто мне не отделаться. – Мы с Джейми все еще друзья. Но он злится. Считает меня слишком суровой, потому что я обозвала Джиджи злопамятной мегерой. Но он, похоже, прав, что раздражает еще сильнее. В конце концов, это же я пыталась ее придушить. – Я хмурюсь, смотрю на телефон. – Наверное, надо ему эсэмэску сбросить.

Ральфи протягивает бумажный стаканчик с пилюлей размером с изюм.

– Это «Дексид»?

Он кивает. Дексиднипам – новейшее лекарство, которое тестируют в клинике, но оно еще не одобрено управлением по контролю за продуктами и лекарствами. По правде говоря, последние месяцы я умоляла маму разрешить снова попробовать медикаментозное лечение. Хотя она железобетонно против, догадываюсь, что в свете выбора: либо колония для несовершеннолетних, либо наркотическое лекарство, разрешение на которое еще не выдано, – последнее выглядит не так уж кошмарно.

Смотрю на золотистую пилюлю в белом стаканчике. От одной мысли о том, что ее нужно проглотить, в животе что-то сжимается. Я очень хочу попробовать нечто более действенное, чем гипноз, песенная терапия или гомеопатические альтернативы, которые больше по душе маме, но я не дура. Понимаю, почему мама против: побочный эффект есть всегда. Как и риск...

Сейчас или никогда.

– Вниз, в кроличью нору, – с этими словами залпом опрокидываю стакан воды. – Чего мне ждать?

– Ты про «Дексид»? – Ральфи теребит усы. – Просто глубокий сон. Хотя один из пациентов говорил, что сны особенно яркие. У него все время один, про Центральный вокзал. Но больше я ничего не слышал.

– То есть беспокоиться не о чем? – Надеюсь, голос мой звучал достаточно небрежно и не выдал волнения.

Лаборант улыбается.

– Рассказать сказочку перед сном?

С энтузиазмом киваю. Конечно, для сказок я уже старовата, но даже большим девочкам иногда нужны плюшевые игрушки. Уютно устроившись в скрипящей кровати, натягиваю истрепанное больничное одеяло почти до подбородка. Ральфи поправляет его края, стараясь не задеть тянущиеся от меня проводочки. Садится рядом, и на секунду я чувствую себя в безопасности.

– Давным-давно, – начинает он, – жила-была девочка по имени Сара. И у нее был волшебный телефон. Однажды волшебный телефон сказал: «Хай, подруга...»

– Он что, иностранец? – перебиваю я.

– А что?

– Наверное, он из Австралии? Просто я никогда не думала, что телефон может быть из Австралии. Вот из Америки или из Японии – да. Интересно, а норвежские бывают? Наверное, бывают...

– Эй, кто из нас сказку рассказывает?

Я виновато улыбаюсь. Он отмахивается, но продолжает.

– Если тебе от этого станет лучше, телефон усыновила милая австралийская семья. Просто полежи тихо, не завори мне австралийский акцент. Договорились?

Я делаю вид, что закрываю рот на замок и выкидываю ключ.

– Как я уже сказал, однажды волшебный телефон из Австралии сказал: «Хай, подруга. Набери своему принцу сообщение “привет, хороший денек”, а не то он решит подкатить к Барби». – Ральфи вызывающе приподнимает брови, подчеркивая пошловатую суть его плоской шутки. И когда я не реагирую, добавляет: – Вот и сказочки конец, а кто слушал...

– Шутишь? Правда, все?

Он кивает.

– Ральфи, это худшая из твоих историй, – фыркаю я.

– Иногда и из плохих историй можно извлечь хороший урок, – парирует он. – Зато акцент удался. Мне пришлось укоротить сюжет. Удивишься, как быстро вырубает «Дексид». – Он еще раз проверяет оборудование и добавляет: – Просто пошли ему сердечко. Сразу полегчает.

Ральфи выходит из палаты в соседний кабинет, откуда всю ночь будет отслеживать мои показатели. Лаборант, конечно, рассердил меня своим советом, который я не хочу принимать, но он все время будет рядом, и это успокаивает. Пялюсь в телефон, обдумывая следующий шаг.

– Поверь, детка, – грохочет по внутренней связи голос Ральфи. – «Дексид» действует почти мгновенно.

– Но я не чувствую усталости, ни капельки, – отвечаю я куда-то вверх.
– Скоро почувствуешь. Так что или набирай сейчас, или отложи телефон. Через минуту я попрошу его выключить.

– Хорошо, поняла, – уступаю я и набираю сообщение Джейми.

Собираюсь поспать. Прости за сегодня.

Ответ приходит моментально:

Отличная новость.

Следом еще одно:

Удачи и хороших снов. Тоже прости.

Смотрю на сообщение, ресницы становятся мокрыми от слез. Почему я такая дура? В моей жизни много дерьма, но мне повезло, что рядом есть Джейми – добрый и надежный, он еще и беспокоится обо мне, хотя я разбила ему сердце и вообще веду себя с ним как последняя кретинка. Не уверена, что заслуживаю рядом такого человека, даже в качестве друга, но знаю, что за него я судьбе благодарна.

Заношу палец, чтобы напечатать ответ, и вдруг моя рука тяжелеет. Веки слипаются, замедляется дыхание. Пытаюсь что-то сказать Ральфи, но рот словно набит слипшимися ирисками. Слышу вдалеке глухой стук, это телефон выскальзывает из ладони и плюхается на кровать. Усиленно пытаюсь разлепить глаза, но безрезультатно.

Вокруг

все

черное

...

и ни звука

...

я вообще дышу?

...

Потом...

Хлесткий Ветер Жжет Лицо

Звуковая Вибрация Рвет Перепонки

Высохший Рот Ватный Рот Обезвоженный Рот Захлебывающийся Вкусом.

КАК ВДРУГ

хлоп глазами – Мраморный вестибюль.

хлоп – Золотые огни.

хлоп – Звезды в зеленом ночном небе.

хлоп – Распахиваю глаза и вскакиваю на ноги. Меня всю трясет, но я

чувствую облегчение – конечности снова в рабочем состоянии. Открываю рот, хочу позвать Ральфи, но тут до моего мозга доходит то, что я вижу, и я замолкаю.

Я больше не в Канзасе.

Стою на самом верху гигантской мраморной лестницы, подо мной – грандиозный вестибюль, по которому ходят люди. Вокруг – арочные окна под два метра высотой. На потолке – фреска с ослепительными звездами на ночном небе. А снизу – часы с циферблатами на четыре стороны взгромоздились на круглую информационную стойку, и везде, куда ни кинь взгляд, блестят золоченые люстры.

Центральный вокзал Нью-Йорка. Я здесь уже была, но при других обстоятельствах. Отовсюду струится теплый медовый свет. По белому мрамору, который уводит широкой тропой куда-то далеко за пределы лестницы, покрывая полностью весь первый этаж, извиваются бронзовые прожилки. Мягко мерцают кристаллики, украшающие люстры в форме желудей. Вся эта обстановка будто существует вне времени – кажется, на все вокруг смотрю сквозь фильтр «сепия». Очертания ступеней, часов, окон, даже людей – неконтрастные, но не тусклые, просто слегка размытые, словно фотографировали сквозь дымку.

Вереницы плавно скользящих пассажиров образуют сложную сеть, столь выверенную, что трудно поверить в ее реальность.

– Это сон, – говорю я и расслабляюсь. Голова наливается тяжестью. Интересно, во сне можно уснуть? Это действие «Дексиды»? Я глубоко вдыхаю: сейчас наконец отдохну. Веки начинают опускаться, как вдруг замечаю...

Он бежит быстро, двигаясь против течения пассажиров, не очень вежливо расталкивая поток. Но людей это, похоже, не раздражает, и, едва пропустив его, они снова продолжают идти. Чем он ближе, тем отчетливее я могу его разглядеть. По телу пробегает энергетический разряд, словно мне вкололи кофеин, и я вытягиваюсь в струну.

Прямо на меня идет Уэс Нолан.

Взбегает по ступенькам, перепрыгивает через перила и приземляется у моих ног. Острый взгляд его волнующих зеленых глаз демонстрирует, что, владелец абсолютно в сознании. Он похож на технобит, который беснуется на фоне размеренного такта вальса на три четверти.

– Пойдем, – зовет он, протягивая руку.

Я молча протягиваю свою, и мы бежим...

Глава пятая

– Извините! – кричу прохожему, которому только что двинула локтем, так как Уэс проталкивает меня сквозь толпу заторможенных пассажиров.

– Не трать время, – бросает он через плечо. – Им все равно. Встанут обратно и пойдут дальше.

На ходу оборачиваюсь и вижу, что он прав. Парень, которого я толкнула, снова вливается в поток, не обратив внимания на то, что его задела, и не ища взглядом того, кто его отпихнул. Уэс протаскивает меня через центральный вестибюль, я задираю голову и смотрю на фреску. Мириады нарисованных звезд. Это ведь ночь? А я сплю и вижу сон? Но при этом я полностью отдаю себе отчет в происходящем. Вот забавно. Мы продолжаем протискиваться сквозь толпу.

Пальцами еле заметно поглаживаю кожу Уэса. Его очень мягкая, цвета сливочной слоновой кости, а моя шелковистая, с глубоким оливковым отливом – чувствуется разница. Мне нравится, что моя рука в его кажется крошечной. Краска заливает лицо, я украдкой смотрю на своего проводника, и в этот момент он отталкивает еще одного прохожего. Беременная женщина падает на пол.

– Уэс! – Я выдергиваю свою руку и спешу на помощь прохожей.

– Быстрее! – командует он. – Время не ждет.

– Как вы? – помогаю женщине подняться на ноги. Тишина. – Вы слышите?

Она не отвечает. Молчит и не двигается. Машу рукой у нее перед лицом. Ноль реакции. Потом, даже не сказав спасибо, женщина возвращается в ровный строй пассажиров и продолжает движение вместе со всеми.

– Сказал же, не заморачивайся. – Уэс раздражен, и тон его голоса повысился на целую октаву. – Нельзя останавливаться!

Я скрестила руки на груди.

– Я тебя и в первый раз услышала. Ни шага больше не сделаю, пока не объяснишь, что происходит. И почему, в конце концов, ты переступаешь через беременную женщину и глазом не моргнув?

Уэс бросает взгляд через мое плечо и бледнеет еще сильнее.

– Причина – вот это, – говорит он, разворачивая меня лицом к

кошмару.

И тут я замечаю, что прямо к нам направляются, пробиваясь через стройные ряды пассажиров, две громадные фигуры. Больше всего они похожи на перекачанных бодибилдеров, с чьей стероидной яростью я бы не рискнула встретиться на темной тропинке. Там, где работают мускулы, их тела словно утолщаются. Если эти страшилища меня схватят, о драке и речи быть не может. И все-таки их физические данные пугают намного меньше, чем изуродованные лица. Длинные тонкие губы, уголки которых смотрят вниз, как у грустных клоунов, сплюснутые мясистые носы с покрытыми коркой щелями, возможно, когда-то там были ноздри. У них такая грубая, со следами оспы кожа, что мне кажется: прикоснись к ней – и сотрешь свою до крови.

Но самое жуткое – глаза. На их месте две полые впадины, затянутые багровой кожей с кровоподтеками. Если выражение «глаза – зеркало души» справедливо в отношении любого человека, то здесь явное свидетельство жестокости, насилия и морального разложения души, скрывающейся за столь «говорящим» взглядом.

Так страшно, что нет сил пошевелиться; дыхание сперло, не могу закричать. Но Уэс выдерживает меня из состояния паралича, притягивает к себе.

– Теперь можно бежать?

Ответа не ждет.

Мы срываемся с места.

Летим
Через Зомбированных Пассажиров
Бок О Бок Вниз По Лестнице
По Переходу На Пути Арка

А там...

Сияющий серебристо-красный поезд дает гудок к отправлению, двери закрываются, одновременно звонит колокол.

Уэс бросается к ближайшему вагону и, втиснувшись между закрывающимися дверьми, придерживает их, чтобы я успела попасть внутрь. Бегу изо всех сил, скорость не снижаю, хотя это не так просто. Влетаю в двери, по инерции буквально впечатываюсь в стену напротив и сползаю на пол. Уэс отпускает створки и делает шаг назад. Встает рядом на колени, переводит дух. Двери с шумом захлопываются.

– Неплохо, – тяжело дыша, улыбается Уэс.

Пытаюсь успокоить сбившееся дыхание, не отводя взгляда от парня,

который только что помог избежать встречи с кем-то, кто ужаснее Фредди Крюгера, Джейсона Вурхиза и еще десятка монстров, вместе взятых.

– Ты говоришь, неплохо? – спрашиваю я. – Даже думать не хочу, что могло быть хуже.

Поезд отправляется со станции, а Уэс поднимает меня на ноги и ведет в вагон. Пассажиры, которых я видела в вестибюле, тихо сидят на своих местах в разных купе, уставившись в какую-то точку перед собой. Мы молча переходим из одного вагона в другой. Время от времени Уэс оборачивается, словно проверяет, что я еще с ним. Я с ним. После таких переживаний приклеилась намертво.

Вагонов через пять задаю вопрос:

– Куда мы идем?

– Куда угодно, лишь бы поблизости не было этих тварей, – отвечает он. Его тон беспечным не назовешь, но и испуганным или безысходным тоже. Почему-то я поняла, что убежать от тех созданий ему явно не впервой.

– Кто они?

– Не могу объяснить, – пожмает он плечами. – Когда на горизонте показывается Головешка, я удираю.

– Головешка?

Он прыскает.

– Ну как выжженная головешка. Сам придумал. Когда один из них первый раз загнал меня в поезд, я спрятался в кабине проводника и все твердил, что это плод моего воображения, какой-то глючный монстр, которого я выдумал сам, пересмотрев второсортных фильмов, в которых нормальные на первый взгляд пацаны превращаются в мерзких тварей после какого-нибудь излучения. Тем более у этих монстров такие лица, словно их передержали в духовке. При одном воспоминании передергивает.

– И что, сработало?

– Не совсем, – смеется он, на этот раз не сдерживаясь, и выражение его лица становится мягче. В этот момент он так прекрасен, так выдержан, настолько логичен в такой нелогичной ситуации... – Большую часть поездки я провел в позе зародыша... – видимо, вспомнив что-то еще, он замолкает, вспыхнувшие было глаза тускнеют. – Так имечко и прижилось. Знаю только, что, если не останавливаться, есть хороший шанс их избежать.

– А что будет, если поймут?

– Лучшие тебе не знать. Пошли. – И он тащит меня в следующий вагон.

– Ты чувствуешь, что мы уже в хвосте состава? – Я слышу в своем голосе раздражение. Не важно, сплю я или нет, не люблю, когда со мной не считаются. – Если мы скоро не прибудем на какую-нибудь станцию, у нас появится большая проблема.

Он останавливается, в глазах огоньки.

– Ну вот, поймали момент. – И показывает на пассажира, который встает с сиденья.

Ему далеко за пятьдесят. Ничем вроде и неприметный, подумаешь, надел человек полосатую пижаму. Если бы не пара нюансов. Во-первых, мужчина слегка покачивается – очень отличается от выверенных рядов спин его соседей. И во-вторых, я его знаю. Это Мистер Хьюстон – лунатик из клиники.

Он идет к одной из закрытых автоматических дверей в тамбур и останавливается, глядя перед собой в одну точку. Как будто хочет выйти на остановке, но поезд не притормаживает. Я собираюсь что-то сказать, и вдруг створки дверей разъезжаются.

Врывается порыв холодного ветра, поезд не сбавляет ход. Мистер Хьюстон стоит, покачиваясь, в проеме, а мимо со свистом проносится темнота. Первое желание – вцепиться в него, оттащить от опасности, о которой он, как я понимаю, и не подозревает... И вдруг на той стороне появляются декорации.

Абсолютная темнота сменяется чередой мельтешащих картинок, а потом разноцветный коллаж ярких геометрических фигур, как в калейдоскопе, складывается в изображение парка в ясный летний денек. Нет, не в изображение. В настоящий трехмерный мир. И хотя поезд все так же едет вперед, картинка по ту сторону двери словно застыла. Если я шагну туда, попаду ли в этот парк? Словно отвечая на мой вопрос, мистер Хьюстон именно это и делает. Переступает одной ногой порог, уже практически касаясь земли, но тут срывается с места Уэс. Что он хочет? Спасти человека? Пойти вместе с ним?

Не раздумывая, я оттаскиваю Уэса. Мистер Хьюстон ступает на траву.

Обстановка вокруг тут же его обволакивает, словно поглощая.

Сельский пейзаж в зелено-синих тонах мгновенно удаляется, человек остается внутри его.

Двери со стуком захлопываются.

Уэс рывком высвобождается из моих рук и бросается к дверям. Прижимается носом к стеклу, но мистер Хьюстон и парк уже далеко позади.

– Зачем ты это сделала?! – кричит он. – Это был шанс сойти с поезда!

– Ты о чем? – недоумеваю я. – Его же просто засосало...

– В сон. – Он произносит каждое слово медленно, видимо, подчеркивая интонацией особо важные моменты для особо безмозглых: – Я объяснил, что нельзя останавливаться. Ты сама сказала: мы бежим из поезда. Когда такое происходит и другой сновидец открывает для нас проход...

Краем глаза замечаю в темноте какое-то движение и перестаю слушать. Разворачиваюсь и вижу стоящего в проеме тамбура монстра, у которого вместо руки шипованная дубина. Он не просто смотрит, а буквально уничтожает нас взглядом. Из расплющенных ноздрей валит пар.

Чудовище хрипит. Сейчас кинется...

Инстинктивно пытаюсь сделать два шага назад, но мой мозг в панике забывает передать импульс ногам. Спотыкаюсь и падаю на пол.

Сверху тут же с ревом наскакивает Головешка. Он издает резкий воинственный клич, и вокруг распространяется какой-то кислый смрад, нас обдает теплом радиоактивного распада. На только что ухмыляющегося монстра теперь смотреть страшно. Я сжимаюсь, стараясь стать как можно меньше, чутье подсказывает не прикасаться к изъеденной коррозией твари. Теперь кричу уже я, так как монстр заносит шипованную руку, явно намереваясь меня прибить.

Уэс успевает поднять меня на ноги. Бросаемся наутек.

Перебегаем из вагона в вагон, но состав быстро заканчивается. Пути дальше нет. Мы в ловушке.

– Помогите! – командует Уэс и ведет меня к автоматическим дверям. Просовываем пальцы в мягкий паз, каждый хватает свою створку, силясь раздвинуть их в разные стороны. Не смогли мы их сдвинуть и на пару сантиметров, а я уже чувствую дуновение с конца вагона. Головешки... Их двое... Они уже на подходе...

В панике я ослабляю хватку, но Уэс уже рядом:

– Ты справишься! Мы справимся. Вместе! Готовься: на счет «один» рванем.

То ли уверенность его голоса, то ли твердость рук вселяют надежду. Не знаю, почему именно, но я ему верю. Хотя пальцы трясутся, я снова просовываю их между дверей, а Уэс ведет обратный отсчет:

– Три, два, один!

Вонзаю в пол каблуки и упираюсь поясницей в стену тамбура. Просовываю пальцы все глубже в щель, потом хватаюсь за косяк. Тяну со

всех сил, обливаясь потом, кряхчу, и в конце концов панели поддаются, двери распахиваются.

С другой стороны – чернота. Ночное небо без звезд.

Поворачиваюсь, и в тот же миг объявляется Головешка. Не успеваю даже подумать, как поступить, Уэс кидается между монстром и мной.

Оступаю, делаю шаг назад, балансируя на краю проема. Головешка хватается Уэса, тот тянет ко мне руку, но я не успеваю за нее ухватиться и смотрю, не в силах помочь, как она исчезает, по сути, рассыпается вместе со всем телом. А затем мясистая, обезображенная клешня лупит по воздуху прямо передо мной, и ничего не остается другого, как... пройти через дверь.

Все, что было:

поезд,

монстры,

Уэс...

остаются там, позади, а я лечу,
плыву, падаю в темноту...

Мне знакомы эти сны, когда просыпаешься за секунду до того, как грохнуть на землю. Но что, если здесь земли нет? Неужели я буду падать, и падать, и падать вечно?

Этот сон не похож на обычный – с самого начала все было слишком по-настоящему. Меня трясет. Дыхание частое. Пульс зашкаливает. Надо успокоиться, но как?

В детстве, еще до проблем со сном, когда кошмар мог лишь разбудить меня среди ночи, мама заходила в комнату и присаживалась рядом с кроваткой. Она советовала вспомнить того, кого я люблю (на тот момент я выбирала между ней и плюшевым мишкой по имени Мейбл), и взять его с собой. А потом выбрать другое место действия и пуститься в новое приключение уже вместе со спутником. В девяти случаях из десяти кошмар отступал, и остаток ночи проходил спокойно. Конечно, когда появилось мое расстройство, эти ухищрения потеряли свою актуальность. Отчаянные времена...

Закрываю глаза и вспоминаю Тессу.

Моя лучшая подруга, моя опора! Всегда точно знает, как помочь воспринять происходящее не так близко к сердцу. Она бы напомнила, что это лишь сон, убедила, что все только в моей голове. Она привела бы мои мысли в порядок...

Рисую ее образ: вот она смеется, бежит по пляжу, где летом

подрабатывает спасателем. А вот улыбается, и я тоже расплываюсь в улыбке. Дышать уже легче, ведь я представляю, что бьющий в лицо воздух – это теплый летний бриз. Я падаю, но по ощущениям словно плыву в воде.

Все будет хорошо.

У меня все будет хорошо!

Открываю глаза. Подо мной розово-голубой люк. Чувствую, что падение ускоряется.

Люк приближается, и я вытягиваю вперед руки, готовясь к удару.

Быстрее...

Еще быстрее...

Еще быстрее, и тут...

Люк распахивается, я пролетаю внутрь. И приземляюсь на пляже, песок смягчает падение. Отряхиваюсь и замечаю на игровой площадке Тессу, которая прижимает к бедру волейбольный мяч.

Издалека смотрю, как она строит глазки и играет в паре с приятным парнем в пляжных шортах. Я оборачиваюсь не раз, и даже не два, но меня никто не преследует, и через какое-то время я немного успокаиваюсь.

Оставшуюся часть ночи я наблюдаю за Тессой, хотя она меня не замечает...

* * *

– С добрым утром, Спящая красавица, – приветствует меня Ральфи, пока я протираю глаза. – Согласись, ты была в полной отключке?

Я опускаю взгляд на кровать и зеваю. Ральфи просматривает распечатки с аппаратуры, а санитар Барри помогает мне подняться.

– А сколько сейчас времени? – спросонья спрашиваю я.

– Шесть утра, – отвечает Ральфи. – И как спалось? Сны были яркие?

– В основном, – уклончиво отвечаю я.

Вспоминаю, как бежала, падала, как меня трясло. Боюсь даже представить, что я здесь натворила. Моргаю, чтобы сфокусировать взгляд, и осматриваю комнату, ищу доказательства ночного буйства. Но вокруг все целое.

– В том-то все и дело, малышка, – понимающе подмигивает Ральфи. – Твои показатели во время быстрого сна намного превышали норму, но даже палец не пошевелился! – Он, не скрывая радости, ухмыляется и шлепает себя по коленям. – Спала сном младенца! Ну, довольна?

Эту новость я ждала последние шесть лет. Я ее буквально вымолила. Улыбаясь, охотно даю ему «пять». Но если честно, боюсь поверить, что это так. Кошмар казался таким настоящим, а монстры – такими живыми...

– И такая реакция на этот препарат обычна? – интересуюсь я.

– Спать, неподвижно лежа в кровати? Для этого и придумали «Дексид».

– А как же сны?

Ральфи на секунду задумался.

– Знаешь, я не должен это обсуждать, если только между нами...

Я поклялась, что буду молчать, и дала слово скаута.

– Помнишь, я сказал, что есть еще пациент, который видит сны? Так вот – вас только двое. Довольно странная реакция во время фазы быстрого сна. Ни у кого больше мозги так себя не ведут. У тебя даже лобная доля светилась!

– Это плохо? – спрашиваю я, широко раскрывая глаза. – Наверное, плохо.

Ральфи смеется и качает головой:

– Вовсе нет. Зато парню, который всю ночь пялится на результаты сканирования мозга, не так скучно. Это сны, детка. Ты всегда их видела. И никакое лекарство это не изменит. Всего лишь сны.

Ральфи встает и начинает гроыхать по всей комнате, складывая распечатки, возится с приборами.

– Честно, Сара, это ведь здорово! Еще пара ночей под наблюдением, чтобы точно понять, что «Дексид» тебе подходит, и потом, если повезет, тебе больше никогда не придется лицезреть мою мерзкую рожу.

Он растягивает себе щеки и трясет ими, как желе.

– А мне твоя рожа нравится, – отвечаю я. А сама мысленно добавляю: «По крайней мере, она с глазами».

Хотя Ральфи прав. Это здорово! Таким результатам нужно радоваться. Думаю, годы разочарований сделали из меня трусиху. Но на этот раз не надо смотреть дареному коню в зубы. И я пытаюсь не смотреть.

После того как меня отключили от всех приборов и я смыла с волос гель, собираю вещи и иду на улицу ждать, пока меня заберут. На голубом небе ни единого облачка, а легкий ветерок холодит кожу. Я в принципе больше люблю день, а это утро дарит чувство смутной тревоги. Оно чересчур яркое, чересчур идеальное.

Оно слишком похоже на затишье, после которого грянет буря...

Глава шестая

– Давай только не будем подсаживаться на эти объяснительные, – говорит мама серьезным тоном взрослой женщины. И подмигивает, передавая мне свернутый листок.

– Мам, ты хоть раз писала записку в школу, что я опоздаю, в другие дни, кроме стационарных? К тому же, если Ральфи прав, моя карьера актрисы ярмарочного балагана уже катится под откос.

Мама хмурится.

– Я все равно не уверена, Сара, – признается она. – Понимаю, ты хорошо выспалась, но лекарства, на мой взгляд, – это не выход.

– А песни выть, значит, выход? – спрашиваю я, закатив глаза.

– Это несправедливо! – хмурится мама. – Ты сдалась после двух встреч с доктором Рави. Я уверена, что есть эффективные способы, которые могут помочь, если постараться и довести курс до конца. Я хочу сказать: на самом деле постараться. Не всегда лучший вариант – накачивать себя лекарствами.

Я сверлю маму взглядом. У меня имеются собственные опасения насчет того, что повлекут за собой события прошлой ночи, но слышать, как она озвучивает мою невысказанную тревогу, нет сил, и я взрываюсь:

– Ты шутишь?! После шести лет кошмара доктор Эриксон в конце концов находит лечение, которое позволит мне жить нормально, а ты предлагаешь от него отказаться, искать что-то еще?

Глаза матери расширяются, и, капитулируя, она поднимает руки.

– Дорогая, конечно, я не это хочу сказать. Просто напоминаю, что в последний раз, когда ты пробовала сильные лекарства...

– Я не забыла, – перебиваю я, с каждым ее словом мое раздражение нарастает. – Это у меня обездвижило челюсть вместо тела. А до этого, помнишь, выпали все волосы? Я-то помню... Ведь это было со мной. Это все происходит именно со мной! Я не двигалась всю ночь, впервые, так что уж простите, если пытаюсь просто радоваться. И я хочу сказать: *на самом деле* пытаюсь.

Я отвечаю маме ее же словами, что заставляет ее вздохнуть, но я дожимаю:

– Наклевывается шанс жить как нормальный человек, измениться, чтобы твою дочь не считали чокнутой психопаткой, а ты меня не

поддерживаешь ни капельки. Разве этому тебя учат на психологических тренингах? Если да, я бы попросила деньги вернуть обратно.

Мама хочет взять меня за руку, но я отталкиваю ее. Тогда она кладет руку мне на колено и смотрит через лобовое стекло на залитый солнцем день.

– Ты не чокнутая, – тихо говорит она.

Может, и нет, но даже по моим меркам веду себя явно как капризный ребенок...

Какое-то время сидим в машине молча. Болезнь изменила не только мою жизнь. Я это знаю. Сомневаюсь, что за все эти годы мама хоть раз поспала нормально. Счета от врачей, лечение не помогало, еще и отец свалил, когда мне было двенадцать. Мать страдала не меньше моего. Но она никогда не давала мне повода почувствовать себя обузой, хотя я понимаю, что так и есть.

– Может быть, я смотрю не под тем углом, – внезапно заявляет она. – Может быть, в случившемся с Джиджи и ее родителями есть положительное. Может, наш луч надежды – «Дексид»? – Я разворачиваюсь к ней, мама выжимает улыбку. – Мне просто страшно, милая. Прости...

– Мне тоже, – признаюсь я, опустив плечи. Наклоняюсь к ней через сиденье, обнимаю и шепчу на ухо: – Стыдно и страшно.

– Знаю. – Слова застревают у нее в горле. – Лучше бы это случилось со мной...

Слезы щиплют глаза, и, пытаясь подавить всхлип, я смеюсь:

– Нет, нет! – и трясусь головой. – Я утром ресницы накрасила! Нельзя реветь.

Мама всхлипывает.

– Ты должна выглядеть на все сто! Меньшего мы допустить не можем. – Она достает из сумочки салфетку, протягивает мне. – Не переживай. Не важно, потекла тушь или нет. Ты выглядишь отлично.

– Естественная красота, – усмехаюсь я.

– У тебя хорошие гены. – Мама хлопает ресницами и взбивает прическу. – Не то что у бедняжки Джиджи, – добавляет она, и ее кокетство становится смертоносным. – Я и позабыла, какую работу пришлось проделать ее матери. Не пройдет и десяти лет, как Джиджи будет сидеть на ботоксе и по третьему разу перекраивать нос.

– Мам! – У меня отвисает челюсть. – Что бы на это сказали те, с кем ты медитируешь в кругу?

– Да ладно! – отгоняет она мое напускное беспокойство. – В ту секунду, как семейство Макдоналдов стало угрожать моей дочери, мой круг

превратился в огненное кольцо.

Я целую ее в щеку.

– Мне надо идти, – отстегиваю ремень безопасности. – Доктор Гордон терпеть не может, если меня нет на месте. Кто тогда остановит Тессу, когда она будет взрывать химкабинет? Спасибо за записку, мам. Ты лучшая!

Я выпрыгиваю из машины и машу ей вслед.

Стою перед школой. Воспоминание о вчерашней стычке с Джиджи пульсирует под фантомным отпечатком на левой щеке. Думаю об уродских монстрах из ночного кошмара: интересно, они пугают больше или меньше, чем то, что, черт возьми, уготовила мне сегодня Джиджи? Пытаюсь отделаться от картинок безликих чудовищ и уже знаю ответ.

– Ха! – озвучиваю его вслух сама себе. – Кое-чего я боюсь больше, чем Джиджи...

Смеюсь над нелепостью всей ситуации и направляюсь в класс. Решаю проигнорировать главный вход и воспользоваться менее популярными Западными воротами – они ближе к лабораториям. Охрана, конечно, должна закрывать все двери, кроме центральных, хотя они обычно забывают. Но когда я подхожу, дверь не поддается.

– Ну давай же... – ворчу я, дергая ручку. Безрезультатно. Мироздание пакостит мне всеми доступными способами. Это меня достало, и я пинаю дверь, произнеся такое слово, которое приличным девушкам даже знать не пристало.

– Эй, полегче! – слышу голос из-за спины. – Сама опоздала, а виновата дверь?

Разворачиваюсь и замираю. Сумка соскальзывает с плеча и падает на землю. Прислонившись к пустой велосипедной стойке, стоит Уэс Нолан. Губы изгибаются в полуулыбке, идеально сочетающейся с искрящимися зелеными глазами. Слегка выгоревшие каштановые пряди эффектно растрепаны, словно он только проснулся, и за исключением идеально неидеального носа с горбинкой единственный формальный изъян – крошечный шрам над правой бровью. Это можно простить: он привлекает к глазам больше внимания. Ведь когда в них смотришь, все пропало... Если бы Уэс не был так настроен против социальной лестницы старшей школы, он бы легко попал на ее вершину.

– А, привет! Ты меня напугал.

– Это понятно. – Он сверлит меня взглядом.

Уэс – яркий представитель выходцев из Ирландии, я же – стопроцентная ассимилированная американка: чуточку от голландских завоевателей, немного от латиноамериканцев, все это щедро разбавлено

кровью жителей Юго-Восточной Азии. Я прекрасно знаю, как взять себя в руки, но его пристальный взгляд заставляет меня принимать близко к сердцу любую мало-мальскую несуразность собственной внешности. Едва заметный неправильный прикус, который я иногда прячу, слегка вытягивая губы, нос шире стандартного, что не позволяет считать его совершенной пуговкой – а именно к этой форме так стремятся пластические хирурги... Мое лицо – и все, что ниже, – просто пылает.

– Что ты здесь делаешь? – умудряюсь просипеть я.

– Тебя жду, – признается он приятным низким голосом. Потом откидывается назад, прищуривается, а его взгляд пронизывает меня насквозь, до неприличия.

Я громко вздыхаю. В животе пульсируют электрические разряды, а на руках встают дыбом волоски. Пытаюсь сглотнуть, но мой рот, похоже, больше не вырабатывает слюну. Прижимаюсь спиной к двери, ощущая спасительную боль от дверной ручки, которая уперлась мне в бедро. Может, хоть это убережет меня и я не лишусь чувств, словно какая-то дурочка из девятнадцатого века. А если я все-таки грохнусь в обморок, будет ужасно, если Уэс меня подхватит?

– Ты ждал меня? – переспрашиваю я и стараюсь не дышать.

– Хочется думать, – отвечает он, усмехаясь, и чары рассеиваются. – Но увы, я же не знал, что ты придешь.

– Ну, да... – Смотрю под ноги, напрасно пытаюсь скрыть красное лицо.

– Но если уж ты здесь, можно вопрос?

Полтора шага – и он уже рядом, возвышается надо мной, а я снова восхищаюсь его физической формой.

– Без проблем, – низко, по-мужски, отвечаю я, переусердствовав из-за страха сорваться на писк.

– Слышал, ты пыталась прибить ту девчонку из группы поддержки, которую я встретил вчера в коридоре. Что она натворила? Отбила парня?

Все теплые чувства стынют.

– Что, прости? – изумленно переспрашиваю я.

– Передо мной можешь не извиняться, – пожимает он плечами. – Не меня же пыталась ликвидировать.

– Нет, – нервно выдаю я. – Я не собиралась извиняться... и не пыталась...

Чувствую, как уголки глаз становятся влажными. Подбираю сумку, хочу уйти от Западных ворот.

– Мне надо в класс, – умудряюсь сказать что-то внятное. Но не успеваю сделать и пары шагов, как Уэс подходит ко мне со спины, берет за

запястье, и я замираю.

– Подожди, – говорит он, обжигая теплым дыханием шею. – Прости, не хотел тебя расстраивать. Иногда скажу, а уж потом думаю. Иди сюда.

Он ведет меня обратно к неподдающейся двери и кладет мою правую ладонь на ручку. Потом обнимает со спины за талию, полностью повторяя контуры моего тела, и берет мою левую руку. Я, сопротивляясь порыву прижаться к нему, словно кол проглотила.

– Если повернуть ручку и одновременно подергать снаружи, можно ослабить замок, – раздается щелчок, ручка полностью поворачивается, – и дверь откроется.

Дверь поддалась, но мы с Уэсом словно застыли. Что я творю? Стою здесь, обнимаясь с каким-то незнакомцем? В моем сне он герой, но это не значит, что я хоть что-то знаю об этом парне в реальной жизни. Но как же хочется расслабиться в его руках... Интересно, что будет, если я к нему хоть немного повернусь?

Не успеваю. Вырывая меня из грез, звенит звонок. Через секунду коридор с той стороны двери наводнят ученики, переходя из кабинета в кабинет. И надо влиться в этот поток. Поэтому я высвобождаюсь из объятий Уэса, легонько толкаю дверь бедром и делаю шаг внутрь. Но далеко не убегаю.

– Спасибо за помощь, – пишу я.

– Без проблем! – отвечает он, слегка улыбаясь и не двигаясь с места. – Всегда рад помочь оказавшемуся в беде другу.

– Так мы друзья? – кокетничаю я, на расстоянии чувствуя себя немного увереннее.

Уэс задумывается.

– До поры до времени, – отвечает он и расплывается в широкой улыбке, совсем как в моем сне.

Я словно пьяная... Когда у тебя дежавю, мир сначала переворачивается с ног на голову, перекашивается, но потом все встает на свои места.

– Может, нам встретиться как-нибудь, как друзья, поболтать немного? О спорте. Погоде. Твоих склонностях убивать во сне. – Он говорит достаточно громко, и ребята в коридоре могут услышать.

Я тут же возвращаюсь назад, практически закрываю за собой дверь.

– Совсем, что ли... ну-ка замолчи!

– Прости. Шутка. Думал, ты спокойно относишься к подколам на эту тему. Эй, а это что, типа секрет? Меня с этим ознакомили тут же.

– Ну, не совсем, – теряюсь я. – Просто...

– Я, кстати, тебя совсем не осуждаю, – продолжает он. – Хватило вчера

мимолетной встречи с пострадавшей, чтобы тебя оправдать. Но если ты хотела сохранить свое расстройство в секрете, наверное, не стоило водить подругу на улицу Вязов.

– Я ее на улицу Вязов не водила... Стоп. Откуда ты знаешь о моем расстройстве? И к тому же там лежал олененок... раненый, и да, это было, наверное, жестоко... но я просто пыталась ему помочь, – невпопад вываливаю я путаные оправдания.

Улыбка гаснет, и он больно хватает меня за запястье.

– Что ты сказала?

– Эй! – выкручиваясь, рывкаю я. На смену бубнящей под нос девчонке мгновенно приходит трезвомыслящий боец. – Не смей даже пальцем ко мне прикасаться, пока я ясно не попрошу обратное.

Не отводя взгляда от своего потенциального противника, ногой открываю дверь и возвращаюсь в школьный коридор.

Белый как снег Уэс застыл на месте. Смотрит так, будто я в камере смертников.

Отлично, думаю я и напоминаю себе, что он, по сути, абсолютно незнакомый мне человек.

– Можешь думать, что ты меня знаешь, *дружище*, но это не так. И, по моему, я раскусила, почему ты всегда один.

Щеки у него снова розовеют. И хотя он все еще натянут как струна, но дотронуться до меня больше не пытается.

– И почему?

– Потому что козел и распускаешь руки, – я отворачиваюсь и ухожу, бросая через плечо: – Спасибо за помощь.

И дверь захлопывается.

Протопав по коридору, замечаю у дверей в кабинет Тессу с тетрадками в руках.

– Не могу поверить, что ты пропустила занятие в лаборатории, – говорит она, когда я к ней подхожу, и протягивает записи. – Мы проводили такой эксперимент, просто улет! Я теперь серьезно задумалась о карьере, связанной с естественными науками.

– Так все плохо? – интересуюсь я, забирая бумаги. Стараюсь выкинуть из головы встречу с Уэсом, переключившись на ненависть Тессы к естественным наукам.

– Моя мать интереснее рассказывает о том, что выбросили на распродаже в супермаркете.

Дверь в класс открывается нараспашку, и выбегает девчонка по имени Дженни. Глаза красные, вся в слезах. Прижав к груди учебник, мчится в

женский туалет. Меньше чем через тридцать секунд появляется Эмбер. Пит (надо полагать, уже бывший парень Дженни) приобнимает ее за плечи, а она небрежно улыбается, словно ей все по барабану.

– О, да, еще и это!.. – вздыхает Тесса.

– Когда успели? – спрашиваю я.

– Прошлой ночью. Пит работает в паре с Эмбер на занятии, они готовились у него дома. И вуаля. Подозреваю, он устал, что Дженни строит из себя недотрогу.

– Вот урод... – реагирую я. – Бедняга Дженни. Я даже не знала, что Пит нравится Эмбер.

– А когда это ее останавливало? – замечает Тесса и хлопает Эмбер по спине. – Привет! Ты открыла для себя средства от прыщей и сняла брекететы всего три года назад! Неужели комплексы гадкого утенка так быстро забываются?

Я смеюсь, закатив глаза при упоминании рокового изъяна во внешности моей бывшей подруги. У всех свои скелеты в шкафу. У меня – заморочки со сном. У Эмбер – воспоминания о средней школе. До того как исчезли прыщи, а с зубов демонтировали железки, Эмбер все выходные проводила в одиночестве. Ее не приглашали на вечеринки, она никогда не отрывалась со всеми в магазинах. Но летом перед девятым классом все изменилось. Брекеты сняли, прыщи вылечили, и она настроилась в старших классах стать другим человеком. Но, вместо того чтобы лепить этого человека самостоятельно, предпочла подражать соседке, чьей идеальной жизни так долго завидовала.

Ей повезло: Джиджи Макдоналд проект одобрила.

Джиджи подарила Эмбер другой имидж и клюшку для лакросса. А Эмбер оказалась преданной и одаренной ученицей, трудом и потом превратившейся в великолепного лебедя. Но цена шефства оказалась высока. Боясь потерять свое местечко на пьедестале, Эмбер и рта не может раскрыть без одобрения Джиджи, как перчатки меняет популярных мальчиков, словно мумия высасывая их жизненные силы в стремлении вечно сохранять свою молодость и красоту.

Глубоко внутри Эмбер я улавливаю проблески чуткой души. Как-то раз мальчишки из конкурирующей старшей школы пристали к Гилману Гиллигану на игре Хорсменов. Он должен был выйти на поле в перерыве между таймами, но по пути в тренировочный зал ему попала группа фанатов. Тогда Эмбер гордо подошла к Гилману, смачно поцеловала его в губы (парни аж замерли) и, взяв за руку, увела от мучителей. Отпад как эффектно. Но когда вечером Гилман пришел к знаменитому Пню, надеясь

поболтать со спасительницей, все разрушили комплексы: она быстро и жестко его отшила.

Как я уже сказала, у всех есть скелеты в шкафу.

– Вот Пит придурок, – вздыхает Тесса. – Что он, по рукам идет? Она же через неделю бросит его ради разыгрывающего защитника из универа. Видишь! Химия – очень опасный предмет. И зачем мне в ней разбираться, если я собираюсь стать журналистом отдела светской хроники?

Я смотрю на Эмбер и надеюсь, что друзья Дженни в курсе, в каком туалете ее искать.

– Химия нужна, чтобы понимать, какая химическая реакция заставила милого парня А бросить милашку Б ради карьеристки С, когда та, понятно дело, кинет его в ту же секунду, как подвернется кто получше.

– Какая ж это химия? – говорит Тесса. – Это отбор по Дарвину. И если уж хочешь обсудить эту сторону науки, что это творится с нашим главным бездельником? Вон, высматривает тебя из коридора.

Я оборачиваюсь. Так и есть, это Уэс – пялится на меня, словно сейчас полдень, а он через секунду вытащит пистолет. Куча девятиклашек, идущих сплошным потоком, загораживает мне горизонт, и я силуюсь рассмотреть что-то через них. Но к тому времени, как коридор пустеет, Уэса уже нет.

– Не знаю, – отвечаю Тессе. – Не могла открыть дверь, он помог. Вот и все.

– Угу... – мычит Тесса. – Ну и к лучшему.

– Чего это? – удивляюсь я отсутствию лекции по поводу великолепия Уэса Нолана.

– Ну, после того как мистер Лентяй пришел вчера к тебе на помощь, я навела справки.

– Тесса! – хмурюсь я.

– Он явно к тебе неровно дышит, а я не собиралась ждать, пока лучшую подругу умыкнет психопат.

– И? – против своей воли спрашиваю я.

– Похоже, он и правда психопат. Я стянула его досье со стола Линклера. Не осуждай, – опережает она, пока я не высказала неодобрение. – Из последних трех школ он вылетел из-за прогулов, драк и, я не шучу, пожара в подсобке.

– Что? – Я раскрываю от изумления рот, хотя причин удивляться пока нет. Ведь этот парень и Уэс из моего сна совсем не одно и то же. Но дело дрянь. Получается, настоящий Уэс не идет ни в какое сравнение с версией из моего подсознания.

– Вот отстой, – лучшее, что могу выдать я. – Но я-то тут при чем?

– Ни при чем, значит? – спрашивает Тесса. – Разве химию ты пропустила не из-за него? Одна встреча с Уэсом Ноланом – и хорошая девочка встает на скользкий путь?

– Ха-ха-ха, смешно! – отмахиваюсь я от нее. – Просто в клинике задержалась.

– А, точно! И как все прошло?

– Вполне прилично. – Я рада переключиться и не думать о том, каким ничтожеством оказался настоящий Уэс. – То есть даже здорово, на мой взгляд. Похоже, они и вправду нашли лекарство, и я прекращу во время сна выбивать дурь из себя и из окружающих.

Тесса застыла как вкопанная.

– Бог мой, Сара... Честно? Так это же просто замечательно! Что же ты молчишь? – И полезла обниматься.

– Да-а, – улыбаясь, говорю я и высвобождаюсь из объятий. – Знаю, хорошо. Вот только...

– Только что? Еще побочка? – напрягается она.

– Не знаю. Точно не уверена. Прошлой ночью мне приснился очень странный сон. Напугалась до чертиков. Вот и все. Но он был до ужаса реалистичный.

– Ты исцарапала себе руки до крови? – поинтересовалась Тесса.

– Нет.

– Побежала в шкаф с посудой и разбила лоб?

– Нет.

– Сломала своему парню нос или пыталась придушить его подушкой?

– В этот раз обошлось, – отвечаю я, скорчив рожу.

– Тогда что, черт возьми, тебя пугает? – допытывается она и берет мои руки в свои. – Сара, будь счастлива. Это здорово! Ты заслуживаешь хороших новостей!

– А знаешь, – решительно заявляю я. – Ты права. Все просто замечательно.

Тесса берет меня под руку, и мы идем по коридору в кабинет на следующий урок.

– Кстати, о снах, – беспечно говорит она. – Прошлой ночью мне приснился шедевр! Лето, я на пляже. Играю во что-то... уже не помню. Но суть в том, что погода была чудесная. Как только мы окончим школу, я точно сяду на корабль до Западного побережья. С меня хватит этой Новой Англии. Такая погода, просто боль...

– Волейбол, – тихо говорю я. – Ты играла в волейбол.

Тесса щурится, задрав голову.

– Да, точно. Похоже, что так. Вот забавно, ведь в жизни я в нем не сильна. Но, стой-ка, помню, со мной играл такой клевый парень.

Тесса пытается припомнить детали сна, а у меня мурашки бегут по коже.

– Тесса, – все тише произношу я. – Я видела тот же сон.

– Странно, – отвечает она, задумавшись. – Наверное, мы вчера обсуждали пляж. Черт, жаль, что сейчас не лето. Когда уже закончится эта дурацкая смесь зимы и весны?..

Я иду за Тессой в класс, не произнося ни слова. Конечно, она права. Простое совпадение. Ведь все остальное – за гранью реального. Пытаюсь сосредоточиться на уроке «de español» сеньора Соловея, который проходит в библиотеке. Бесплезно. Где-то между сном Тессы и объятием реального Уэса мои умственные способности испарились.

Глава седьмая

– Когда уже придумают все без проводов? – спрашиваю я Ральфи, пока он присоединяет меня к прибору для ЭЭГ. – И таскаться во сне по комнате стало бы менее травматично.

– Ну, вот, – ворчит. – Это пройденный этап. Теперь ты дитя «Дексида». И больше не будешь ходить во сне.

– А еще драться во сне, орать и бесноваться, – перечисляю я.

Усатый лаборант не обращает на это внимания и насвистывает бодренький мотивчик. Настроение ему испортить невозможно, как и мне сейчас. По правде говоря, я веду себя немного легкомысленно. Повторения своего кошмара не ищу, это уж точно, но случайно столкнуться с Уэсом было бы совсем не лишним. Естественно, с тем Уэсом, из моих грез.

В комнату заходит санитар, с лекарством и стаканом воды. Не сказать чтобы сильно высокий, но как себя подает: спина ровная, плечи вниз, подбородок вверх. Глаз останавливается. Его форма – белые джинсы с рубашкой поло – подчеркивает мускулистую фигуру. Дверь за ним захлопывается, и разносится знакомый сладковатый аромат гвоздики. Протягивая мне лекарство в бумажном стаканчике, он откидывает с глаз непослушные пряди волос и улыбается.

– Джош? – Я узнаю владельца этого почти забытого запаха.

– Привет, Сара, – смущенно отвечает он и бросает беглый взгляд на Ральфи. Тот хмурится.

– Вы знакомы? – интересуется он, скрестив на груди руки. И я понимаю, что правду лучше не говорить.

– Сара поступила в школу, когда я уже доучивался, – нашелся с ответом санитар.

Это правда. И мне очень интересно, планирует ли Джош рассказать и все остальное из нашего недолгого, но бурного прошлого, но он замолкает.

– Что я тебе говорил, Джош? Нужно отметить в деле, если знаешь пациента, – выговаривает ему Ральфи. – Сегодня ночью мы поменяем тебя с Барри, но если ты не можешь следовать правилам...

– Нет, нет, могу, – обещает Джош. – Да ладно, Ральф. Мне нужна эта работа. Мать убьет, если я потеряю и эту. Просто не подумал.

– Ты в принципе не думаешь, – вздыхает Ральфи. Он рассержен, но одновременно кажется подавленным. – Правила есть правила, и если ты им

не следуешь, то последствия коснутся не только тебя. Я иду на одолжение ради твоей матери, но не могу позволить...

– Мы не очень близко были знакомы, – быстро вру я. – Джош, скорее всего, и не вспоминал меня, пока не увидел.

– Так и есть, – энергично кивает Джош. – Ну, познакомился я с какой-то девятиклашкой, давно дело было. Ну, видел в школе пару раз. Вон, даже имя не вспомнил.

Я-то вру, чтобы вытащить Ральфи из переплета, в который он точно попадет, – такой косяк сотрудника! А вот Джош мог бы отзывать обо мне чуть менее пренебрежительно. Мы немного времени провели вместе, это правда, но та ночь, когда мы затусили вдвоем, закончилась моим первым поцелуем. И хотя этот жеребец уже к следующим выходным вернулся к девушке, с которой то сходился, то расходился (а недавно вообще стал одним из случайных трофеев Джиджи), поцелуй оставил яркие воспоминания.

Ральфи скептически поглядывает на нас, но в конце концов делает знак Джошу.

– Дай лекарство, потом иди меняться с Барри. И чтобы больше такого не было.

Развернувшись, он через силу улыбается.

– А теперь, мисс Рейес, давайте тихо-мирно поспим?

Я лучезарно улыбаюсь в ответ, вероятно слегка перегнув с весельем, но облегченно выдыхаю, так как никому из-за меня не влетит.

– Конечно, сэр!

Джош протягивает белый стаканчик с «Дексидом» и беззвучно шепчет: «Спасибо», – сверкая белозубой улыбкой. Мое раздражение как рукой снимает. Все-таки некоторые парни умудряются из нас веревки вить.

Запрокидываю голову. Глотаю «Дексид» и ложусь на кровать.

С порога за нами наблюдает Ральфи. Он держит для Джоша дверь, и когда санитар пытается прошмыгнуть мимо, бросает на него предостерегающий взгляд. Теперь вид Джоша не такой самоуверенный: он ссутулился и втянул голову в плечи.

– Сын сестры, – признается Ральфи, когда мой бывший приятель скрывается из виду. – В последнее время, ему пришлось нелегко... Но это ничего не меняет. Сплошная головная боль. Больше он здесь не появится. Приношу свои извинения.

– Все в порядке, – зеваю я.

Внезапно чувствую такую усталость, что мне больше нет дела до семейных проблем Ральфи.

– Сладких снов. – И с этими словами он закрывает за собой дверь.
Через несколько секунд я вырубаюсь.

Шлеп. Шлеп. Шлеп. Шлеп.

Я стою под информационным табло и смотрю, как переворачиваются таблички, открывая маршруты следования поездов и изменения в расписании. Краем глаза выхватываю какое-то движение среди размеренно шаркающих ногами пассажиров.

Уэс?

Разворачиваюсь, в животе порхают бабочки, и от этого чувства голова кружится. Нет, это не он. Невысокий рыжеволосый парень с нездоровым бледным лицом. На нем брюки цвета хаки по щиколотку и синяя рубашка. Как и мистер Хьюстон предыдущей ночью, он не очень заметно, однако отличается от других пассажиров, скажем так, обращает на себя внимание. Просто не такой, как все.

Чем больше я всматриваюсь в парня, тем отчетливее понимаю, что знаю и его. Наконец узнаю. Это Грейди Бутховски – гениальный братец одного тупого дружка Джейми, спортсмена, который гордо именуется Зверь. Но если появление мистера Хьюстона имело хоть какой-то смысл – его я видела в клинике, – то с чего бы это малознакомому Грейди инырять по моему подсознанию, ума не приложу. Отправляюсь за ним следом.

На 32-м пути Грейди вваливается в третий вагон пассажирского поезда, стоящего на платформе на холостом ходу. Хотя мне интересно, куда же он направляется, сама пока в поезд не сажусь. Осмотрюсь в последний раз. Не теряю надежды увидеть Уэса.

Поезд увеличивает количество оборотов двигателя, извивающийся хвост пассажиров начинает редеть. Защемило в груди. Неужели в этот раз его не будет?

Не хочется без него идти.

Медлю с решением сесть в вагон, пока поезд набирает обороты. Похоже, состав вот-вот тронется. Звук быстрых приближающихся шагов заставляет меня выпрямиться. Разворачиваюсь, и тут же Уэс хватается меня за руку. Не останавливаясь, он тянет меня за собой вдоль перрона и на ходу говорит:

– Привет!

Наши пальцы сплетаются, он крепко сжимает мою руку, бросает на меня взгляд через плечо. Его улыбка такая милая, сегодня даже немного застенчивая. В ответ сжимаю его ладонь. Уэс тащит меня к следующему вагону, но я кричу, что нам в третий.

Он немного удивлен, но объясняться некогда, мы запрыгиваем в нужный вагон, и позади нас тут же захлопываются двери. Облокачиваюсь на стеклянную перегородку, отделяющую тамбур от рядов с пассажирскими местами. Уэс смотрит на меня, улыбается и руку мою не отпускает, хотя в этом сейчас уже необходимости нет.

– Почему именно в третий? – интересуется он.

– Узнала одного, – показываю на Грейди, который уже сидел на своем месте. – Зовут Грейди. В десятом классе. Чокнутый ботаник. Двигается странно, как тот мужчина прошлой ночью. Ты еще встречал людей, которые так себя вели бы?

Уэс не успевает что-то ответить, а Грейди уже поднимается и направляется к выходу. Двери перед ним разъезжаются, и он зависает над пугающей чернотой. Ни слова не говоря, мы с Уэсом в тот же момент встаем по обе стороны от него. Мое сердце тяжело колотится – я снова оказываюсь на краю той самой черной дыры, в которую свалилась прошлой ночью. Бросаю взгляд на Уэса. Если он хоть немного боится, то виду не подает.

В дверном проеме начинают мелькать картинки какой-то ярмарки.

Грейди подается вперед.

Мы не отстаем.

И все трое делаем шаг.

Прохладный ветер бьет по лицу. Вижу сахарную вату и скибол, но слышу только ветер и пыхтение двигателя. Правой ногой, оставляя позади холод металлического вагона, делаю шаг вместе с Грейди, хочу нащупать твердую землю. И в тот момент, как я ее касаюсь...

ТЫ-ДЫЦ!

Ярмарочные гулянья вмиг обрушиваются миллионами звуков, запахов, цветов, ощущений. Из дребезжащих колонок полилась органная музыка. В нос ударил запах только что приготовленного в масле попкорна. Разноцветные гирлянды, обрамляющие все игровые палатки и торговые лотки, ритмично заморгали в размере две четверти. Мой рот наполнился слюной в предвкушении невероятного сахарного вкуса розовой ваты, которую всего в паре метров крутят на палочку.

Я попала в яркий ярмарочный сон, который появился в проеме вагонной двери. Вот это да!

Хочу посмотреть, откуда пришла, разворачиваюсь... но там пусто. Ни поезда. Ни рельсов. Перевожу взгляд на Уэса: похоже, он взбудоражен не меньше моего. В его озорных глазах мелькают искорки, и мое сердце начинает колотиться еще сильнее. Дело не только в том, что свет ярких

ярмарочных огней подчеркивает его красоту. Дело в том, что он со мной; мы похожи. Ну и пусть это всего лишь плод моего воображения, его присутствие здесь абсолютно реально. Реальнее самой реальности. В кои-то веки я не одинока. Граница между жизнью и сном стерта. Сейчас я чувствую, что не одна.

Между нами остался только Грейди.

Я делаю шаг навстречу своему необычному кавалеру, обхожу качающуюся рыжеволосую преграду на своем пути, и тут Грейди теряет равновесие. Инстинктивно вытягиваю руку, чтобы его удержать.

И начинается безумие.

Глава восьмая

ШШИХ.

Чувства отказывают.

Вокруг тишина.

Во рту пересохло.

Не видно ни зги.

Воздух ничем не пахнет.

А потом...

Хлоп.

Темно и тихо. Но не так, как в черном вакууме из моих снов. Звуки ярмарки сменились белым шумом работающего на минимуме вентилятора. Глаза привыкают к темноте, и я обвожу взглядом комнату, в которую меня занесло.

Я сижу за столом. Учебники, листы в клетку – все навалено кучей. Ноутбук и оранжевый пузырек для лекарств без опознавательных знаков. Над столом висит постер: Альберт Эйнштейн с высунутым языком. На полу торшер, который одновременно выступает в роли сушилки для белья, на него накиданы рубашки и шерстяные свитера. Поворачиваю голову, хочу осмотреть комнату, но мне дается это с трудом, и, к удивлению, после попытки взглянуть через правое плечо приходится сделать передышку. Мышцы слушаются неохотно, зато у зрения – полный карт-бланш, и я взглядом обследую все вокруг, пытаюсь как можно быстрее сообразить, куда попала. Рядом со мной кровать, следом шкаф. На полу еще одна гора книг. Полумесяц бросает свет в окно.

Отодвигаю стул, пытаюсь встать. Ноги почти не слушаются.

Снова разворачиваюсь, смотрю на стол.

И тогда мой взгляд падает на руки.

Мои руки. Но *эти* руки – не мои!

Замираю, остолбенев от увиденного. Такое просто невозможно.

Руки в прямом смысле не мои.

На моих коленях лежат две широкие ладони с пальцами-сосисками. На безымянном пальце правой руки – шишка от ручки, в принципе обычное дело. Вот только я левша. Да и нездоровая бледность этих рук вызывает у

меня дурноту.

Возникает желание их спрятать, сесть на них, сосчитать до десяти... Потом я их достану и – алле-оп! – они снова станут моими. Но я так не делаю, ведь происходящее еще и очень... захватывает. Пытаюсь пошевелить правым указательным пальцем. Чувствую напряжение в ладони – моей ладони? – словно перекачиваю в ней мяч. Наклоняю голову вперед, чтобы получше все рассмотреть. Подношу лицо к темному экрану компьютера и замираю... Меня приветствует невероятное отражение, от которого глаза вылезают из орбит.

Непроизвольно сжимаю кулаки. Лицо, которое я вижу, не мое.

Хотя все мои чувства при мне, а в голове иступленно беснуются собственные бредовые мысли, я точно не тот человек, что смотрит на меня с экрана компьютера. Поднимаю руку к лицу. Прикосновение ощущаю, хотя ни рука, ни лицо мне не принадлежат.

Они принадлежат Грейди.

Медленно, тщательно изучаю физиономию своего хозяина. Тыкаю, жму, давлю на чужую кожу, словно я скульптор и одновременно его рабочий материал. Провожу по краю очков Грейди, потом снимаю их и надеваю снова, поражаясь разнице между четкими линиями и туманными пятнами. Щиплю себя за щеку. Чувствую боль. Провожу языком по начищенным зубам, чувствую их шероховатость. Широко открываю рот, потом закрываю. Моргаю, еще и еще раз, но отражение Грейди не исчезает.

Такого странного сна я еще никогда не видела. От несуразности происходящего глупо хихикаю, но вместо этого слышу незнакомый голос. Наблюдаю по отражению в мониторе, как МОЙ испуг отражается на ЕГО лице. Я заинтригована и напугана, встревожена и восхищена одновременно. Подношу руку к коротко стриженным волосам, таким сальным, что они легко проскальзывают между пальцев – с моими тяжелыми локонами обычно бывает наоборот.

Еще эти мурашки. Любое движение дается непросто. Кожа зудит, мышцы словно трещат. А все поры будто сочатся статическим электричеством. Вспоминаю, как ребенком любила натирать о голову шарик, чтобы волосы вставали дыбом, а черепушка начинала искрить. А еще мне больше не кажется, что я сплю. Чувства все очень даже реальны, словно я на самом деле в комнате Грейди, внутри его самого. Будто я и есть Грейди.

От этой мысли пробирает озноб. Потом я начинаю биться в конвульсиях. Мне становится тесно. Понимаю, что это возвращается настоящий Грейди, и меня всю трясет. Я хочу уйти, похоже, хозяин тела

также жаждет от меня избавиться. Но чем больше я хочу вырваться наружу, тем сильнее давит чувство клаустрофобии. Словно моя душа оказалась в китайской ловушке для пальцев, и чем сильнее я тащу, тем крепче она держится.

Мой пульс – знаю, это пульс Грейди – сошел с ума. Его руки, которые я уже совсем не контролирую, машут из стороны в сторону, а ноги, хотя я сижу, не могут найти себе места. Чувствую, как колени сгибаются, грудь кренится, все тело подается вперед. Перед глазами мелькает клавиатура и край стола, в который я впечатываюсь лбом.

Стон.

Крик.

Сейчас вырвет.

Меня выбрасывает обратно. До этого я словно застыла в формочке с желе, но вдруг освободилась. Приземляюсь на пятую точку. Ладонями касаюсь мягкой травы, перед глазами – огни карусели. Ярмарочная музыка сначала звучит замедленно, постепенно возвращаясь к нормальному темпу, словно переключаясь от 33 ударов в секунду до 45. Я совсем без сил, сгибаюсь пополам, вдыхаю носом, выдыхаю ртом, пытаюсь восстановить контроль над чувствами.

На спине чувствую чью-то руку. Оборачиваюсь и вижу, как надо мной склоняется Уэс. Он одергивает руку, словно я ударила его током. Снова прижимаюсь к коленям. Я – на поросшем травой берегу, на границе ярмарки. Рядом на спине валяется Грейди, смотрит, моргая, в беззвездное небо.

У меня к Уэсу десятки вопросов, я разворачиваюсь, но задать их не успеваю.

Прямо на нас идут трое Голоवेशек...

Глава девятая

Мы бежим к ближайшему аттракциону.

Смеющиеся детишки в электромашинках, ко всеобщей радости, раз за разом таранят соседей. Похоже, они не замечают ни нас, ни наших кошмарных преследователей. Дети беззаботно визжат, а мы запрыгиваем на поле, петляя мимо машин, которые несутся друг на друга с непредсказуемой траекторией. Успеваю проскочить между двумя за долю секунды до того, как из меня сделали бы лепешку.

Украдкой бросаю взгляд через плечо, чтобы проверить, насколько мы оторвались от Головешек, и теряюсь от увиденного. Один из монстров приближается к семье из трех человек, которые сидят в машинке и смеются. Но как только он подходит, смех затихает. Вся семья – мать, отец и дочка – застывают с непроницаемыми лицами. Головешка отшвыривает машинку со своего пути. Отец семейства вылетает из авто, ударяется о заборчик вокруг трассы и сползает на землю. А мать с дочерью, все так же безэмоционально, вылезают из-под обломков и отходят в сторону. В один миг все родители и дети, хотя они и не мешают Головешкам, останавливают машины, выходят из них и молча уходят прочь.

Я на автомате сбавляю скорость, практически бегу трусцой. Не могу оторвать взгляд от мужчины в углу. Я знаю, что он не настоящий, что все здесь не настоящее. Но не пойму, почему к нему никто не подходит. Почему не подхожу к нему я. Слышу вопль Уэса: «Разделяемся!» – и я отворачиваюсь. Сначала надо выжить, потом вопросы задавать. Мне приходится погрузиться в эту игру с головой. И я рву с места на максимуме.

Сворачиваю к карусели, вижу, как Уэс подбегает к игровым палаткам. Один из Головешек на хвосте у меня, два – у него. Мчусь по периметру аттракциона, но, похоже, мой преследователь набирает скорость.

Перепрыгиваю через турникет и вскакиваю на вращающуюся платформу. Головешка слишком жирный – что мозги, что тело, – он не смог сразу сориентироваться, где вход. Монстр исчезает из виду, и я стараюсь отдышаться.

Десятки лампочек обрамляют купол ярмарочного шатра, и карусель выглядит излишне яркой. Но внутри-то нигде не спрячешься. У меня

помрачается рассудок: заезженная органная музыка на полтона фальшивит, взад-вперед двигаются и трещат ярко раскрашенные лошади, громко вопят ездоки.

Когда веселье и смех разом смолкают, я понимаю, что Головешка совсем рядом: уже пробрался через турникет. Ныряю под фигуру желтой лошади. Люди, как и тогда на машинках, молча спрыгивают с карусели и, тупо натыкаясь друг на друга, двигаются к выходу амёбной массой. Из своего убежища пытаюсь вычислить самый быстрый маршрут, все преграды: удеру я или попадусь, на сто процентов зависит от подобных мелочей. С каждым оборотом вижу все яснее, как Головешка несется сквозь толпу, добирается до вращающейся платформы и тяжело плюхается сверху. Теперь нас разделяют пять раскрашенных пони. Монстр пытается справиться с силой гравитации и подняться на ноги, а я в последний раз пропускаю выход и веду обратный отсчет ограждений.

Четыре.

Три.

Два...

Спрыгиваю, больно приземляюсь на асфальт. Тут же заныло ободранное колено, но почти не саднит. Встаю на ноги, перелетаю через турникет. И бегу, не оборачиваясь.

Мчусь прочь, туда, где темнеет высокая трава, окаймляя территорию ярмарки.

Спрячусь.

Выкручусь!

Из игровой зоны доносится рев. Я уже слышала его раньше. Боевой клич Головешки. Все нервы сжимаются в комок, и я застываю на месте. Выдыхаю от страха лишь одно имя: «Уэс», – и оно становится почти материальным. Резко огибаю очередное препятствие – торговый автомат с корн-догами, – набирая скорость, бегу назад. Снова в бой!

Когда я добираюсь до обломков аттракциона, где кидали подушечки с фасолью, никого уже здесь нет. Головешки разворотили все на своем пути, пробираясь сквозь ряд игровых палаток, оставив после себя практически зону стихийного бедствия. Пригнувшись, пробираюсь сквозь руины из расщепленных досок и обезглавленных призовых мишек. На том конце прохода искрит сломанный генератор.

Вижу двоих, преследовавших Уэса. У баскетбольных колец бесчинствует исключительно мерзкий Головешка с изорванным шрамом от левого виска до правой челюсти, а ближе ко мне его меньший по размеру, но в равной степени жуткий напарник рыщет в поисках моего

спутника. Мне попадает на глаза когтистая рука-дубина второго монстра, и я задыхаюсь. Я понимаю, что мы уже встречались – это он чуть не разорвал меня в поезде прошлой ночью. Спрятавшись за разорванной палаткой, в которой катали мяч, заклиная себя не трястись.

Второй монстр, Уродец со шрамом, которого я не припоминаю, с ревом сбивает плечом полдюжины баскетбольных колец, расшвыривая призы и отрывные талоны, как конфетти. Надеюсь, Уэсу удалось спастись. И тут пара зеленых глаз выглядывает из-за стенки с набивными пандами, там, где метали мячики. Уэс в ловушке – с обеих сторон беснуются монстры.

На этот раз дрожь не унимается. Хочу убежать. И в какой-то момент кажется: сейчас дам деру. Но остаюсь. Не могу. Не оставляю друга, который прошлой ночью меня спас. «Идиотка», – шепчу себе... И вдруг появляется хорошая идея. Хватаю три бутылки из аттракциона «Кольцеброс» и выхожу на открытое место.

– Привет, Малыш! – ору я Головешке поменьше, у которого вместо руки – дубина.

И швыряю бутылку.

Она вдребезги разбивается рядом с монстром, тот с ревом оборачивается.

Из-за своего укрытия выглядывает Уэс.

Наши взгляды встречаются.

Я больше не дрожу.

Швыряю вторую бутылку, потом третью, а Малыш уже пробирается ко мне. Головешек я все-таки отвлекла, и Уэсу удастся сбежать. Он спотыкается о какую-то сломанную доску, но, до того как реагирует второй Уродец со шрамом, успевает удрать.

– Комната смеха! – кричу я и рву с места.

Пробегаю мимо «Гравитрона» и карусели, перепрыгиваю через скамейки для пикника и огибаю трейлеры с едой. Мысленно благодарю тренера за то, что гонял нас с ускорениями: Малыш явно отстает, и вскоре я теряю его из виду. Заворачивая за угол около колеса обозрения, вижу, что Уэсу повезло меньше: Уродец его почти нагнал. Помочь не могу, я слишком далеко, а сердце уходит в пятки: монстр со всей мочи лупит клешнями по Уэсу, практически хватая его за рубашку. С ужасом понимаю, что в следующий раз он не промажет, но тут Уэс проскальзывает между двумя кабинками колеса. Головешка не в состоянии притормозить, кабинки прямо у него на пути. Поэтому он врезается в аттракцион, и его буквально сминаят.

Мы одновременно добегаем до комнаты смеха. Глаза Уэса искрят, в них азарт, страх и безумство. Я лишь улыбаюсь, знаю, я выгляжу так же. Он протягивает руку и заботливо убирает выпавшую прядку волос мне за ухо. От прикосновения подкашиваются ноги.

Бог мой, как же хочется его поцеловать...

Но романтический момент портит решительный рык: из-за карусели показывается Малыш.

Перед нами комната смеха.

На фасаде вереница несоразмерных, абсурдных карикатур. Аппетитные мультяшные красотки удирают от клоунов в огромных ботинках. Их дружки бесцельно слоняются, натыкаясь на собственные отражения в бесконечном лабиринте зеркал. А плоскогрудые малолетние сестренки восхищаются иллюзией своего большого бюста. Обрамлением двери служит широко разинутая пасть зловещего клоуна с острыми зубами.

Все громче раздаются неуклюжие шаги Малыша.

Мы проскальзываем сквозь вооруженную зубами дверь и попадаем в коридор с кривыми зеркалами.

Сара и Уэс, длинные и худые, летят вниз, касаются пола, проворные, словно Джек из сказки.

Следом...

Сара и Уэс, приземистые и грузные, волочат ноги так, что не догонят зайца, даже если тот заснет.

Наши тела воспринимают реальность, которая отражается в кривых зеркалах: первый ряд мы буквально пролетаем, через второй еле продираемся. Когда наши карликовые отражения шаркают к финишной прямой, я начинаю сомневаться, что столь маленькие ножки в состоянии выдержать такой громадный вес, каждым суставом, каждой косточкой ощущаю тяжесть иллюзии.

Слышится радостный вой, и я вижу позади исполинское отражение Малыша, который на полном ходу приближается к нам через первый ряд зеркал. Впереди какая-то дверь, и я бросаю все свои силы на то, чтобы до нее добраться.

Наконец мы с Уэсом рядом с дверью и освобождаемся от иллюзий, а Малыш издает вопль бессилия, столкнувшись со вторым рядом зеркал. Теперь он затянут в трясины, приземистый, идет медленно, тянет свои

коротенькие, как у тираннозавра, толстые ручонки, но все бесполезно. Нас уже не поймать.

Мы неуверенно шагаем в дверь – наши тела тут же возвращаются к нам – и у меня вырывается вздох облегчения.

Мы попадаем в пустую комнату с плиточным полом, дальняя стена которой задрапирована роскошным театральным занавесом красного цвета. Все довольно безобидно, но уже первый неосторожный шаг подтверждает нереальность происходящего: плитка подо мной пропадает, и я шлепаюсь на настил. Уэс бросается ко мне, хочет подхватить, но пол под ним тоже проваливается. Собираюсь с силами, ползу к нему, и вдруг мощный порыв сжатого воздуха бьет мне в лицо.

Кашляю, чтобы не задохнуться, потом Уэс хватает меня, и мы ползем через все эти дырки в полу, порывы воздуха, качающиеся, неустойчивые, опасные поверхности, прямо до красного занавеса на той стороне.

Как только добираемся до противоположной стены, появляется Малыш. Он не один, а в компании Уродца со шрамом, который резко прыгает в нашу сторону. Его шаг гораздо больше, чем у нас, и одним прыжком он оказывается сразу на середине комнаты.

У Головешек и так явные проблемы с координацией, а тут еще и пол шатается. Нам это оказывается на руку. Оба безобразных головореза с оглушительным стуком мгновенно бухаются на пол. Малыш умудряется проползти пару футов, но его сшибает удар сжатого воздуха. Он в ужасе ревет, раздирая лицо. А мы тем временем добираемся до красного занавеса и, не оборачиваясь, отрываемся от преследователей.

Портьера. За ней еще одна. Их оказывается много. Пробираемся вперед, раздвигая тяжелую ткань. Каждая последующая итора толще предыдущей. Свет сюда уже совсем не проходит, и в этой плотной, душной черноте мы двигаемся на ощупь.

Я заблудилась.

Я одна.

Я двигаюсь мелкими шажочками в крошечной темноте из ночного кошмара.

Но тут...

Уэс находит мою руку и успокаивает:

– Я здесь. Мы оба здесь.

И мне кажется, что страх отступает. Мы сцепляем руки в темноте, но потом занавеси раздвигаются, и нас ослепляет белый свет.

Перед нами зеркальный лабиринт. Вроде уже не так сложно.

– Не отпускай больше мою руку, – предупреждает Уэс.

Ни за что!

Руки в замок, входим внутрь.

Я тотчас понимаю, что ошиблась – здесь еще сложнее.

Земля под ногами ходит ходуном, а лабиринт изнутри похож на вращающийся поднос для закусок. Все вертится и кружится, с каждым поворотом дорога к выходу изменяется. У меня схватывает живот. На лбу выступают капли пота. Не могу дышать и, выпуская руку Уэса, хватаюсь за грудь.

Поворачиваюсь и иду откуда мы пришли. Найду другой путь, чтобы удрать от Голоवेशек; эта замкнутая крысоловка мне явно не подходит. Но на месте выхода внезапно вырастает зеркальная стена. Хочу вернуться к Уэсу, но он тоже исчез. Вокруг лишь мои отражения в бесчисленном количестве. Облокачиваюсь на одно из них и сползаю на пол.

– Сара! – слышу голос Уэса.

Он идет ко мне. Мы протягиваем руки, но вместо теплого, ободряющего пожатия каждый раз я утыкаюсь в стекло...

Где-то снаружи слышится раскатистый рык, и я понимаю: Голоवेशка скоро сюда доберется, это всего лишь вопрос времени. Изображение Уэса кладет руку на зеркало и начинает сверлить меня взглядом.

– Послушай меня, Сара. Что бы ни произошло, помни: ты не пострадаешь. Главное – дыши, даже если кажется, что нет сил. Утром ты проснешься. – Он испаряется у меня на глазах и кричит: – Утром ты проснешься!

Протягиваю руку на звук голоса, но Уэса больше нет, зато есть мясистая изуродованная клешня, которая хватает меня за запястье. Уродец со шрамом рывком поднимает меня на ноги, и приходится смотреть туда, где когда-то было лицо. В разинутой пасти монстра, похожей на сквозное отверстие, паутиной растекаются слюни. Словно из вентилятора, бьет смрад гнилого дыхания. Пытаюсь отвернуться, но смотреть больше некуда – монстр схватил меня.

Чувства притупляются.

Словно кто-то одновременно нажал на мне кнопки «Выкл. звук» и «Пауза».

Из легких выдавливается воздух.

Пытаюсь вдохнуть, но кислорода нет.

Грудь словно сдавило гигантскими тисками.

Глаза выпучились, и я почти уверена: они сейчас вылезут из орбит.

Все мышцы напряжены, кожа горит, ее колет иголками.

Все вокруг...

свет,
зеркала,
Головешка,
Уэс...

Исчезает и не остается ничего.

Может, нет и меня?

Я потерялась в этих смертельных объятиях.

Первое, что возвращается, – ровное пиканье энцефалографа. Запах средства для уборки и медицинского спирта жжет мне нос изнутри. Во рту горечь и сухость. Глаза полузакрыты, но я могу различить вокруг белой плитки затирку серого цвета, которая начинает трескаться.

Дверь в палату открывается, и входит кто-то на цыпочках. Я хочу повернуться и посмотреть, но не могу, глаза не открываются. Зову на помощь, но собственный голос не слышу. Чувствую дуновение воздуха, и меня обволакивает знакомый гвоздичный запах Джоша Моврея. Пытаюсь поднять руку, сделать жест, сказать, что мне нужна его помощь, но пальцы неподвижны. Пинаю воздух ногами, но они даже не шелохнутся. И моргнуть не могу, полуприкрытые веки просто застыли.

Через щелочки вижу, как Джош ко мне наклоняется, и думаю: может, рука шевельнулась и он понимает, что я в западне, в ловушке собственного тела.

Господи, спасибо, что привел Джоша! Он друг, он поможет, – думаю я.

И ошибаюсь.

Джош наклоняется ко мне. Близко-близко. И расплывается в хищной улыбке.

– Ты всегда так приятно пахла... – шепчет он, касается меня щекой, зарываясь носом в волосы, и с силой вдыхает воздух...

Глава десятая

– Прекрати, сейчас же! Слышишь! – шипит какая-то девчонка. – А вдруг она проснется?

– Я же объяснял тебе, – с этими словами Джош поднимает мою руку за безвольное запястье. – Пациенты на «Дексиде» – вообще как зомби.

Он отпускает ее, девушка охает. Рука приземляется на кровать, и я отмечаю какую-то пульсирующую тяжесть чуть поодаль от своего тела. Тело не слушается ни капельки, но хоть другие чувства при мне.

– Ничего себе! – выдает девушка и хихикает. Шепот я не признала, но этот злобный довольный смех ни с чем не спутаешь. Джиджи...

– То есть я могу с ней вытворять что угодно, а она и не узнает? – интересуется она. По моей парализованной спине пробежал будто холодок.

– При условии, что следов не останется, – со знанием дела советует Джош.

Он опускает мне на подбородок мозолистый палец и очерчивает линию скул, спускается вниз по шее к ложбинке у ключиц, замирает, а потом проводит по незащищенной коже прямо над грудью.

Я ору, вырываюсь, бью кулаками и молочу ногами. Но абсолютно неподвижно. И совершенно беззвучно, следовательно, бесполезно.

– Фу! Нет! Извращенец, – вдруг говорит Джиджи и шлепает его по руке. – Я смотрела тот фильм Тарантино, для тебя это может плохо закончиться.

В минуту помутнения рассудка я уж было начала благодарить бога, что здесь Джиджи. Не важно, что случилось между нами, она не дала меня изнасиловать, и это успокаивает.

– Мы не станем с ней ничего делать, – продолжает она. – А вот я...

Все тело покрывается холодным потом. Ни слова не говоря, Джиджи приступает к работе. Время от времени ощущаю сквознячок, видимо, трогают простыни или задирают ночнушку. Нарочито громко щелкает камера телефона, так часто, что я сбиваюсь со счета. Время от времени срабатывает вспышка. Сначала Джош комментирует довольно благосклонно, типа «Неплохо!» или «О, да!», но Джиджи не реагирует – у нее есть цель – и вскоре он замолкает. Секунды будто отсчитывают звуком фотовспышки.

Спустя какое-то время – минуты две, а может, двадцать или миллион? –

Джош начинает нервничать.

– Джиджи, давай быстрее. Перерыв скоро закончится, дядя вернется. Уже и так достаточно.

Очевидно, ее месть абсурдна даже для такого несостоявшегося насильника.

– Думаешь, хватит? – театрально вздыхает она. – Ну, если только еще кое-что. Сувенирчик на память.

Чувствую, что она куда-то отходит. А через секунду раздается металлический лязг.

– Эй, секундочку, – не выдерживает Джош. – Об этом договора не было!

Паника, может, началась у него, но вмиг передается мне: невидимая рука толкает мою голову вбок и выхватывает часть волос у затылка.

Внутри я ору как резаная. Но на самом деле лежу – безмолвная и незащищенная. Вот мое горло, на блюдечке с голубой каемочкой. Джиджи наматывает волосы на кулак, резко оттягивает, и одним быстрым движением...

Режет...

Потом отпускает голову, натяжение исчезает, как и прядь моих волос.

– Ладно. – Она радуется, как чирлидерша на выступлении. – Вот теперь идем.

Джош протискивается ко мне, прячет обрезанные пряди волос под длинными. Разворачивает мою голову, слегка подпирая подушкой. Мой взгляд снова останавливается на потрескавшейся замазке, снова меня обдувает запах гвоздики. Дверь открывается, и Джош с Джиджи уходят.

Не знаю, сколько я так пролежала, запертая в собственном теле: ни пошевеливаться, ни закричать. Меня накрывает паника, то ли из-за того, что конечности отказали навсегда, то ли из-за того, что Джиджи вернется, чтобы отомстить сполна (в прямом смысле). Но в глубине души я спокойна, словно дышу по системе йогов, пропевая как мантру последние слова Уэса из моего сна: «Утром ты проснешься». Даже если могла бы, не уверена, засмеялась бы я или заревела от того, что меня успокаивает лишь плод моего воображения. «Дексид» поджаривает мои мозги, как яйца на сковороде, создавая такую реальную нереальность, что я даже начинаю мечтать, чтобы вся эта муть с Уэсом и Грейди оказалась реальностью, а то, что произошло сейчас, – сном. Только другим, без Джиджи и Джоша. А еще я не хочу пугаться и чувствовать одиночество.

Первыми возвращаются слабые ощущения в пальцах ног и рук. Появляется покалывание на бедрах, на плечах. И когда утром заходит

Ральфи, я уже в состоянии моргать и чувствую почти все тело.

– Доброе утро, Спящая красавица, – говорит он привычно, протягивая мне стакан воды. – Как спалось?

Встаю на ноги и выбираюсь из кровати. Хватаю стакан и выпиваю залпом, но так быстро, что захожусь в кашле, сгибаясь пополам. Все еще ватные ноги подкашиваются под тяжестью тела, которое колют тысячи иголок. Падаю обратно на кровать.

Сказать, что Ральфи выглядит озабоченно, значит ничего не сказать. Но мне, если честно, плевать. Да, он переживает, он чуткий человек, но разве можно это сравнивать с моей сказкой о незапланированном параличе, ночном нападении и снах с захватом тел, которые столь реальны, что возникает вопрос: было все на самом деле или нет?

Стихает приступ кашля, и я так широко открываю рот, что, кажется, все слова вылетят сами разом. И тут распахивается дверь, и в палату врывается знакомый мне зеленоглазый парень в клетчатой пижаме.

– Вот моя кровать! – ревет Уэс Нолан, ковыляет через всю комнату и заваливается прямо на меня.

Не успеваю и дернуться, как он шепчет мне на ухо:

– Ничего им не говори. Ни про паралич, ни про сны, – его слова слышу только я. – Встречаемся у Западных ворот.

Я и так недостаточно вменяема, чтобы отреагировать, а тут еще и Ральфи вмиг набрасывается на Уэса, оттаскивая его от меня.

– Какого черта, Джош? – рывкает он на застывшего в дверях племянника.

– Я только дверь открыл, а он уже там. Застал врасплох, – оправдывается Джош. – Да он же бредит.

Ральфи передает ему Уэса из рук в руки.

– Отведи в комнату, и не дай бог это повторится.

Джош бросает на меня извиняющийся взгляд (вот гад). Еще тридцать минут назад я бы плюнула ему в рожу, но сейчас не обращаю на подлеца внимания. После появления Уэса я в состоянии лишь изумленно наблюдать, как Джош уводит в коридор парня, в буквальном смысле, из моих грез...

Ральфи присаживается рядом с кроватью.

– Сара, мне так жаль... – Его голос звучит словно издалека. – Обещаю, когда ты вернешься сегодня вечером, мы со всем разберемся.

Дважды моргаю и перевожу взгляд на Ральфи, который, несмотря на искренность намерений, разобраться, скорее всего, ни с чем не сможет. Ни сегодня. Ни потом. Как он может починить мир, который только что

полетел в тартарары?

– Мне нужно идти, – с трудом выговариваю я. Рассудок восстанавливается, голова кружится. – Даже не знаю...

Мой взгляд, должно быть, говорит о серьезности намерений, так как лаборант вопреки обыкновению умолкает. Встаю, направляюсь в ванную, чтобы принять душ и одеться. А когда оборачиваюсь, он с улыбкой произносит:

– Сегодня вечером мы проведем инструктаж. И обещаю: твой волшебный сон больше не потревожит ни один пациент!

Ральфи пытается пообщаться, что говорит о его доброте. Но этот разговор только подчеркивает, какой он профан... И дело не в том, что я больше не в Канзасе. Изумрудный город объявил моему черно-белому миру разноцветную войну. И теперь нужно встретиться с ним – с волшебником, что ждет меня у Западных ворот.

Глава одиннадцатая

Морось, что встречает меня на пороге клиники, уступает место плотной завесе дождя, настоящему ливню. Добираюсь до школы на этот раз вовремя, но во дворе практически пусто. Две девчонки жмутся друг к другу под зонтиком с изображением Моне, какой-то парень летит, держа над головой рюкзак в надежде не намочнуть. И все. Больше некому заметить, что я подозрительно игнорирую главный вход, хотя он ближе, и направляюсь к Западным воротам.

Накидываю сверху капюшон парки – сомнительная защита, но хоть что-то – и бегу трусцой вокруг школы. Огибаю зал естествознания (пульс учащается) и, прибавив шаг, мчусь к крытой галерее.

Уэс ждет.

Стягиваю капюшон. С меня льет вода, по лицу сбегает ручейки, но я не вытираюсь. А сразу налетаю на него и тычу пальцем в грудь.

– Что, черт возьми, происходит? – выпаливаю я слова, которые так давно нужно было произнести.

Он молча протягивает мне руку... и сложенный листок.

Рыжий парень. Сон про ярмарку. Головешки гонятся по комнате смеха. Хватают в зеркальном лабиринте. Паралич разбил, по крайней мере, на два часа.

Перевожу взгляд с записки на Уэса. Трясутся руки.

– Узнаешь? – настойчиво спрашивает он.

У меня пропадает голос, я могу лишь шептать:

– Ты застрял между двух Головешек на ярмарке.

– Я прятался...

– В игровой палатке.

Мы молча смотрим друг на друга. Лишь дождь молотит по крыше, подчеркивая возникшую паузу. Одно дело – задуматься, действительно ли реальность переворачивается с ног на голову, и абсолютно другое – когда твои бредовые подозрения подтверждаются. Я вдруг чувствую, что устала. Вымоталась. Неуклюже прислоняюсь к стене и сползаю на сырой бетон.

– Разве такое возможно? Мы правда видим один сон? – я не поднимаю взгляда от мокрой земли.

– Похоже на то, – отвечает он и садится рядом на корточки. Я ощущаю его пристальный взгляд, но не в силах взглянуть на его лицо.

– Ты давно понял?..

– С тех пор, как ты проболталась про Джиджи и оленя.

Ничто в его голосе, ни одна нотка не намекает на то, как он реагирует на этот глюк в матрице. Я же, напротив, чувствую уязвленность, едва могу справиться с собой. Расцениваю его хладнокровие как непосредственный вызов.

– И тебе не пришло в голову со мной поделиться? – я свирепо гляжу на него. – Мы могли бы все рассказать, и ничего бы не произошло!

– Что рассказать-то? – качает головой Уэс. – Что во сне у нас одно сознание на двоих? После такого заявления нас точно запрут в психушке.

– Есть же лабораторные исследователи, врачи...

– ...которые решат, что мы чокнутые, – прерывает меня Уэс. – Это если повезет. Хуже будет, если они поверят нашим словам? – Его презрительный смешок прозвучал жестоко и снисходительно одновременно. – Оптимистичный прогноз: возьмут у родителей разрешение и начнут ставить опыты. – Он сжал кулаки так, что побелели костяшки. – С меня, например, уже достаточно.

Несмотря на рост и отвагу, Уэс сейчас вдруг кажется маленьким мальчишкой. Он вздыхает полной грудью, трясет руками и проводит ладонями по лбу. Потом продолжает так тихо, что сквозь звуки дождя я едва его слышу:

– Я ничего тебе не сказал из-за страха, что проболтаешься.

И замолкает. Намеренно. Такую тишину нельзя нарушать. И я жду. Вскоре он поднимает взгляд и говорит:

– В одиннадцать я стал физически воспроизводить свои сны. Моя излишне религиозная мать не могла жить с демоном, который овладел ее сыном. Я мог разбить все тарелки в два часа ночи, открыть все окна в середине января, ведь мне снилось, что я пожарный и эвакуирую здание. Отчим стал отправлять меня в разные клиники для изучения. К тринадцати годам я сбился со счета, в скольких испытаниях участвовал. – Он снова глубоко вдохнул, прежде чем продолжить. – Очередная попытка закончилась комой.

– Что? – Я открываю рот от удивления.

– Экспериментальное лекарство под названием «Сонамбулюм». Я провалялся в отключке двести семьдесят восемь дней. Вот парадокс: в коме тело не двигалось, но я все помню.

– Ты был в сознании?

– Не совсем. Иногда понимал, что вокруг есть люди, но не мог им показать, что чувствую. Ни дотронуться, ни заговорить.

Тут я и сама вспоминаю этот временный синдром запертого человека, что испытала прошлой ночью, и вздрагиваю. Девять месяцев такого ощущения! Я и несколько часов перенесла с трудом.

– Так же как с Головешками?

– Нет, – кривится он. – Я бы с радостью поменял ту ситуацию на объятие Головешки. Здесь я знаю, что все кончится. А в той коме рождалось чувство пустоты. Я был один, лишь изредка осознавая присутствие вокруг людей. – Его губы плотно сжимаются. – Ты понимаешь, что значит быть одному? Не одиноким, нет, а когда на самом деле рядом никого нет?

Я плююсь на тротуар.

– Полный отстой, – признается он. – Поэтому, когда очнулся, я сделал все, чтобы больше не оставаться одному. Пытался наладить отношения с родителями, хорошо учиться, чего бы это ни стоило.

Знакомая ситуация. Только так можно соблюсти хоть какой-то пусть и хрупкий, но баланс. Понимаю, передо мной одиночка, еще и с повышенной тревожностью.

– Получилось?

Уэс улыбается.

– Месяца два все шло отлично. Но однажды ночью я проснулся у плиты, газовые горелки вывернуты, все в огне. Через неделю меня перевели в закрытую школу, которая совершенно случайно оказалась всего в миле от клиники сна, где я ночевал, когда этого хотели врачи.

– А все школы, что ты сменил...

– Я делал так, чтобы меня выгнали. В надежде на то, что у моего дорогого отчима истощится запас экспериментов, на которые он меня подписывал. Но он всегда отыскивал новую школу, которая хотела заполучить его денежки... а поблизости и новую клинику.

– Уэс, мне очень жаль...

– Жалость тут ни к чему, – морщится он. – Я лишь пытаюсь объяснить, почему нельзя говорить другим, что с нами происходит на самом деле. Большую часть моей жизни на мне ставили опыты. Я почти целый год потерял из-за дряни, которую нельзя было давать никому, тем более ребенку, и меня все еще втягивают в эксперименты. Но теперь я наконец-то нашел лекарство, которое работает, и не собираюсь упускать этот шанс.

– Работает? – удивляюсь я. – Прошлой ночью меня парализовало! А перед этим приключился какой-то бред... Абсолютно реальная жуть во сне. Во сне, который я видела не одна. Я понимаю под словом «шанс» несколько иное.

Уэс приподнял бровь.

– Бред, жуть... это как по твоим личным ощущениям? «Ужас-ужас» или «терпимо»?

У меня глаза лезут на лоб. Он что, заигрывает? Мы ведь только что поняли, что у нас совместные сны...

– Согласен, эпизод с Головешками полная ерунда, – продолжает Уэс. – Но все остальное?

Протягивает руку, заправляет выбившуюся прядь мне за ухо. Я в мыслях переносюсь в комнату смеха, где мы почти поцеловались, и заливаюсь краской.

– Разве не приятно хоть раз в жизни понимать, что твою спину кто-то прикрывает? – вздыхая, говорит он. – Что ты не один. Отлично ведь провели время. Разве нет?

– Может, и так, – стараюсь говорить серьезно, но улыбку сдержать не могу. Усиливается ветер, промозглый дождь брызжет мне в лицо: холодный душ – то, что сейчас надо. – Но это не нормально. Мы не должны шататься по чужим снам.

– Да, а еще мы не должны разыгрывать свои сны, когда сами в отключке. Но ведь так происходит. – Он встает и берет меня за руки. – Сара, я считал, что такой один. Что никто в мире никогда не поймет, через что мне приходится проходить. Но я встретил тебя. И теперь нас двое. – В его глазах сверкают искорки. – Мы родились другими, и всю жизнь нас за это наказывали. Сколько лет тебе было, когда ты впервые забралась во сне к родителям в кровать и причинила им физический вред? Сколько времени понадобилось, чтобы осознать: они тебя на самом деле боятся? – Он прикасается более смело, разворачивает мои запястья, чтобы рассмотреть. – Когда ты стала замазывать косметикой синяки, которые оставляют фиксаторы на твоей кровати? Признайся, тебя же тоже бесили лето и короткие рукава? Облегченно вздыхала с наступлением октября, так как свитера помогали скрывать правду?

Я отнимаю руки и растираю их, пытаюсь уничтожить воспоминания, которые явно были общими.

– Не хочу тебя расстраивать, – глухим голосом признается он. – Просто обдумай все хорошо. Что, если действительно принять «Дексид»? Это же приемлемый риск. Что, если позволить плюсам перевесить минусы? Ты сама должна сделать этот выбор. И ты можешь избавиться от своих проблем. Как и я. Мне кажется, мы оба это заслужили.

– Ты уверен, что лекарство помогает? – снова задаю я тот же вопрос. – Я не стараюсь все усложнять, Уэс. Пойми, да, мы многое пережили и, в

конце концов...

– ...в конце концов, наши тела смиренно пролежали всю ночь, – нетерпеливо перебивает меня он.

– Да, но какой ценой?

Впервые с того момента, как мы с Уэсом принялись разбирать наши сновидения, я вспоминаю полуночный визит Джиджи, и рука невольно тянется к спрятанному клочку волос. Быть настолько уязвимой, не иметь никакой возможности защитить спящее тело. Это называется приемлемый риск? Я уже готова рассказать о кошмаре, который он не застал, но не успеваю, так как его гнев прорывается быстрее.

– Зашибись! – рывкает Уэс и, отстранившись, скрещивает на груди руки. – Сара, да, есть побочка, но эффект почти идеален! И пусть ты видишь во сне какой-то бред, но это не по-настоящему. Зато твоё тело не будет самостоятельно отрываться, пока ты спишь – вот что по-настоящему важно. Неужели не понимаешь? Это лучшее, на что мы можем в принципе рассчитывать в нашей с тобой ситуации.

Он пристально рассматривает меня, прищутив глаза.

– Или, может, я все неправильно понял? Может, твоё жизнь не так плоха, как я предположил?..

Ярость разливается по телу, в ушах звенит. Одно дело – слушать, как Уэс сетует на своё бесспорно паршивое детство, но если он упрекнет меня, потому что моё было лучше... да пошел он!

– Я в курсе, что «Дексид» обездвигивает наши тела, – возражаю я. – Уж поверь, этот эффект меня тоже подкупает. Но он также засовывает твой разум в мой, или куда-то его отправляет, или вокруг вообще творится какой-то дурдом, и мир летит ко всем чертям! Не говоря уже о монстрах – *монстрах*, – которые если схватят, то разбивает паралич. Тебе интересно, чего хочу я? Я хочу быть нормальной! Только и всего. Больше желаний у меня нет и не было! Разве тебе нужно не то же самое?

– Нет, – отвечает Уэс. – Мне ещё нужна ты.

Моя ярость сходит на нет, и я молюсь, чтобы не вспыхнуть от жара, поглощающего мою плоть.

– Я всегда справлялся своими силами, – признается он. – Не только когда был в коме, а всегда и везде. А потом, на той полянке в лесу, появилась ты. Ты нашла меня, Сара. Впервые в жизни я был не один. – Я вижу, как на этот раз краснеет Уэс. – Я давным-давно забил на нормальность. И буду рад компании. Наличие Головешек – полная хрень, согласен. Надо просто лучше прятаться или искать пути обхода. Но это единственный минус. Большой, не спорю, но он не идет ни в какое

сравнение с удивительными вещами, которые можно считать плюсами.

Он снова приближается, его ослепительные зеленые глаза блестят даже в отсутствие солнечного света.

– Давай сохраним нашу тайну. Хотя бы какое-то время. Вдруг это приключение всей нашей жизни? – Он наклоняется ко мне, пока мы не соприкасаемся лбами. Прижавшись, словно в поисках поддержки, этот сильный, храбрый, невероятный человек, который принял мою сторону в конфликте с Джиджи и провел через невероятные сны, закрывает глаза и шепчет: – Пожалуйста...

Я вдыхаю его запах. Уязвимость Уэса заставляет меня, несмотря на страхи, стать сильнее. Может быть, он прав? Что значит мимолетный кошмар по сравнению со свободой просыпающегося во сне сознания? Могу ли я вытерпеть краткое заточение ради пожизненного срока, в котором буду спать без происшествий?

– Я не против, – перехожу на шепот: – Но мне страшно.

– Я буду рядом, – еще тише обещает он.

Его губы все ближе, я чувствую горячее дыхание: желание полностью затмевает страх. Приоткрываю рот для поцелуя, но тут кто-то... кидает рядом мусор.

– Э-э-э, ой, простите, – слышится отрывистый, гнусавый голос.

Мы с Уэсом тут же разлетаемся в стороны, будто нас застали за более интимным занятием. Я нервно приглаживаю волосы, он поправляет куртку.

– Привет, Сара, и ты привет, хотя ты явно не Джимми, – произносит рыжий парень небольшого роста.

– Грейди! – Я, сделав большие глаза, жестами отгоняю, словно комара, младшего брата Зверя Бутховски.

Потом, уже второй раз за это утро, мир останавливается. Ночной сон бьет мне под дых. Поезд, ярмарка, спальня, компьютер. Компьютер. Отражение Грейди в экране...

Резко наклоняюсь к Грейди, хватаю его за руку и разворачиваю к себе лицом.

– Эй, полегче, – говорит он, вырываясь. – Похоже, вы тут уже наговорились.

Свободной рукой он поправляет очки, перемычка которых замотана липкой лентой. На левом виске – повязка приличных размеров.

– Что с головой? – спрашиваю я.

Грейди хмурится.

– Скажем так, пробовал кое-что новенькое и близко познакомился с краем стола.

Сердце уходит в пятки. Грейди учится только на «отлично», состоит в обществе «Менса». И приторговывает наркотой. В отличие от брата, Грейди не может рассчитывать на спортивную стипендию от колледжа, поэтому, чтобы точно обеспечить себе попадание в Лигу Плюща, зашел с другой стороны. Тесса слышала, что он выбирает, кому и что продавать, основываясь на побочных эффектах. Он любит подбрасывать Зверю таблетки, где в инструкции мелкими буквами написано «облысение», зато секси-девчонка, что старается занять местечко повыше, точно заполучает дополнительное преимущество в виде усиления полового влечения. Так может, это он толкает кому-то наркотики с эффектом захвата чужого тела?

– И что там у тебя такое новенькое? – требую я объяснений.

Грейди ухмыляется.

– Я думал, вы добродетельная особа, мисс Рейес... – Потом окидывает взглядом Уэса. – Хотя, похоже, ошибся... Но знаешь, если правда интересно, с этого я бы не начинал. Слишком мощно для новичка. Могу предложить что-то более...

– Что за наркотик, Грейди? – В моем голосе проскальзывает нетерпение.

Он пожимает плечами и ловит кайф от своей пусть мизерной, но власти.

– Его еще нет в широкой продаже. Поэтому не могу сказать.

– Рассказывай! – рявкает Уэс и придвигается ближе, чтобы грозно нависнуть над сублильным мальчишкой.

Решив, что секретность не стоит пенделей, Грейди раскалывается:

– Называется дексиднипам, – выдает он. – Но я не буду его продавать. Парень, что мне его достал, не знал, что оно не одобрено управлением по контролю за продуктами и лекарствами, поэтому побочные эффекты еще не все прописаны. А судя по тому, как я расшибся, – он морщится, прикасаясь ко лбу, – я бы сказал, что наблюдаются серьезные косяки.

– Кто тебе его дал? – спрашиваю я.

– Сара, я уже сказал: эта наркота не для тебя. Если хочешь, чтобы я что-то достал, не отказывайся от рекомендаций...

– Кто?! – реву я.

Я вижу, как Грейди взвешивает все за и против: раскрыть или нет свой источник перед этой явно безбашенной психичкой.

– Ладно, – наконец произносит он. – Похоже, дела с ним вести все равно не получится. Ты, скорее всего, с ним знакома. Он учился здесь. Помнишь Джоша Моврея?

Я молча разворачиваюсь и иду прочь, оставив Уэса и Грейди.

Глава двенадцатая

Применив технику Уэса «повернуть и подергать», я распахиваю дверь в школьный коридор и захожу внутрь. Звенит звонок, ученики торопятся на классный час, и я иду против течения. Уэс молча пристраивается рядом. Я не готова с ним разговаривать, но, похоже, от нервного срыва меня спасает лишь присутствие этого импровизированного охранника.

Уэс не отстает: куда ни поверну – он за мной. Мой конечный пункт пути неизвестен. Я лишь хочу затеряться в толпе окружающих меня учеников. Но вместо того чтобы смешаться с народом, кажется, что я бельмо в глазу – будто на груди алыми буквами, как у прелюбодейки, выписаны все мои позорные тайны. Так начинается паранойя, или это в порядке вещей, что теперь каждый третий на меня пялится? В груди давит, а сердце колотится, как отбойный молоток. Понимаю, что теперь я сама загнала себя в ловушку. Есть ли способ прекратить это безумие? Мы какое-то время бесцельно слоняемся по коридору, а потом Уэс заталкивает меня в пустой класс.

– Рассказывай, что там произошло во сне с Грейди, – требует он, когда мы остаемся одни.

Я прокручиваю в голове полдюжины разумных объяснений, но понимаю, что все они неубедительны. В итоге произношу единственное, в правдивости чего уверена:

– Я попала в него...

Истерики не наблюдается. Вместо этого Уэс говорит:

– Да, так все и выглядело. Когда ты его подхватила, ваши тела стали корчиться в судорогах. Недолго. Но при этом вы двое были, как бы сказать, связаны. Твое тело... – он подбирает нужное слово, – прилепилось к Грейди. Знаю, звучит как бред, но тебя будто всосало в него.

– Все это звучит как бред, – говорю я. Хотя понимаю, что он имеет в виду. – Вот только мы не обнимались.

– Да, – соглашается он. – Ваши тела словно стали едиными, от головы до пят, каждый палец.

– Как тень Питера Пена.

– Именно, – подтверждает Уэс. – И что ты чувствовала?

– Я просто чувствовала его тело как свое собственное, при этом понимая, что это не я, – не особенно стараюсь формулировать. – Я

находилась в мозгу Грейди, управляла им. Но это было не во сне. Я оказалась в его комнате. Уэс, – я в отчаянии смотрю на него, – это было в реальности! И я все контролировала...

Он до сих пор не терял при мне присутствия духа, но сейчас отпрянул.

– Как? Что ты хочешь сказать? Ты могла им управлять? Его телом? По-настоящему? В его реальной комнате? – Видимо, только сейчас он понял, о чем я говорю на самом деле.

– Выходит, что так, – уверенно говорю я.

Необъяснимым образом я захватила власть над чужим телом, а до этого просмотрела два общих сна. К чему все отрицать?

– У меня не очень получалось. Сложно было даже пошевелиться, а под конец у него случился какой-то приступ, я почувствовала его возвращение в тело, и меня выбросило обратно в сон. – Уэс молчит. Теперь моя очередь шокировать его. – Это тоже побочка от «Дексида»? – Я скорее констатирую, нежели спрашиваю.

– Наверное, – кивает он. – Я его принял. Ты его приняла. А теперь мы знаем, что и Грейди. Вспомни, когда мы в первый раз заметили его на станции. Он отличался от пассажиров. Казался пьяным, раскачивался.

– Как мистер Хьюстон, – добавляю я, и над моей головой вспыхивает воображаемая лампочка.

– Кто?

– Тот пожилой человек, за которым ты захотел спрыгнуть с поезда в первую мою ночь на «Дексиде». Я его узнала, он из клиники. Участвует в том же исследовании. И тоже принимал лекарство. Но он вел себя не так, как мы. Больше был похож на Грейди.

– У него тоже БДГ?

– Нет, он лунатик, – отрицательно качаю я головой.

– Тогда это точно из-за «Дексида»... – Уэс кивает все энергичнее. – Старик на нас не похож. Он, как Грейди, обычный человек. Видимо, те, кто принимает «Дексид», взаимодействуют во сне. Их реакция на лекарство пассивна, и ими можно завладеть, а наше сознание дает нам порулить. – Присвистнув, Уэс снова садится на парту. – Черт побери, Сара! Понимаешь, что это значит?

– Еще бы, – я открываю дверь. – Это точно ненормально.

Опустив голову, продираюсь сквозь толпу к своему шкафчику. Спешу, зигзагами огибая ребят, почти не замечая, что в бок мне тычется чей-то рюкзак и рикошетит вода из фонтанчика для питья. Когда Уэс догоняет меня, толпа редет, и ученики разбредаются по классам для переключки.

Мы уже почти у шкафчика, и тут вице-президент студсовета Триша

Голдмарк начинает зачитывать по системе громкой связи ежедневные объявления. Я не сильно прислушиваюсь к ее словам, поглощенная утренними открытиями (а ведь еще нет и девяти). Но полностью пропускать мимо ушей нарочито веселую болтовню невозможно, поэтому я обратила внимание на то, что она передала кому-то микрофон.

– Спасибо, Триша, – говорит... Джиджи. Внутри у меня все переворачивается. – Знаю, сегодня утром за мной спортивные анонсы, но хочу сообщить ученикам кое-что важное. – Ее голос на секунду смолкает, она откашливается. – Среди нас завелся опасный хищник, – твердо заявляет она. – И его нужно изгнать. Я стала первой жертвой, и кто-то может обвинить меня в предвзятости. Но не прошу верить моим словам. Поверьте ее словам.

Неожиданно по громкоговорителю раздается мой голос.

– Я чокнутая. Сплошной кошмар, – голос звучит униженно, я жалко поскуливаю. – За то, что я с тобой сделала, меня нужно посадить на цепь. Навсегда, не только на ночь. Я не знаю, что со мной творится. И никто не знает. – Глухие рыдания отражаются от металлических шкафчиков. – Врачи не смогли разобраться. Скорее всего, не разберутся никогда. Я – чудовище. Я не заслуживаю твоего прощения. И не жду его. Я заслуживаю страшного наказания. Страшного, страшного...

Запись выключается, но динамик еще работает, и слышно, как кто-то двигается. Потом микрофон резко фонит. И наступает тишина.

Меня слегка шатает, и я вытягиваю руку, чтобы опереться о стену. Уэс рядом – я чувствую его тренированное и сильное тело: настоящая опора. От помощи не отказываюсь, но взгляд не поднимаю. Просто нет сил. Мало того что я героиня скандала, природа которого труднообъяснима, так еще парень, который то ли дурно влияет на меня, то ли я в него влюбилась (не исключаю обе версии) – стал свидетелем того, как я опустилась...

Запись – это мое последнее голосовое сообщение, которое я оставила Джиджи после пижамной вечеринки. Помню, как рыдала той ночью, не только потому, что оказалась чудовищем и натворила дел, но еще и потому, что была отвергнута Джиджи. А я так хотела, чтобы она меня поняла! И не важно, что сознанием я принимала ее вполне оправданную позицию, меня терзала мысль, что прощения не будет. Если бы я только знала, что потом будет намного хуже...

– Спасибо, – выдавливаю я, пытаюсь сделать шаг, потом другой и, склонив голову, иду по коридору. Заворачиваю за угол, смотрю только под ноги, поэтому, пока не дохожу до шкафчика, не вижу, что там происходит.

Тесса отрывает бумажки от серого холодного металла, бурчит что-то,

подцепляя большой клочок, прилипший к дверце. Заметив меня, она подбегает и изо всех сил пытается меня развернуть.

– Пошли отсюда, Сара! Не надо туда подходить...

Оттолкнув ее, я осматриваюсь. Хотя Тесса, без сомнений, героически старалась меня уберечь от этого варварства, ее действия почти не заметны: на шкафчике мозаикой выложен венок из обличающих фоток, что Джиджи нащелкала в клинике. Я на них абсолютный овощ, вся в проводах, волосы вымазаны гелем. Мне становится плохо. Но причина не только в снимках. Прямо в центре этого круга – я в виде чучела.

К шкафчику приклеена кукольная кровать с балдахином, розовая, вся в рюшах. На покрывале лежит распятая Барби, ноги и руки цепочками крепятся к четырем столбикам. Игрушечные волосы срезаны, и на пластиковой макушке, посаженные на клей, – темные человеческие. Рука сама тянется к голове, туда, где рос этот клоч. Краем глаза вижу, что за мной наблюдает Уэс. Потом зажимает рукой рот – ему все стало ясно...

Он подходит к шкафчику и одним резким движением срывает кукольную кровать. Тесса снова начинает сдирать фотки. Я же просто смотрю на них, хотя на самом деле ничего не вижу...

Меня возвращает в реальность звук телефона – пришло какое-то сообщение. Телефон Тессы тоже зажужжал, и, кто бы сомневался, я еще и мобильник не успеваю вытащить из кармана, а она уже смотрит в экран.

– Не надо... – слышу я, но уже опускаю взгляд. Передо мной – один из тех снимков...

Из соседнего туалета выходят две девчонки. Они смотрят в телефоны и над чем-то смеются. Одна из них – Киара. Она видит меня, оживляется, потом поднимает трубку, наводит ракурс и щелкает. На нее вмиг налетает Тесса, требуя удалить снимок и угрожая разборкой. Но Киаре все нипочем. И в этот момент до меня доходит, что фото прислали не только мне, его разослали всей школе...

Уэс, закончив сдирать фотки, встает напротив и спрашивает:

– Теперь достаточно настрадалась?

Впервые с тех пор, как мы вышли из кабинета, я поднимаю на него взгляд и понимаю: если боялась увидеть жалость или слезливое сочувствие, то беспокоиться не о чем. Его взгляд тверд. Да, наш разговор у Западных ворот состоялся самое большее десять минут назад, но эти десять минут были богаты на события.

– Помнишь лоб Грейди? – спрашиваю я.

– Помню.

– Считаешь, я действительно в него вселилась? И контролировала

тело? – Он кивает. – Потому что мы оба были на «Дексиде»? И мы с тобой можем управлять людьми, если они тоже его приняли?

– Да.

Я сглатываю комок в горле, отбросив сомнения и страхи:

– Думаешь, удастся повторить?

Уголки рта Уэса растягиваются в улыбке.

– Думаю, да, – отвечает он, а потом добавляет: – Если удвоить дозу, можно управлять и получше, не так как с Грейди. И даже попытаться задержаться в теле подольше. Прими сегодня две таблетки.

– Ладно, – рассеянно отвечаю я. Мозг напряженно переваривает всю информацию. – Но как нам заставить... – я делаю глубокий вздох, прежде чем произнести имя. – Как нам заставить... Джиджи принять «Дексид»?

– Я все улажу. – Его голос успокаивает. И не подумаешь, что он только что предложил подмешать наркотик девчонке, чтобы я с ней разобралась... – Встречаемся ночью на вокзале.

Разворачиваюсь, не дожидаясь ответа. Иду по коридору и тут же покидаю здание, чтобы не передумать.

Ночью в клинике, пока Ральфи присоединяет провода, веду себя очень тихо. Притворяюсь, что уронила таблетку, и он приносит вторую. Глотаю обе за раз. Когда открываю глаза, на перроне 29 Центрального вокзала меня ждет Уэс. И спящая Джиджи, уже под «Дексидом»...

Я следую за ней в вагон, понимая, что готова переступить черту. И я довольна. Может, я и мстительный, оккупирующий сны псих-кукловод, зато теперь я не одинока...

Глава тринадцатая

– Паста. Она делает пасту?

Уэс постукивает по гладкой гранитной столешнице кухни, явно одобренной дизайнерами «Школы ремонта». Он не в духе, но разве можно его винить? Пришли отомстить, кровь бурлит от ярости, впереди только гром и молнии – на меньшее мы не согласны... а сон Джиджи – скукотень, да и только.

– Ну, хоть Грейди, хороший мальчик, показал нам что-то интересное, – огорчается Уэс. – Это же просто... убожество...

Уэс презрительно машет в сторону Джиджи. А та стоит более-менее ровно – если не принимать в расчет небольшое покачивание, вызванное «Дексидом». Стоит у первой плитки на шесть конфорок и смотрит на кастрюлю с кипящей водой. Такая нудятина, даже жаль ее становится.

Почти.

– Дай ей шанс, – говорю я. – Еще есть время. Вдруг она сейчас вытащит из-за пазухи кролика и начнет его варить.

Уэс фыркает и кивает в знак согласия.

– Да какая разница, о чем ее сон? Мы здесь все-таки не полюбоваться собрались.

Желудок завязался в тугой узел.

– Это понятно... Знаешь, мне было бы легче, если бы она топила котят.

Он выпрямляется и грозит пальцем.

– Даже не вздумай слиться, Сара! – говорит он немного агрессивно, но иронии в голосе больше. Он осторожно придвигается к Джиджи, почти вплотную, но не дотрагиваясь. – Мы же договорились устроить нашим суперсилам тест-драйв на старом разбитом драндулете, так что не страшно, если его разобьем. Машина есть, – он бросает на Джиджи оценивающий взгляд. – Ключи есть. Так почему стоим?

У меня вырывается вздох.

– Дзынь, – имитирует он звук таймера в конце отсчета. – Время вышло!

Не успеваю и глазом моргнуть, как он впрыгивает в тело Джиджи. Касается едва заметно ее руки, и в ту же секунду они становятся единым

целым: передняя часть его тела слилась с ее спиной. Джиджи стоит у плиты, стеклянный взгляд, раскрытый рот, руки вытянуты вперед, а кисти безжизненно обмякли. Прикрепленный теперь к ней Уэс справляется мастерски.

Они идут задом наперед.

Останавливаются.

Поворачивают влево.

Вторая таблетка, должно быть, действенная: у него явно лучше выходит управляться с телом Джиджи, чем у меня с Грейди. Хотя я, как любой нормальный человек, не особенно люблю мимов, это представление меня захватывает. Остановившись у чего-то невидимого моему глазу, Уэс руками Джиджи скользит по ровной поверхности стола, в чем-то копается... Мне пока непонятно, что они делают, но Уэс немного огорчен... Черты лица Джиджи напрягаются. Руки сжаты в кулаки. Уэса уже несет: он останавливается то тут, то там, чтобы взглянуть поближе на какие-то вещи, и его челюсть, то есть челюсть Джиджи, сжимается. Ходит по комнате, небрежно проводит по волосам. Пытается объяснить что-то мне, но я ничего не могу разобрать – складывается ощущение, что опоздала на какой-то экзамен.

Внезапно рядом с домом мечты Джиджи в ее сне раздается вой. Спутать его ни с чем невозможно. Нас обнаружили Головешки... Выглядываю в окно кухни, на меня таращатся две огромные фигуры. От их тяжелого смрадного дыхания запотело стекло. Я пугаюсь, но ненадолго. Когда первый шок от того, что здесь Головешки, проходит, меня больше начинает беспокоить другое: а вдруг Уэс не успеет закончить с Джиджи? Что, если до меня очередь не дойдет?

На автомате бегу – сначала трусцой, потом все быстрее. На полной скорости врезаюсь в Джиджи с Уэсом.

И тут...

Шших.

Хлоп.

Моргаю, потом глаза привыкают к темноте такой знакомой мне спальни Джиджи. Сажусь и понимаю, что я на полу, а Уэс исчез. Он вылетел сам или это я, столкнувшись, выбила его из тела Джиджи? Напротив меня широченная кровать, миленькая, розовенькая, с атласным стеганым изголовьем и тончайшими египетскими хлопковыми простынями. Рядом висит постер в рамке – литография М. К. Эшера

«Относительность» – сувенир из поездки в Метрополитен-музей прошлой осенью, привет из лучших времен.

Джиджи всегда любила эту работу, ведь к ней не применимы законы физики. Нет правил и нет преград – того, что Джиджи пытается нарушать. В той поездке я призналась, что сама так жить не могу. Поэтому прямо из музея она завела меня в магазинчик, купила обеим по репродукции и протянула одну из них:

– На случай, если заблудишься. Теперь у нас обеих есть карта.

Вспомнив тот разговор, я засмеялась голосом Джиджи. Начинает ныть голова. Что я здесь делаю? Как все могло так измениться? Да, у Джиджи скверный характер, но именно она однажды несколько часов просидела с новенькой, из-за чьей ошибки мы тогда проиграли. Вместо того чтобы девчонку ругать, рассказывала байки про собственные поражения, подбадривая, чтобы та смогла на следующий день выйти на поле. Джиджи – неплохой человек. Она моя подруга.

Конечно, друзья не транслируют личные голосовые сообщения на всю школу и не распространяют фотки, полученные без согласия. Но разве может одна ошибка перечеркнуть все хорошее, что у нас было? Разве может мой проступок оправдать весь тот яд, что вылила на меня Джиджи?

Не может.

Поднимаюсь с пола и осматриваюсь. Взгляд останавливается на пробковой доске рядом со шкафом. Все завешано фотками Джиджи и ее друзей. В последний раз моя там висела на видном месте. Замечаю, что, хотя фотки остались прежними, я на всех изуродована. Рога дьявола, усы Гитлера, на одной меня полностью перекрыла черная клякса. Джиджи не вычеркнула меня из своей жизни. Хуже. Я превратилась для нее в злобного демона, который просочился в ее жизнь и которого нужно изгнать. Прилюдно и мучительно.

Вспоминаю, что Уэса расстроило что-то на столе, и спешу туда. Источник его гнева нахожу сразу. У меня перехватывает дыхание и темнеет в глазах от всего, что я вижу... По столешнице разбросаны мои фотографии из клиники. Те, что она прилепила к шкафчику, и куча других. Тут же валяются ножницы и клей. И все это сверху усыпано клочками темных волос. Моих волос. Тех, что она срезала без разрешения. Тех, что она приклеила кукле, чтобы опозорить меня в школе. Чтобы доказать и мне, и другим, что я – чудовище, чокнутая. Что я как личность ничего не значу, потому что я больная...

Это уже слишком!

Мурашки по коже, такие же, как когда я была внутри Грейди,

усилились десятикратно. Может, оттого, что я увеличила дозу «Дексида», или оттого, что каждая клеточка теперь буквально кричит от злости. Не важно...

Как ты там, Джиджи, говорила? Никаких правил? Никаких границ?

Рывком открываю ящик стола и легко нахожу отличное орудие мести.

В этот раз даю волю своему гневу. Зажав в правой руке ножницы, решительно направляюсь к зеркалу в полный рост, откуда на меня смотрит разъяренное лицо Джиджи. Ухватив приличный клоч волос почти у лба, подношу ножницы к самым корням и режу. Прядь за прядью кромсаю длинные ниспадающие волосы, пока на ярко-белой коже не остаются лишь неровные проплешины серо-желтого цвета.

На столе – розовая помада. Хватаю и огромными печатными буквами на гладкой поверхности зеркала небрежно пишу:

Это судьба, сука!

Потом с криком хватаюсь обеими руками за зеркало, запрокидываю голову и впечатываюсь лбом в раму.

Шших.

Хлоп.

Возвращаюсь в шаблонный сон Джиджи, Уэс помогает мне подняться на ноги.

– Головешки, – поясняет он, и я слышу стук в дверь с веранды.

Бросаю последний взгляд на Джиджи, которая сидит на полу. Длинные красивые волосы уже далеко в прошлом.

Улыбаюсь.

Уэс выводит меня из кухни, и мы сбегает через гараж. Монстры свирепые, но не особенно умные. И пока они в поисках нас рыщут по дому, мы успеваем убежать достаточно далеко.

Несемся, не останавливаясь, через темные поля, которые окружают дом.

Рука об руку.

Не сбавляя темпа.

Без усталости.

Всю ночь напролет.

– Трижды! Уже трижды! Ты можешь в это поверить?

Тесса фыркает, листая один из тех глянцевых журнальчиков, что она выписывает.

– Верх наглости считать его своим парнем! Саму сколько раз ловили, как целовалась с другим. И ладно бы один раз, а то три!

– Угу, – соглашаюсь я.

Было, конечно, давно понятно, что в мои обязанности лучшей подруги входит прикидываться, что мне интересна запутанная личная жизнь киношных старлеток и богатеньких охотниц на мужей, которых Тесса так высоко ценит, но сегодня я притворяться не в состоянии. Мы сидим на школьном дворе, греемся на утреннем солнышке. Сейчас март, и уже достаточно потеплело, чтобы считать это время года весной. Всматриваюсь в толпу учеников, ищу того, чья личная жизнь мне в принципе не безразлична.

На дальнем конце заросшего травой пустыря Джейми со Зверем играют в футбол, за них болеют три девчонки из группы поддержки. Невдалеке от них Пит (новая добыча Эмбер) спорит со своей бывшей – Дженни, судя по внешнему виду, уже достаточно длительное время ничего не ела. Рядом с мусоркой примостилась наша отличница – Эми Лоуренс, мирно читает книгу. Вскоре рядом с ней плюхается Киара. Она, может, и без башни, но далеко не дура, на лабораторных они всегда работают в паре. Эми что-то ищет в сумке. Киара же хлопает ее по плечу, но слегка перебарщивает. Со стороны кажется: задира подкараулила за школой заучку.

Другими словами, для всех день как день. Но не для меня. И не для Уэса. В груди поселилась мучительная боль, и с каждым новым учеником, который появляется во дворе, она лишь нарастает. Колени трясутся, ногти я сгрызла в кровь. Ну, где же он ходит?..

– Сара, – Тесса сует мне журнал. – Это не ерунда. Я провожу важное социологическое исследование относительно образа жизни людей, ставших богатыми и знаменитыми по воле случая. Это мое будущее! Должна же я быть в этом смысле подкованной.

– Прости, – извиняюсь я.

– Ладно, забей, – пожимает она плечами. – Хотя обычно ты неплохо притворяешься, что тебе не пофиг.

– А мне не пофиг, – оправдываюсь я. – Просто отвлеклась.

Тесса протягивает руку и забирает журнал.

– Где-то около Западных ворот... – дразнит она.

Западные ворота. Как я могла так сглупить? С чего я решила, что Уэс здесь, во дворе, когда все предыдущие наши встречи проходили там? Судорожно заталкиваю в сумку книжки и встаю. Боль в груди перерастает в радостное возбуждение.

– Я пойду... Совсем забыла, мне кое-куда нужно... – запинаясь,

бормочу я.

– Куда тебе нужно? Сара, я пошутила. В пять классный час. У тебя нет уже ни на что времени.

– Увидимся в классе, – отвечаю я, неуклюже пытаюсь застегнуть на сумке молнию. Я так отчаянно спешу, что ноги меня не слушаются. В итоге делаю только один корявый шаг на полусогнутых, и тут же врезаюсь во что-то твердое. Выпрямляюсь и на уровне глаз вижу широкую грудь во фланелевой рубашке.

Я чувствую, как моего лица касаются сильные руки и приподнимают подбородок. Мой взгляд устремляется вверх, мимо четко очерченных скул, пухлых губ, носа с горбинкой. Останавливается на пронизательных зеленых глазах, в которых мечутся искры.

Уэс прижимает свои губы к моим. Я отвечаю на поцелуй и закрываю глаза.

Прижимаюсь к нему бедрами, колени подкашиваются. Обнимаю Уэса, притягиваю его еще ближе. Он тяжело дышит, не отрываясь от моих губ. Потом разжимает руки, отпуская лицо. Проводит ладонью по моим волосам и прижимает меня к себе сильнее. Другой рукой обвивает талию. Я наслаждаюсь им, а он – мной. Моя спина выгибается, с губ слетает еле слышный стон. Неприлично. Конечно, всего лишь намек, но... Надеюсь, что слышал только Уэс. Ему и предназначалось...

Если бы у меня осталась хоть толика здравого смысла, способность думать в этот момент о ком-то кроме себя, я бы заметила широченную ухмылку Тессы, которая едва сдерживает смех. Я бы побеспокоилась о том, чтобы Джейми не увидел нас, не промазал по мячу и его сердце не разбилось бы вдребезги. Задумалась бы, какое позорище устроили мы с Уэсом и что нам не помешало бы соблюсти хоть капельку приличия. Но случай был не тот. В этот момент существовали только Уэс и я. А еще – наш дурманящий первый поцелуй...

Кажется, что пролетели дни, недели, месяцы, годы... Мы отодвигаемся. Смотрим лишь друг на друга: никаких смущенных взглядов в сторону. Глаза в глаза. Губы. И снова глаза. Он прерывисто дышит. Я задыхаюсь, краснею... Плевать! Уэс протягивает руку – она такая твердая, знакомая – и ведет меня в здание, не отводя глаз. Удивительно, как никто из нас не впечатался в стену и не споткнулся о мусорный бак. Мы скользим, плывем, летим как одно целое. Собственно, так и есть. Мы с Уэсом Ноланом – целое. Мы предназначены друг другу судьбой...

Глава четырнадцатая

– Если бы ты могла попасть в сон любого человека и походить в его теле, кого бы выбрала?

Уэс смотрит на меня сквозь прикрытые глаза, пока его голова покоится на моих коленях. Мы развалились на пустом футбольном поле возле линии ворот. На уроки забили, но мне по барабану. Теплый ветерок, молодая зеленая травка, мой новый парень – просто сказка, и уходить я никуда не хочу. Немного подвигаюсь, чтобы солнце не било ему прямо в глаза.

– Ты про ныне живущих людей или про тех, кто уже умер? – спрашиваю я.

– Любых.

Обдумываю предложение.

– Джордж Вашингтон.

– Джордж Вашингтон? Серьезно?

– А почему бы и нет? – интересуюсь я, а Уэс хмурится.

– Ну да, согласен, первый президент и все такое, но из всех людей в мире ты выбираешь солдата с гнилыми зубами, который всегда говорил только правду?

– Хочу разобраться, действительно ли он ночевал там, где показали в фильме? – улыбаюсь я.

Уэс ворчит, но не может долго прятать ухмылку. Я тянусь и целую его.

– А ты?

– Проще простого, – признается он. – Фрейд. Если у него было так много бредовых теорий о людских мыслях и тайных желаниях, построенных на анализе сновидений, его сны должны быть офигенными.

– Это ты офигенный. – И как только слова вылетают, закрываю ладонями лицо. – Не могу поверить, что сказала это вслух.

Уэс поднимается, сбрасывая мои руки.

– Ты тоже офигенная! – широко улыбается он и заваливает меня на бок.

Визжу, а он начинает щекотать меня так, что молю о пощаде. Когда мы успокаиваемся, смотрю на него. Выражение лица Уэса уже нельзя назвать игривым или ласковым, оно чертовски серьезное. Просыпается желание. Облизываю губы и сглатываю возникший комок в горле. Начинаю забывать, что мы в общественном месте.

И он целует меня. Целует, целует, пока не становится ясно, что будет

дальше и что иного выбора, кроме как остановиться, просто нет. Уэс падает рядом со мной на траву, я же, положив ему на плечо голову, вглядываюсь в голубое небо, по которому плывут пенные облака.

– Знаешь, а ведь это реально, – задумчиво протягивает он. – Не с покойниками, конечно. Зато современники, к которым можно подобраться и подсунуть «Дексид», все – в наших руках. И чем больше таблеток принять, тем лучше мы с ними справимся. Прошлая ночь это доказала.

Он играет с моими волосами.

– Заметила, когда кто-то из нас был внутри Джиджи, Головешки не объявлялись? Может быть, они не могут приближаться, когда мы в чужом теле? Представь, как круто, если это так!

Я чувствую, он напрягся, как во время поцелуя.

– Можно проникнуть в головы спящих, управлять их телами. Стать кем угодно. Попасть куда угодно. Творить что угодно. Сара, мы такие...

– ...повернутые, – говорю я, а он одновременно произносит «всесильные».

– Что? Повернутые? – Уэс садится. Я неохотно делаю то же самое. – Скажи, что шутишь.

Он смеется: подобным образом смеются нормальные люди, сталкиваясь с фантазиями сумасшедших. Я отвожу взгляд и начинаю демонстративно изучать какую-то свежепробившуюся былинку.

– Ага, от мороженые, – говорю я. – А то, что натворили прошлой ночью – если мы натворили это на самом деле, – вообще ни в какие ворота...

– «Если» мы натворили это на самом деле? – усмехается он, напрочь пропуская мимо ушей мои слова о нормах морали. – Что значит «если»? Ты вчера сама видела Грейди, а ночью была внутри Джиджи. Не хотелось бы тебя расстраивать, крошка, но у нас суперсила! Можешь все отрицать – это ничего не изменит. Так почему бы не побороться за правое дело?

– Правое дело? – усмехаюсь я. – И когда именно мы за него боролись? Когда вторглись в личное пространство беззащитной девушки или когда я практически сняла с нее скальп?

– Ты забыла вчерашний день? – едко напомнил он. – Фотки? Волосы, которые откромсали от твоей шевелюры, между прочим, когда ты была в отключке?

Он проводит ладонью по моим коротким прядям. Я отстраняюсь.

Надо признать, я специально старалась не думать ни о Джиджи, ни о том, что она позавчера вытворяла, ни о том, насколько я ночью подлила масла в огонь. Утром проснулась с единственным желанием – найти Уэса и

поцеловать. Крепко-крепко. Конечно, я знала: нам придется обсудить вчерашнее, это лишь вопрос времени. Но такого крайнего восторга со стороны Уэса по поводу случившегося уж никак не ожидала.

– Нет, я ничего не забыла. А ты правда считаешь, что то, что мы вчера сделали...

Я умолкла, не зная, как закончить мысль. Не верю, что все произошло взаправду, что это было заслужено. Голубое небо столь романтического дня стали затягивать тучи, и я боюсь, что Уэс помчится искать укрытия. Но, к моему удивлению, он делает долгий выдох через пухлые губы и прижимает меня к себе.

– Ладно, Сара, не переживай... – шепчет он, зарывшись в мои волосы. – Давай не будем из-за этого ссориться. На принятие решений надо время. Я не тороплю...

Уэс целует меня в макушку, прыжок, и он уже на ногах. Его губы расплываются в улыбке, но в глазах нет даже намек на нее.

– Слушай, у меня тут вопрос с расписанием, его нужно уладить с отделом планирования до конца дня. Увидимся позже. Не против?

– Без проблем. – Изо всех сил делаю вид, что и я занята: – Мне все равно бежать на встречу с командой.

Уэс подбирает вещи и наклоняется, чтобы меня поцеловать. Нежно, ласково, но уже без того еле сдерживаемого желания. Закидывая портфель через плечо, он подмигивает и уходит. Ни с того ни с сего парень, который норовил распустить руки, хочет убраться от меня подальше... Уэс уже на середине поля, а мне только приходит в голову задуматься: хочу я побежать за ним или нет?

Какое-то время сижу на траве, чувство одиночества, которое я без него ощущаю, ужасно. Спустя пару минут собираю вещи и направляюсь в спортивный зал. Ради Уэса, его глаз, губ и объятий, я твердо намеревалась пропустить сегодня встречу. Но теперь – когда наше тайное свидание прервалось – смена деятельности показалась хорошей мыслью. Скорее всего, будет Джиджи. Она же капитан. Не уверена, что готова признаться в этом Уэсу, но на самом деле ночная победа вдохновляет. Мне нравится, что ко мне хотя бы частично вернулась власть.

Я широко распахиваю дверь женской раздевалки, где меня поджидают Киара и Эмбер. На доске информации прикреплен клочок бумаги с сообщением: «Занятия по лакроссу отменяются». Мрачное ощущение, что это неспроста, дает мне под дых. Начинаю пятиться назад, но Киара выкидывает руку и цепко меня хватает.

В полной тишине приспешницы Джиджи ведут меня вдоль шкафчиков.

Никакого гнусного хихиканья, но и торжества не видно. Лица у обеих тревожные, растерянные. И от этого я нервничаю намного больше.

Раздевалка пуста, что также настораживает. Не слышно резкого, тяжелого запаха пота, не видно у шкафчиков полуобнаженных девчонок толпящихся, нет отражающейся от кафельных стен какофонии, состоящей из дружеского подзуживания и смеха. Это в голливудских фильмах раздевалка – своеобразный жертвенник. Для меня она всегда была тихой гаванью, где я либо готовилась к битве, либо хвасталась шрамами. Теперь она казалась нежилыми развалинами мира, откуда меня изгнали. Кто знает, может, в Голливуде все понимают верно?

Я иду с опаской, все жду, что в любой момент откуда-то выпрыгнет Джиджи (в лыжной маске и с ножом мясника). И если бы не настойчивое капанье неисправного крана, было бы слышно лишь хлюпанье наших кроссовок по влажному полу. В конце ряда заворачиваю на пяточок между шкафчиками и душевыми кабинками.

И застываю.

Напротив – субтильная девчонка в темных очках и толстовке; капюшон натянут на голову. Стоит, немного ссутулившись, плотно скрестив на груди руки. Поначалу взгляд не поднимает. Я даже не уверена, что она знает о моем присутствии, так как быстро и практически не дыша что-то шепчет себе под нос. Ее голова трясется из стороны в сторону. Сначала медленно, как маятник. Потом движения ускоряются, и она начинает ею раскачивать, словно ребенок, который пытается выкинуть из головы плохой сон.

Затем замирает. Прямо на меня не смотрит. Снимает очки и стягивает капюшон, обнажая синяк под глазом, неровно остриженные короткие волосы и проплешину на боку.

Охает Эмбер.

– Бог мой... – выдавливает Киара.

– А вы решили, что это заявка на модность? – рывкает Джиджи на подруг, которые, как обычно, всего лишь четко следовали инструкциям своей начальницы, не задавая вопросов «зачем» и «почему». Джиджи сказала – и они меня привели. Хотя сейчас эти двое мне более отвратительны, чем их злобная хозяйка. Может, потому, что у Джиджи такой жалкий вид. Я хочу что-то сказать, стать прежней Сарой, которая умеет сочувствовать. Но нет. Не могу. Я сама напугана и, если честно, в полном восторге от того, что натворила. Мой сон воплотился в жизнь. Его воплотила я. И Джиджи – тому доказательство.

– Все по-настоящему... – в ужасе шепчу я.

Джиджи рвется ко мне, останавливаясь почти вплотную, так, чтобы можно было ударить. Киара с Эмбер отступают назад.

– Что ты сказала?! – визжит Джиджи, ее слов практически не разобрать. Я молчу. Ее глаза блестят и вот-вот вылезут из орбит. Она осматривает мое лицо, тело, что-то ищет. Ответа? Улик? Джиджи плотно скрещивает руки, напрягая бицепсы, что видно пульсирующие вены. Кажется, она совсем свихнулась. Затем она закрывает глаза и делает глубокий вдох. Когда Джиджи сталкивалась с особенно сильным противником, я тысячу раз видела, как она проводила этот ритуал. А потом проглатывала соперника, не разжевывая.

Когда она открывает глаза, передо мной снова железная, бескомпромиссная, готовая биться стерва. Джиджи утыкается в меня лицом, ее ноздри раздуваются, как у разъяренного быка.

– Как ты это проделала?! – сквозь зубы требует она объяснений. – Накачала меня наркотой? Тайком пробралась в комнату? Колись, Сара, ведь это была ты! Я видела послание. Я знаю. Знаю, что это ты!

Открываю рот, но что, черт возьми, я могу сказать? Она права. Это я. Это сделала я. Мне нечего сказать, и она продолжает:

– А знаешь, зря я с тобой возилась... Еще на первом занятии, в юниорах, мать советовала держаться от тебя подальше. – Тут Джиджи возбужденно кивает. – О да, она была о тебе наслышана! Как и все родители. Жуткая малышка Сара Рейес воспитывается без папочки и никогда не остается на ночь в гостях. Они чувствовали, что-то было не так, но, само собой, не понимали всего до конца... – Она указывает сначала на меня, потом на себя. – Ты и я, мы вообще не должны были общаться! Но на поле ты оказалась хороша, и я дала тебе шанс...

Она хочет провести пальцами по волосам, но замирает, вспоминая, что их почти нет. В один миг нотации, что читает Джиджи, теряют ясность, ее лицо перекашивается от ярости, и она тянет ко мне руки. Не дав ни единого шанса оправдаться, налетает и бьет прямо в солнечное сплетение.

– Джиджи, стой! – вступает Эмбер, а Киара кладет руку на плечо Джиджи. Она ее сбрасывает, и подруги сдаются. Джиджи прижимает меня к шкафчику. Ее лицо в паре сантиметров от моего.

– Благодаря мне твоя ничтожная жизнь стала вполне сносной! – вопит она. – Я притворялась, что ты не полный урод. Но ошиблась! Уверена, с Джейми в прошлом году произошел не несчастный случай. Не удивлюсь, что это ты разбила ему нос.

Я вздрагиваю. Джиджи, хоть и неумышленно, нанесла серьезный удар ниже пояса. И она это замечает. Гневная тирада тотчас стихает, а лицо

Джиджи светится так, словно ее только что приняли в Амхерстский колледж.

– Бог мой! Ты и правда разбила ему нос? И он тебя не сдал. То есть пострадала не только я, но и Джейми тоже! – Она хихикает, словно мерзкая Бастинда, и ослабляет хватку. – Тогда ты тоже все свалила на сны. Придумала, что кого-то защищала.

Отворачиваюсь, но Джиджи хватает меня за подбородок, заставляя смотреть ей в глаза. Позади нас Киара и Эмбер с сомнением смотрят друг на друга, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Как ты это делаешь? И как тебе все сходит с рук? Почему бы мне не продемонстрировать всем, какой ты и вправду урод, как ты... обманываешь людей. Рассказывай, Сара, давай, или *так* заплатишься, что и представить не можешь!

– Как? – бурчу я. – Изуродуешь меня на фотографиях?

На ее лице вспыхивает торжество.

– Я знала! – кричит она. – Ты была вчера у меня в комнате. Иначе как бы ты увидела эти фотографии?

Я опускаю взгляд. Черт...

Джиджи улыбается, упиваясь своей властью.

– Думаешь, ты особенная? Ну, так у меня есть новость! Сейчас всех дефектных называют особенными. Это такой вежливый способ сказать, что вы не такие, как мы. Вы ненормальные. И уж я постараюсь, чтобы об этом теперь узнали вообще все... Эмбер! – рявкает она. – Включай камеру!

Перепуганная подружка на побегушках неуклюже достает телефон и начинает записывать.

– Признавайся, Сара... – Джиджи наигранно хнычет, будто сама невинность. – Как ты пробралась в мою комнату? Почему я не сопротивлялась? Уж в своей-то кровати я должна быть в безопасности. Тихо-мирно спать.

То есть она в своей кровати должна была быть в безопасности... Тихо-мирно, значит, спать? Не знаю, то ли представив слушателей, которых обманом заставят поверить в такую двойную игру, то ли из-за бредовости выдвинутых обвинений – достаточно вспомнить, что они с Джошем проделали со мной в клинике две ночи назад, – но чаша переполнилась. Уэс прав: Джиджи не белая овечка. Чувство вины за прошлую ночь испарилось полностью. Может, я и не жертва, но ее-то точно не безвинной пострадавшей не назовешь. Наклоняюсь и говорю так тихо, чтобы слышала только она:

– Не в комнату. В комнате я не была. А вот кухня мне понравилась.

Скажи, вода хоть раз закипела?

Джиджи оступается, одергивая руку, словно я горю. Киара придвигается, но между нами не встает, ошарашенная неожиданной реакцией Джиджи.

Я делаю шаг вперед и продолжаю:

– Ты же не думала, что в том большом и пустом доме была одна? – шепчу я. – Разве не чувствовала, что там было что-то еще? Что-то в темноте. Что ждет тебя. Наблюдает. Идет за тобой...

Джиджи смотрит, не мигая. Крохотная победа, от которой я чувствую прилив сил. Но внезапно мой измученный истязатель без предупреждения с криком бросается на меня. Цепко ухватившись за волосы, она колотит меня затылком о дверь шкафчика. Пытаюсь поднять руки, прикрыть голову, но Джиджи не знает пощады. Я снова в западне. Лишь смутно помню, как она вдевает пальцы в кольцо одной из моих серег и вырывает ее из уха. На мгновение у меня мутнеет в глазах.

Ору что есть мочи, и Джиджи убирает руки. Падаю на пол. Хватаюсь за кровотокающую мочку. Липкая, теплая кровь сочится сквозь пальцы и капает на кафель.

Киара и Эмбер стоят, разинув рты. Сами они только смотрят, а телефон Эмбер все еще пищит. Ни одна не решилась мне помочь или остановить Джиджи.

Бывшая подруга стоит надо мной запыхавшаяся и вымотанная. Мой желудок сжимается в комок. Она наклоняется надо мной и, прежде чем выйти, цедит сквозь зубы:

– Держись от меня подальше, психичка!

Следом за ней выбегают Киара и Эмбер. Я обессиленно лежу на полу и рыдаю.

Глава пятнадцатая

Уэс не смог сдержать эмоции, когда увидел мое перевязанное ухо. Расспрашивать не стал. Я и сама еще не отошла от всего, поэтому тоже молчу.

Не так я представляла себе наше первое свидание... Уэс, присев на подоконнике, выглядывает на улицу, где солнечный денек, похоже, издевается над нами. Я стою в дверном проеме. Несмотря на то что мы в моей комнате, что-то в манере Уэса – он так поглощен созерцанием происходящего за окном, полностью погрузившись в свои мысли, – заставляет меня ждать приглашения.

– Школа – отстой, – наконец произносит он, не отрывая взгляда от окна. – Хотя чему я удивляюсь? Я ходил в разные школы – везде так. В этом меня можно считать экспертом... Помнишь, кем ты была на прошлой неделе? – интересуется он.

– Сарой Рейес? – спрашиваю я.

– Нет. Ты была Джиджи.

Я отпрянула, словно от пощечины. Начинаю возражать, но Уэс, подняв руку, просит выслушать его.

– Первый раз я увидел тебя не во сне. А неделей раньше, в школе. Я тогда как раз готовил документы на зачисление. Ты с таким важным видом шла по коридорам – как хозяйка. Проходя мимо, всем приветливо улыбалась, а потом, когда ребята уже не слышали, смеялась шуточкам, что отпускала Джиджи. – Он качает головой. – Прости, но с какой-то стороны ты вела себя даже хуже, чем она. Тебе ведь известно, что значит иметь недостаток. Такой недостаток, что хуже сросшихся бровей или шепелявости.

– Но если я такое чудовище, что же ты со мной зависаешь?

Хотя внутренне я сопротивляюсь этому, но до меня доходит, что Уэс прав. Я понимаю, о чем он говорит: за последние несколько дней на себе испытала, что значит оказаться по ту сторону гнева Джиджи. И осознание причастности к ее прежним варварским поступкам по отношению к другим теперь наполняет меня отчаянием. Я так боялась потерять свой мнимый статус в школьной иерархии, что допускала слишком многое. Теперь от понимания того, что мы делали с другими, меня мутит. Я себя не оправдываю. Но слышать об этом из уст Уэса – намного хуже. Теперь к

чувству вины примешиваются и ярость, и обида.

– А зависаю я с тобой, – объясняет Уэс, – потому что теперь ты другая. Ты свалилась с пьедестала, но на колени не рухнула. Ты не идешь по трупам невинных людей, чтобы взобраться обратно, хотя вроде и тряпкой не стала. Ты, Сара Рейес, сейчас сама стихия. – Его лицо освещает полуулыбка. – И если будешь использовать свои силы ради добра... такую девчонку я поддержу.

– Видимо, надо сказать спасибо, – невнятно бормочу я, но в душе облегченно выдыхаю: меня кто-то простил.

– Ты сегодня поставила Джиджи на место. Расскажи хоть что-то, – просит Уэс, подаваясь вперед. – Как ощущение?

– Не могу сказать, что отлично.

Скорчив рожу, я показываю на ухо.

– Снимаю вопрос. – Зато теперь ты понимаешь, как она боится. И не говори, что не веришь: она подумает дважды, прежде чем к кому-то пристать. – Я еле заметно улыбаюсь. А ухмылка Уэса становится все шире. – Сегодня ты сделала хорошее дело, – говорит он, чуть приподнимая в знак признательности воображаемую шляпу, и я оттаиваю. – Удалось даже отомстить за парочку неучтенных жертв Джиджи Макдоналд.

Уэс скрещивает руки за головой и откидывается на оконную раму.

– Неплохо... Но что скажешь, если мы попробуем решить еще несколько наших проблем?

– В смысле?

– Смотри. Насколько я понимаю, у нас в наличии два блюда, употреблять которые предполагается исключительно вместе. С одной стороны, феноменальные способности, которыми мы начали управлять. С другой – наша жизнь в школе, которая похожа на сущий ад. С этим надо что-то делать. Почему бы с помощью первого не разобраться со вторым?

– Все равно не догоняю, – признаюсь я.

Уэс сжимает ладони вместе.

– Старшие классы – худшее, что есть в школе, согласна? Либо стараешься выжить, а потом уже в колледже узнаешь, что такое лучшая жизнь, либо добиваешься каких-то успехов, но после выпуска всем плевать на то, как ты попала в число лучших: победила на местных соревнованиях или на выпускном уложила волосы а-ля Дженнифер Энистон. – Я соглашаюсь. – Но что, если есть и другие возможности? Представляешь, был бы промежуточный вариант, а не две крайности: либо целуешь перстень, либо на тебя выливают свиную кровь? Что, если можно было бы ходить в школу, словно ты король, но при этом не заставлять других

чувствовать себя ничтожеством? Мы могли бы все изменить, Сара. Мы могли бы свергнуть монархию и раздать наконец людям пирожные.

– И как? – смеюсь я. – Пугая во сне?

– Именно, – отвечает он без тени улыбки на лице.

– Ну нет... Ты же не серьезно, – наконец выдавливаю я. – Думаю, ты ошибаешься... Даже если Джиджи испугалась, это не помогло, а сделало все хуже: она стала более жестокой, чем раньше.

– Все изменится, как только до них дойдет, что плохое поведение будет наказано, – уверяет Уэс. – Разве эти ее две шестерки не должны поплатиться? Как я слышал, они измывались не только над тобой.

Не могу отрицать, что Уэс говорит правду. Киара, например, точно человек с гнильцой, а Эмбер и того хуже. Я так считаю не только потому, что в отличие от Киары Эмбер была мне настоящей подругой. Да, я тоже виновата: закрывала глаза на гнусные выходки Джиджи, не останавливала ее. Зато Эмбер в них постоянно участвовала. Неужели она так боялась вылететь из ближнего круга Джиджи? Вернуться к тем временам, когда она в средней школе коротала выходные в одиночестве? Возможно. Но сколько можно оправдывать жестокость страхом? Та тринадцатилетняя Прыщавая Эмбер много чего боялась и заработала немало комплексов. Конечно, она все еще с ними неустанно борется: например, при помощи Пита, с которым встречается. Но это не значит, что она не несет ответственности за вред, что наносит другим. За такие проступки человек должен нести справедливое наказание. Представляю, как Эмбер сталкивается с последствиями своих поступков, и улыбаюсь.

Уэс присаживается рядом.

– Во сне мы имеем дело с серьезными вещами... Нужно продолжать учиться все контролировать. Так чего ждать? Почему бы не научиться управлять теми, кем мы в состоянии управлять, и не сделать тем самым обстановку в школе лучше?

Я чуть отстраняюсь.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что это эксперимент над нашими одноклассниками?

– Только над самыми гадкими, – уточняет он.

– Ну, тогда... Ладно, – соглашаюсь я. – Ты прав. Подумать только, это предлагаешь ты, с кого все и началось...

– Так нечестно, Сара. – Его взгляд вмиг становится хмурым. – Одно дело – заслуженно устроить один судьбоносный кошмар со справедливой мезтью, и совсем другое – использовать ребенка на благо крупных фармакологических компаний. – Я заливаюсь краской, а он продолжает: –

Хочешь попробовать сама, давай. Но в истории научных прорывов полным-полно сомнительных организаций. Не будешь же ты отрицать результаты лишь потому, что методы, какими они получены, были несколько рискованны?

– Йа, герр Доктор, – выкидываю я вперед руку.

– Отлично. Давай только Гитлера сюда приплетать не будем, – закатывает глаза Уэс. – Слишком банально. Ты знаешь, что у человечества появилась вакцина от туберкулеза только после того, как двое заключенных в Колорадо согласились стать первыми подопытными? За страдания их потом досрочно освободили. Честная сделка, как мне кажется... Вспомни милых пушистых зверьков, которым вводят раковые клетки, пока мы, ничего не подозревая, продолжаем травить собственные тела. А что такого? Ведь довольно скоро – скажи спасибо Братцу Кролику – мы сможем лечить болезни, которые сами на себя и навлекаем. Не слышал, что из-за опытов на животных кто-то отказывался от химиотерапии. К тому же если бы на мне не ставили все эти эксперименты, то не получили бы в итоге единственное лекарство, которое обездвиживает наши тела на всю ночь. Я, разумеется, не в восторге от того, что был подопытной крысой, но это еще одна причина, по которой следует радоваться тому, что сейчас происходит. – Он положил руки мне на колени. – И уж тем более я не жалею о том, что благодаря всему этому встретил тебя.

Я отвожу взгляд. Полностью капитулировать еще не готова, но чувствую, что совсем скоро сдамся.

– Я не говорю, что нужно вредить им по-настоящему, – его тихий голос звучит уверенно, – а всего лишь предлагаю воспользоваться преимуществом и преподать урок теми средствами, что мы имеем. Лучше будет, если Джиджи и ей подобные продолжат свои издевательства? Тем более теперь, когда мы знаем, что сила на нашей стороне. – Он взял меня за подбородок и развернул к себе. – Ты ведь знаешь, что говорят о великой силе? А почему не думаешь, что мы должны взять на себя эту ответственность?

Он садится на пол, устраиваясь между моих ног.

– Ты не принимала себя полностью, чтобы избежать насмешек или чего похуже. Но теперь, когда это «чего похуже» уже случилось, неужели ты просто сбежишь и спрячешься? Сара... – Он говорит теперь с жаром. – Скажи, что не хочешь быть недочеловеком! Скажи, что готова быть тем, кто ты есть! Целиком и полностью. Скажи, что у тебя хватит на это сил. Ради всех, кому ты позволяла испытывать те же чувства, что за последнюю

неделю испытала сама. Стань той девушкой, кем ты, я уверен, на самом деле являешься!

Его ладони скользят по моим ногам, вокруг талии, останавливаются на спине. Он подается вперед, почти касаясь своими губами моих. И замирает.

Первый раз, сколько себя помню, на меня смотрят не как на сумасшедшую, которую надо вылечить, а как на личность с безмерным потенциалом. А вдруг эта новая версия меня, которую так четко видит Уэс, эта смелая девочка, все время была здесь? Если подумать, то ее черты проглядывали во всем: школа, личная жизнь, спорт, – но я слишком хотела стать такой, как все, не выделяться. Боялась пойти непроторенной тропкой, куда каждая частичка моего «я» молила свернуть. До сих пор молит об этом...

С моих губ, прижавшихся к губам Уэса, слетел утвердительный стон. А потом я – уже не одиночка, а исследователь – потащила его за собой вниз, в кроличью нору, чтобы отыскать нашу собственную Страну чудес. Каждый поцелуй, каждое прикосновение служили нам сегодня печатью. Я больше не буду девчонкой, которая стыдится! С расprostертыми объятиями приму свою силу и использую ее во благо. Во благо!

Конечно, само понятие «благо» – субъективно. Ведь то, что для одного – прекрасное видение, для другого – ночной кошмар...

Глава шестнадцатая

Остаток недели мы только и делаем, что строим планы захвата тел своих недавних обидчиков. Моя задача – заполучить запасы Грейди, а Уэс должен подсунуть лекарство нужным лицам. Когда я интересуюсь у своего нового парня-слеш-сообщника, как он планирует незаметно дать нашим жертвам «Дексид», он мрачно шутит, что единственное, чему его научили те подонки в шикарных закрытых школах, так это как напичкать девчонку снотворным и не спалиться. Он советует забить на эту проблему и заигрывает со мной, хотя последнее меня, впрочем, вполне устраивает. По правде говоря, хотя меня и должен заботить способ, которым мы всего добьемся, думать об этом совсем не хочется. Впервые за долгое время я собрала фулл-хаус и готова победить. А на войне все средства хороши.

Весна слегка подразнила теплом, но ей на смену нависшим серым небом вернулся холодный фронт. Сейчас шестой урок, я поджидаю Грейди у класса, переминаясь с ноги на ногу, чтобы согреться. Этот абсолютно не склонный к спорту гений обнаружил способ безнаказанно отлынивать от физкультуры. По слухам, заключил сделку с парнем из службы за контролем посещения: в обмен на кое-какие почти не выявляемые после употребления в крови вещества Грейди разрешили присутствовать лишь в начале урока на переключке, а потом можно уходить, чтобы заниматься своими делами. Прямо байка какая-то... Но чем больше вокруг меня сомнительных делишек и неправдоподобных фактов, тем легче поверить во что угодно.

Спустя три минуты после звонка Грейди выходит из спортзала.

– И где же наш Хитклифф? – подходя, спрашивает он. – Шатается по болотам?

– Ну, не настолько уж у него скверный характер, – хмыкаю я. – Мы просто отдыхали, когда ты нас застукал. Извини, я на тебя там немного наехала.

– Ладно. В целом-то ты адекват, – пожимает плечами Грейди.

– Спасибо, – говорю я. – Но думаю, с тобой согласятся не многие.

– Сара, друзей не судят. – Он удивленно приподнимает брови.

Я ощущаю себя полной кретинкой. Грейди я знаю не очень хорошо, но когда мы встречались с Джейми, то часто зависали в доме у Зверя, а он все время крутился рядом. В отличие от других спортсменов – включая того

же Зверя, – Джейми всегда тепло относился к Грейди. И подозреваю, я оказалась в его списке хороших людей просто так, за компанию. Конечно, гадостей я ему не делала, но и ничего такого, чем могла бы заслужить расположение. Целую его в щеку и улыбаюсь, видя, как он становится оранжевым от смущения – под стать своим волосам.

– Принес? – перехожу я к делу.

Вместо ответа Грейди достает из кармана пузырек с дюжиной крохотных таблеток золотистого цвета. Но когда я хочу взять, отдергивает руку.

– Пока не отдал... ты точно этого хочешь? Весь спектр побочных эффектов мне не известен. И когда я попробовал сам, мне не понравилось.

– Поверь. Я знаю что делаю.

– Если бы мне давали пять центов каждый раз, когда я это слышу... – кривится он.

– Все равно денег было бы меньше, чем от продажи наркоты, – парирую я и, передав ему в руку пачку банкнот, забираю пузырек. – Мне приятно, что ты беспокоишься обо мне, Грейди. Правда. Но все будет хорошо. Обещаю.

Он сует деньги в карман и поправляет замотанные лентой очки.

– Пусть твой парень попробует первым. Окочурится – сама не принимай.

– Очень мило! – смеюсь я.

– Что будет с ним, меня мало волнует, – признается Грейди. – До скорого, Сара.

Он разворачивается и уходит.

Я старалась не задумываться, почему Грейди торгует наркотой. Теперь понимаю, что для него за этим может стоять тоже своеобразная месть. «Справедливое возмездие», как сказал бы Уэс. Грейди продает наркотики тем, на кого ему плевать. Они с ним годами поступали намного хуже...

Но размышлять об этом нет времени. Крепко обхватив пузырек с «Дексидом», говорю себе, что, когда мы осуществим свой план, для таких ребят, как Грейди, жизнь изменится к лучшему. И покидаю спортцентр с уверенностью в том, что мы с Уэсом на самом деле оказываем услугу обществу.

Я отсчитываю десять таблеток из того, что принес Грейди. Сегодня мы возьмем пять: две для Уэса и две для меня, в дополнение к тому, что нам дадут в клинике. Последняя – для Киары.

Вспоминаю наш план, подхожу к нему как к пьесе из сборника сценариев: повторяю снова и снова, пока не заучиваю наизусть. Порядок

действий такой: накачать Киару, принять самим несколько таблеток, чтобы получить над ней больший контроль, отыскать Киару на Центральном вокзале и проследовать в ее сон. Потом основное: запрыгнуть во сне в ее тело пассажира, а проснуться уже в реальном теле из крови и плоти. Управляя им, заставить сделать все что нужно. А в конце покинуть спящую тушку и вернуться на станцию.

Я – на кровати в клинике, жду, когда подействует «Дексид». Все тело наэлектризовано, не знаю, то ли из-за предвкушения идеально спланированного нападения, то ли из-за лишних таблеток.

Кожа просто горит.

На кончиках пальцев потрескивают заряды.

Электричество пульсирует под веками... и

они...

медленно...

закрываются.

Попадаю на станцию, где меня уже поджидает Уэс. Улыбка, скорее ослепевшая, чем опасная, приклеилась к его лицу. У меня такая же. Без труда пристраиваемся к идущей нетвердой походкой Киаре и, рука в руке, следуем за ней в ее сон.

Попадаем в какой-то готический бред: музыкальная долбежка на фоне плачущих ангелов и соборных шпилей в форме горгулий. Я-то знаю, какая Киара тусовщица и задира, но ее суперрелигиозная строгая мать, которая регулярно перегибает палку, и папочка-профессор всегда верили, что их малышка-отличница исключительно пушистая и вся в белом, как на первом причастии.

– Этой девчонке надо бы с головой разобраться, – говорю я, пока Уэс тащит меня сквозь потную толпу к кафедре, где Киара соблазнительно танцует со священником.

– Готова?

Я киваю, он дарит дурманящий поцелуй, а потом толкает меня назад, я в свободном падении...

...лечу в тело Киары.

<У-у-у-уф>

Первый вдох после вселения в чужое тело всегда ужасен. Привыкнуть к этому невозможно. Только все твое существо сжалось в бесконечно крошечный шарик, как вдруг снова расширяется, возрождаясь в

чужеродном обличье, совсем непохожем на тебя. Чтобы хорошо управлять чужим телом, нужно мгновенно научиться видеть его глазами, ощущать его кожей и дышать его легкими. Могу лишь предположить, что этот вдох сродни первому вдоху новорожденного. Отчаянный и болезненный, сбивающий с толку и, что самое главное, пугающий... вдруг не получится?

Достаточно скоро мои всхлипы начинают напоминать нормальное ровное дыхание, и я вспоминаю, зачем нахожусь здесь. Сбросив одеяло, иду напрямик к бутылке виски, которая, как хвасталась Киара, спрятана в обувной коробке в шкафу. Собираюсь выставить ее безбожницей, коей она и является. Так накачать, чтобы родители, когда найдут ее в абсолютно несправедном состоянии, отправили дочь либо к психологу, либо изгонять бесов. А если найду дневник с описанием ее абсолютно не христианского поведения, будет совсем отлично! Копаясь в вещах Киары, случайно натываюсь на кое-что куда более интересное. Под стопкой футболок из христианского лагеря спрятана металлическая коробочка, закрытая на крошечный замочек от дневника. Хватаю с туалетного столика пилочку и вмиг вскрываю замок. Вроде девчонка, которая вот-вот окончит школу с отличием, должна быть посмышленнее, а тут такой хлипкий замок... Но когда я вижу, что внутри, все посторонние мысли сразу улечиваются. Если есть место, куда родители Киары хотели, чтобы их дочь попала больше, чем в рай, то это Гарвард. Я никогда не ставила под сомнение хорошие баллы Киары или ее стремление попасть в Лигу Плюща. Почти все девчонки в команде – сильные соперники и в спорте, и в учебе. Но... В коробке решения самых разных домашних заданий по всем предметам, написанные разными почерками! Сидя в теле Киары на полу и разбирая листок за листком ответы и сочинения, которые писали за нее другие, понимаю, насколько крупную аферу она затеяла.

Вот это контрольная, явно выполненная ребятами из математического кружка, а это – домашка по основам государства и права, сделанная выпускником-отличником. Есть даже стихотворение, написанное десятиклассником, который ведет в школе новый журнал. А еще список, который можно охарактеризовать как лист учета: там указаны все ученики, которых Киара угрозами заставляла делать за нее работы. Интересно, когда она перестала отнимать карманные деньги у тех, кто слабее, и стала использовать их способности? Автоматически хватаю ее телефон и включаю приложение фотокамеры над коллекцией, подтверждающей нечестность этой змеи. Но когда палец зависает над иконкой камеры, замираю. Судя по списку, Киара годами использовала труд всех этих учеников. И если я ее сдам, им ведь тоже не поздоровится... Часы на

телефоне показывают, что прошла еще минута. Нужно что-то решать... И я поступаю так, как на моем месте поступила бы Киара.

Щелкаю все что есть. Потом загружаю изображения, где нет прямого указания на имена ее невольных сообщников, на страницу «Фейсбука» в посте «И пусть наказание соответствует преступлению». Остальное, в том числе список, пересылаю по почте Уэсу и стираю письмо из отправленных, чтобы адресата нельзя было отследить. Потом пишу письмо самой Киаре, с ее же адреса: *Если потащишь кого-то за собой, выложим оставшееся.*

Жму «отправить» и швыряю телефон на кровать. Собираю все листочки, засовываю их в металлическую коробку, аккуратно водружаю на место замок и возвращаю хранилище тайн на место. Отхожу от шкафа и ловлю отображение в зеркале. Демонстративно смотрю прямо в лицо горгоне, чью голову я только что отрубила.

Сажусь на кровать Киары и жду, когда покину ее тело и снова вернусь в сон.

Я жду...

Жду...

Жду...

Ни боли, ни намека на выход. Меня охватывает паника. Может, внутри держит лишняя таблетка «Дексиды», которая намертво связала меня с реальностью Киары? Но я очень хочу отсюда выбраться! Встаю и начинаю мерить шагами комнату. А вдруг зайдут ее родители? А вдруг я застряну в Киаре навсегда? Неужели придется в ней жить? Ругаю себя за то, что не послушала Грейди, за то, что высокомерно решила, что все продумала. Я увеличила дозу лекарства, про которое нам толком ничего не известно. Хотя нет... Известно многое, но ничего хорошего. Как можно быть такой дурой? Принять лекарство, которое запускает сознание в бессознательном состоянии, которое дает возможность воровать тела людей? И я еще что-то хочу... Умоляю...

Я оскорбила высшие силы и за это наказана: буду заперта в теле задиры, лицемерки и обманщицы всю оставшуюся жизнь!

Зубы скрипят, в груди что-то давит. Пытаюсь успокоиться. Но сосредоточиться не могу, дыхание слишком неровное. Думай, Сара, думай! Когда я была в теле Грейди, что спровоцировало тот припадок? А когда Уэс вызвал у Джиджи приступ эпилепсии? Я ощущала невероятные страх и волнение. И то и другое сейчас в избытке, но я все еще здесь. А как было с Джиджи? Что я чувствовала, когда меня выбросило...

Замираю. Из тела Джиджи я вышла не так, как из тела Грейди. Там я

была вне себя от ярости. И буквально пробила себе дорогу обратно.

Я иду в дальний конец комнаты Киары, потом швыряю ее тело об стену, уж как получится... По дороге спотыкаюсь, голова Киары врезается в гипсокартон розового цвета и... я вылетаю из ее тела!

Шших.

Хлоп.

Я снова во сне Киары. Уэс нарезает вокруг круги, держась на приличном расстоянии от Голоवेशек, которые караулят на танцполе. Хватаю его за руку, мы пробиваемся через толпу, выбегаем с церковной дискотеки в освещенный уличными фонарями сумрак полуразрушенного мегаполиса.

Как и во сне Джиджи, чем дальше мы от сновидца, тем меньше Голоवेशки хотят нас преследовать. Когда мы отбегаем на достаточное расстояние, я увлекаю Уэса в пустынную улочку и с силой толкаю его к мокрой бетонной стене. Месть – как и то, что пока она сошла с рук, – делает из меня хищницу. Но Уэс не против.

Мы целуемся, мы тяжело дышим, пока нас не разлучает утро...

Глава семнадцатая

В школе только и разговоров, что о признании Киары. Я поздно вернулась из клиники и не успела вовремя полюбоваться на то, как ее с первого урока по английскому сопровождали в кабинет директора. Но, как оказалось, я пропустила лишь анонс. Основной показ был впереди.

Уэс перехватывает меня по пути на переключку и ведет к кабинету директора, где мы пристраиваемся в конце на редкость многолюдного для такого времени дня коридора. Некоторые ребята здесь по праву: в этом месте – внезапно получившем статус «премиум» – стоят их шкафчики, но большинство собравшихся зевак, как и мы, отчаянно жаждут занять лучшее место на представлении.

На скамейке у кабинета униженно сидит Киара, директор Хатч приглашает ее родителей войти. Она свирепо обводит толпу нехорошим взглядом и в какой-то момент даже рычит, устрашающее выпятив грудь: «Чего уставились?» – но назад никто не сдает.

Пока взгляды всех собравшихся прикованы к двери, буря надвигается совсем с другой стороны. По коридору, бешено топая, идет Эми Лоуренс, отличница и автор многих списанных Киарой работ: щеки пылают, из стороны в сторону колышется конский хвост. Она останавливается рядом с Киарой, ноги сильно трясутся – чудо, что она еще не свалилась. Толпа подается вперед.

– На фига ты это сделала? – шипит Эми. – Зачем все рассказала?

– Ты больная? – огрызается Киара. – Ясно, что кто-то нашел работы и выгрузил на страницу. Кстати, не ты ли?.. – подозрительно щурится она.

– Чего? – Эми, не веря своим ушам, переходит на крик: – Если обо мне узнают, у меня проблем будет не меньше!

– Верно, – безучастно пожимает плечами Киара. – Не меньше.

Я вижу, что угроза Киары – всего лишь отчаянная и слабая попытка демонстрации силы. Но для взвинченной отличницы Эми это последняя капля, которая не просто переполняет чашу терпения, а оскорбляет, выставляет ее на поругание.

– Ты не посмеешь! – взрывается она. – Не посмеешь так поступить! Меня могут исключить! Я же делала все, что ты хотела. Ты не посмеешь лишить меня будущего. Я не позволю. Не...

– Хватит! – резко встает Киара. Теперь она возвышается над Эми. Та

вздрагивает, хотя выясняется, что зря.

Киара неожиданно для всех меняется в лице, втягивает голову в плечи и вытягивает руки в просящем жесте. Киара Тейлор впервые не пугает, она боится сама. Губы пересохли, в глазах – мольба.

– Никто тебя не исключит... Я все уничтожила и не скажу ни слова! Все будут молчать. Доказательств нет. Если мы станем все отрицать, то уже к экзаменам все вернется на свои места и будет как прежде.

Я затаила дыхание. Неужели это возможно? Киара избежит наказания?

Словно отвечая на мой так и не заданный вопрос, Эми качает головой.

– К экзаменам все вернется на свои места и будет как прежде? – переспрашивает она. – Ну уж нет! Меня это не устраивает. – Она разворачивается и обращается к толпе: – Впервые Киара списала у меня домашку в пятом классе. А когда я сказала об этом родителям, разбила мне очки в школьном автобусе. – Она снова смотрит на Киару, в глазах которой мольба превращается в страх, и продолжает более уверенным голосом: – Под угрозой сломать мне руку, если я ослушаюсь, ты заставила меня сказать, что это я сама споткнулась. Так я попала в рабство. И с тех пор делала все, что она приказывала. Почти восемь лет. Восемь лет! Но теперь с меня хватит!

Все стоят в шоке, пытаясь переварить слова Эми. Она действительно угрожает Киаре? Получается, сформулировав честно то, что творится вокруг, гнуснейшая из девчонок невольно подтолкнула Эми к краю истерики, к той точке, где начинается слепая отвага?

Эми направляется к двери в кабинет, Киара хватается ее за руку. Я делаю шаг вперед, но меня удерживает Уэс.

– Прошу тебя... – умоляет Киара. – Прошу, помоги! – Голос ее дрожит, и теперь, похоже, это уже не игра на публику. По щекам текут слезы. – Ты не знаешь, как я живу... Не знаешь моих родителей. Как на меня давят. Что сделают со мной, если все откроется? Я умоляю тебя, Эми! Пожалуйста...

Киара не такая хорошая актриса, чтобы так сыграть. Даже у меня в душе шевельнулось сочувствие.

Но Эми вытерпела слишком многое и не может просто уйти в сторону. Она вырывает руку.

– Отвяжись! Ты права. Возможно, меня не исключат. Хотя пусть даже исключают... Если я избавлюсь от тебя – игра стоит свеч! К тому же сильно подозреваю, что, услышав, как ты годами психологически измывалась надо мной, как угрожала физической расправой, мне даже пальчиком не погрозят... Кто знает? – произносит она неожиданно нагло. – Может, если я приплюсую туда нервный срыв, то следующий семестр

отучусь бесплатно. – Эми выпрямляется. – Я же умница! Как я могла об этом забыть? А ты всего лишь Киара, – произнеся имя с пренебрежением, она подходит к кабинету и демонстративно заходит внутрь.

Киара недоуменно пялится туда, где только что стояла вчерашняя ее рабыня, безропотная заучка. Не знаю, должна ли я чувствовать вину из-за того, что Эми собирается ввязаться в эту ситуацию? Но то, с каким достоинством умнейшая из всех знакомых девчонок встретила вызов, убедило меня, что с ней точно все будет в порядке. Эми Лоуренс выросла у всех на глазах.

Киара застыла. В ступоре таращится на кабинет.

Нет, так дело не пойдет!

Высвистываю ее с дальнего конца коридора, и она резко поворачивается ко мне. Подняв телефон, делаю снимок, а потом машу ей ручкой на прощание. Уэс обнимает меня за талию, и мы направляемся в аудиторию.

– Один готов, следующий на подходе! – восторженно шепчет он мне на ухо, когда мы отошли уже далеко.

– Ты же от этого просто тащишься, – дразню я.

– Когда дрессируют вредных девчонок? На ваше усмотрение. А тащусь я, – продолжает Уэс, когда мы заворачиваем за угол и он тянет меня к ряду пустых шкафчиков, – когда вижу твою силу во всей красе.

Он мягко толкает меня на шкафчики, я ощущаю его дыхание на шее, но он не касается ее. Зависает в сантиметре от моей кожи, и мои пальцы на ногах сжимаются в предвкушении наслаждения.

– Прочь сомнения, прочь сожаление, все это тлен... – Уэс страстно дышит, обжигая мне кожу. – Парни, которые не могут поддержать сильную женщину, не понимают, что теряют.

Я закрываю глаза, когда он губами касается кожи и начинает нежно покусывать шею.

– Давай сегодня, – шепчет он между поцелуями, – примем по четыре. И повеселимся! Напакостим немного.

– Мы и так пакостим достаточно, – довольно урчу я. – После трех таблеток эффект был вполне приличный.

– Пф-ф-ф, – отвергает Уэс. – Разве скромный кошмарчик не стоит исполнения заветных желаний? Внизу – лишь подвал, зато над Эмпайр-стейт-билдинг можно летать. Давай проверим, на что мы действительно способны. – Внезапно он останавливается. Отодвигается и оторопело смотрит на меня сквозь густые ресницы. – Хотя, конечно, если ты боишься не справиться...

Я сразу понимаю: так он завуалированно называет меня трусихой. Избитый приемчик: хочет заставить делать то, что нужно ему. Но я-то умнее, поэтому первый порыв – встать в позу, вживую доказав несостоятельность реверсивной психологии. Хотя, если честно, самой немного любопытно, что будет, если увеличить дозу «Дексида». Всего пара лишних пилюль – и такой ощутимый эффект: полный контроль чужого тела, колоссальная разница между неуклюжим дрыганьем в теле Грейди и изящными балетными па в исполнении Джиджи и Киары. К тому же теперь я знаю, как выбить себя из тела сновидца. Так почему бы не попробовать? Понять, на что способна, если в крови будет чуть больше этого чудо-лекарства? И я соглашаюсь: «Четыре так четыре». Притягиваю к себе Уэса и заглушаю появившиеся было в моем сознании опасения.

Только я пришла в себя, как снова теряю связь с окружающим миром... Возвращает меня к реальности чье-то покашливание совсем рядом от нас. Оказывается, мы уже в коридоре и незаметно дошли до нужного мне кабинета. В проеме входной двери с неодобрительным выражением лица стоит миссис Френч, которую подростковая похоть интересуется так же, как меня ее заверения в том, что носить нужно только бежевый.

Уэс отрывается от меня не сразу.

– Увидимся в моих снах!

Неохотно отпускаю его руку и шагаю в класс мимо миссис Френч, словно ее там и нет.

Расположившись на своем обычном месте, вытаскиваю телефон и вывожу на экран фото Киары. Играю с фильтрами, пытаюсь наилучшим образом подчеркнуть неподдельный страх в выражении ее лица. Смеюсь над особенно комичной трактовкой этой сцены, похожей на комиксы манга, и вдруг кто-то говорит:

– Отлично! Тоже хочу посмеяться. Что у тебя там?

Опершись на спинку стула, надо мной склоняется Джейми. Я поднимаю взгляд на его улыбающееся лицо.

– Я называю это «Вредные девчонки: они такие же, как мы!» – говорю со смехом. Он морщится. – Чего?

– Ничего, – отвечает Джейми. – Просто, в свете недавних событий, не думал, что ты так обрадуешься, увидев, как кого-то прилюдно бичуют.

– Это же Киара! – удивляюсь я. – Ради нее можно сделать исключение.

Джейми ничего не отвечает.

– Слушай, если уж кто и заслужил такое, так это она, – продолжаю я. – Ты знал, что она шантажировала Эми Лоуренс еще со средней школы? Бедняжка просто разбита. Я видела, как она пошла в кабинет Хетча, чтобы

во всем признаться.

– Ого! – удивляется Джейми. – Со средней школы? Это ж сколько лет... Прямо в кабинет директора? Ну, теперь из-за нее пострадает куча людей.

– Ты хочешь сказать, из-за Киары? – поправляю я. – Из-за Киары пострадает куча людей.

– Ну да, – пожимает он плечами. – И сама она, кстати, тоже. Киара ведь и себе этим подгадила достаточно.

Я, не сдерживаясь, хохочу:

– Да хватит, Джейми! Киара – известная всем тварь. Seriously, чего это ты так о ней беспокоишься? Последнее время складывается ощущение, что каждый раз при встрече ты защищаешь всех, кого я ненавижу, и просишь их пожалеть.

– А у меня складывается ощущение, что все чаще в разговоре у тебя проскальзывает слово «ненавижу», а еще поразительное отсутствие сочувствия к людям, которых ты совсем недавно считала друзьями.

У меня вырывается смешок, но вот слов в свою поддержку подобрать не могу. Мы с Джейми и раньше расходились во мнениях, но он никогда меня не осуждал...

Качая неодобрительно головой, он говорит:

– Мне жаль, что тебе так досталось, но я считал, что ты научилась сопереживать, а не беситься от злости.

Звенит звонок, и Джейми отходит. Возникает желание догнать его, все прояснить. Но праведный гнев из-за того, что меня так неверно поняли, сильнее. Как можно было сделать такие выводы обо мне и моих поступках? Это Киара – чудовище! Качаю головой и разочаровываюсь в Джейми. К такому я не привыкла. Ему легко распевать гимн человеческому состраданию, когда мелодия его жизни в полной гармонии, но если она как у меня больше похожа на неблагозвучный шум, что плохого в том, чтобы изредка внести и самой немного хаоса в жизни тех, кто тебя обидел?

Хватаю свои вещички и отправляюсь на следующее занятие. Замечаю в коридоре передо мной Эмбер, одиноко бредущую в химкабинет. В голове отзываются эхом слова Уэса:

Один готов, следующий на походе.

Слежу за ней до самого класса. Заметив меня, она бросает угрожающий взгляд, но я не отворачиваюсь. Мысленно желаю ей хорошего дня и невероятно сладких снов сегодня вечером. И скептически улыбаюсь, понимая, что, когда я с ней закончу, мир не изменится к лучшему...

Глава восемнадцатая

Если закат Киары нам преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой, то добраться до Эмбер уже сложнее. Тщеславие Джиджи, как и тайная жизнь Киары, явная ахиллесова пята, грех было не воспользоваться ими. Но у Эмбер все на виду. Лучшее, на что можно надеяться, – до чертиков напугать ее приличным спиритическим сеансом и оставить неопровержимые доказательства...

Предыдущая ночь была последней в клинике. Утром меня освободили от наблюдений, похлопав по спине и выписав рецепт на лекарство. Так что сегодня я впервые проверю, как работает «Дексид» на моей собственной удобной кровати.

После праздничного ужина с мамой и хвалебной оды: «Ура, ты спишь как убитая», – поднимаюсь по лестнице в свою комнату. Нейлоновые захваты, что украшают кровать с четырех сторон, лежат непристегнутые, ожидают моего возвращения, чтобы оправдать свое наличие. На секунду мелькает мысль воспользоваться ими: так, на всякий случай. Но мысли эти как созрели, так и сгнули. В один миг. Сама идея «на всякий случай» отдает предательством Уэса, новой меня. В нашем деле страховка не предусмотрена, как и дорога обратно. Как сильная, бесстрашная женщина показываю своим путам язык и принимаю четыре таблетки «Дексиды»: две – из запасов Грейди, и две – из пузырька по рецепту. И впервые с тех пор, как была совсем ребенком, забираюсь в кровать, готовая мирно поспать.

Но мирно не получается.

Тело становится плотным, кажется, что оно увеличивается в размерах, грузно вдавливаясь в мягкую кровать. Щеки и горло распухают, как зефир, потом закрываются веки и дышать становится почти невозможно. Руки, ноги, туловище засасываются в трясины пухового одеяла. Я погружаюсь в удушливую пену матраса.

Ничего не остается.

Вдруг...

<вдох>

Просыпаюсь на станции. Меня заживо заглотила собственная кровать, но я выжила, и это здорово. Теперь я всегда так буду засыпать дома? Или четыре таблетки «Дексиды» сыграли со мной безжалостную

шутку? Нахожу Уэса, он, как обычно, искрится восторгом, и о своем людоедском матрасе решаю умолчать. Пока. Есть дела поважнее.

Мы видим Эмбер, идем за ней в поезд, потом в ее сон, и...

Захватываем

ее

тело.

Часы на компьютере Эмбер, который я кликом мышки вызываю к слепящей светодиодной жизни, показывают 1:15. Ее страница уже открыта, и веб-камера начинает транслировать меня в теле Эмбер – со слипшимися глазами, готовую к крупному плану.

Или это я?

Мои глаза не могут привыкнуть к свету экрана. Щурюсь, пытаюсь уменьшить жгучие слепые пятна, которые появляются, когда я смотрю на экран. Мурашки, сопровождавшие мои предыдущие спиритические вылазки, теперь ощутимо жгут, все тело чешется, оно мне жмет.

Сегодня все идет не так, начиная с того, что меня поглотило собственное одеяло. Теперь мне кажется, что я – донорский орган, который отторгается новым владельцем. Хочу уйти. И немедленно.

Замечаю около компьютера увесистое пресс-папье, думаю, как с его помощью выбить себя из этого тела, но тут позади пищит юношеский голосок:

– Что это ты делаешь? – интересуется, заходя в комнату, прыщавый сводный братец Эмбер Мэтт, теперь – тощая каланча, единственный пережиток прошлого, который ей не удастся забыть. В пятом классе они неудачно влюбились и провстречались целую неделю, пока их родители не замутили. Вмиг то, что было, вероятно, единственным хорошим моментом в их жизни, стало прекрасным поводом для грубых издевательств. Только Мэтт, из того что приходит на ум, может заставить Эмбер корчиться от стыда.

Отхожу от стола, сжав за спиной кулаки, и смотрю на него в упор. Кожу на голове пронизывает пульсирующая боль. Хочется выдрать волосы. Они нестерпимо зудят. Не знаю, сколько еще я смогу себя сдерживать. Замечаю, как по напряженному лицу Мэтта раплывается ухмылочка Уэса. И расслабляюсь.

Хотя мы планировали, что Уэс завладеет спящим телом Мэтта, здорово, что он все-таки внутри! Вскликаю на ноги, готовая броситься (или бросить Эмбер) к нему, но он останавливает меня жестом. Показывает на

камеру, молча напоминая о нашей цели. Собираюсь с духом, вспоминаю нужные слова. Мы никуда не опаздываем, но делу время... Подмигиваю Уэсу/Мэтту, взмахиваю длинными ресницами Эмбер и перемещаюсь на нужное место перед компьютером.

– Что я делаю? – Я заставляю Эмбер переспрашивать, неумело пародируя голос порноактрис. – Вот, братец, сижу тут, жду тебя.

– Но наша любовь запретна, – отвечает Уэс в теле Мэтта. Он подходит к Эмбер и падает на колени, целясь точно в ракурс камеры. – Нам нельзя...

– Нет, можно! – отвечает порно-Эмбер. А потом мы с Уэсом, в телах Мэтта и Эмбер, переходим к поцелуям.

Когда мы обдумывали план, признаюсь, было любопытно, как это – целовать своего парня чужим ртом. Ну, то есть не каждый день выдается возможность проделать что-то столь несусветное. Я ожидала, что будет смешно, или странно, или жарко. Но нет. Вообще не так. Может, все дело в Эмбер, ведь в данный момент я ее терпеть не могу, или в том, что Мэтт мне ни капли не симпатичен? А может, в том, что происходящее – уже перебор. Совсем не то, что отрезать клочок волос или выложить на «Фейсбуке» разоблачающие фото. Через несколько секунд мне становится мерзко. Пытаюсь вырваться, но Уэс не дает, все плотнее прижимает рот Мэтта.

Я подыгрываю еще немного, но в конце концов терпеть становится крайне сложно. Хлопком закрываю крышку ноутбука и отталкиваю Уэса.

– Ты чего? – недоумевает он, вытирая губы Мэтта.

– Это мерзко, – отвечаю я, скрестив руки Эмбер на груди.

– Так веселья и не планировалось, – удивленно таращит глаза Уэс. – Мы планировали результат. Давай проверим, что камера работала.

– Работала, – холодно отвечаю я.

Возвращается зуд в голове.

– Тогда к классному часу мы точно пойдем, был ли инцест «на высоте»? – смеется он, а голос Мэтта скрипит.

Выскальзываю из-под его руки и швыряю тело Эмбер на кровать.

– Да ладно тебе, – говорит Уэс. – Мы делаем все как договаривались. Это справедливо. Помнишь, Эмбер записала, как Джиджи наваляла тебе в раздевалке, и отправила всем по «Снэптчату». И как же та бедняжка Дженни? Разве она не заслуживает отмщения? Сама говорила, что Эмбер должна поплатиться за измены своему новому парню. Но если ты передумала...

– Не передумала! – резко отвечаю я потому, что разочарована Уэсом, а еще потому, что по всему телу быстро разливается жжение. – Просто... так нельзя.

– Конечно, нельзя! – говорит Уэс. – Посмотри на этих двух. Меня не привлекает мысль заняться сексом ни с одним, ни с другим. Но тебя, – добавляет он, блеснув улыбкой, от которой ноги подкашиваются, – мне нравится целовать в любом обличье.

Уэс кладет ладонь Мэтта на ногу Эмбер.

– Попробуй ради меня. Закрой глаза, – кончиками пальцев он, нежно поглаживая, прикрывает мне веки, – и слушай мой голос...

Он шепчет так нежно, что квакающие, как у лягушки, нотки Мэтта исчезают. И я представляю, что рядом со мной Уэс, и телом, и душой... Когда его губы находят мои, не Эмбер целует Мэтта, это Сара хочет Уэса.

Я чувствую, как его тело зависло над моим, словно мы вращаемся по стационарной орбите. Потом она влечет меня обратно в кровать, и вот Уэс сверху, я под ним. Тихо вздыхаю, чувствуя тяжесть его тела, обвиваю ногами его бедра. Наши тела в пижамах стремятся друг к другу в отчаянной попытке слиться, но не на кровати Эмбер, а глубоко в подсознании, которое бросает вызов пространству и в какой-то момент полностью стирает время...

Я чувствую его вкус, слышу вздохи, ощущаю дыхание. Забываю, что дотрагиваюсь не до него, но в момент блаженной амнезии открываю глаза... Надо мной зависла рожа Мэтта!

Откидываю его, выбираюсь из кровати. Трясу головой, руками, стараясь стряхнуть с себя этот грех. И замечаю: компьютер работает, лампочка на камере горит.

Я в недоумении перевожу взгляд на Уэса. Мэтт, не отворачиваясь, тупо смотрит на меня и пожимает плечами. Возвращается трескучий гул, а ужин Эмбер просится наружу. Бегу в туалет, меня тошнит. Опустошив желудок, понимаю, что нужно сматываться. И жестко бьюсь головой о дверной косяк.

Стою над телом Эмбер: она растянулась, тяжело дышит, оцепенев от моего вторжения.

Я слышу хрип караулящих нас Голоवेशек, они наступают сзади.

Я стою, не двигаясь.

Я их жду с благодарностью.

Я не знаю, как от этого сбежать...

Глава девятнадцатая

И снова я пробуждаюсь после объятий Головешки, оцепенев в собственном теле, с полуприкрытыми глазами. Я лежу в своей кровати, в безопасности: здесь не станут бесчинствовать Джош с Джиджи, не предаст Уэс. Но страх не отступает.

Сложно передать, как истязает абсолютная обездвиженность. Что ощущаешь физически, психологически, когда понимаешь, что не в состоянии поднять палец или произнести слово. Чувствуешь беспомощность, когда не можешь никого позвать; пугаешься, осознавая, насколько незащищено твое тело; начинаешь истерить, понимая, что мозг приказывает голове повернуться, но этот импульс не проходит. Но больше всего ощущается ожесточенная безысходность — основа всех остальных эмоций. То, что сейчас происходит, для функционирующего мозга — полная нелепица, он-то продолжает считать, что может все решить, приложив лишь немного усилий...

Но хуже тревоги и физических проблем оказывается западня в собственных мыслях. Не могу отделаться от образа: лицо Мэтта все ближе, глаза пустые, дыхание горячее, влажное... чувствую во рту его язык. Пытаюсь себя убедить, что целовала Уэса, логически объяснить произошедшее. Но не выходит. Я делала с телом Мэтта такое, что он бы не одобрил, не говоря уже об Эмбер. Вспоминаю, как беспомощно лежала на кровати в больнице, пока Джош и Джиджи издевались надо мной. Чем я лучше?.. От этих мыслей сводит живот.

Я ведь все поняла и пыталась остановиться, но как только Уэс надавил, тут же пошла на попятную. И от этого мутит еще больше. Неужели я одна из тех девчонок, которые на все согласны, стоит любимому парню лишь поманить пальцем? Неужели он меня настолько контролирует?

Уэс. Его используют и эксплуатируют с младых ногтей; он нуждается в моей любви и поддержке больше, чем это можно выразить словами; он знает и понимает меня как никто другой. Но когда я с ним не согласилась, он все тут же провернул за моей спиной... Трудно это признать, но меня пугает, как он относится к нашим планам мести. Снова и снова прокручиваю в голове образ включенного компьютера Эмбер с работающей камерой. Это что, мы? Неужели кто-то меня наконец может поддержать? Или я в Уэсе ошиблась? Ошиблась во всем, что происходит?

Делать нечего – лишняя таблетка «Дексиды» продлила паралич, тело мое лежало бездвижно. Оставалось лишь размышлять. Но когда в субботу к полудню это состояние прошло, я так ни к чему и не пришла. Уверена была лишь в том, что ночью Уэс перешел границу дозволенного и как мой парень, и вообще как человек и разговор нам предстоит нелицеприятный. Ему придется принять мои условия или выйти из игры. И вообще, мне давно пора установить правила и для себя. Например, не идти на поводу у парней, которые склоняют меня к преступлению...

Встречаться я с ним не собираюсь до позднего вечера, у нас с мамой запланирован поход по магазинам, а ужин мы договорились провести с Тессой. Сейчас это как раз то, что мне нужно. Решаю выключить на телефоне звук, чтобы точно не отвлекаться от намеченных планов.

Поход по магазинам действует на меня успокаивающе. В абсолютно нормальной жизни есть даже что-то забавное. Мама так рада, что «Дексид» положительно влияет на мое ночное поведение, что готова спустить серьезную сумму. К тому же впервые за многие годы наш разговор не вертится вокруг сна. (На ее счастье, я, как обычный подросток, проспала до полудня. Не все надо рассказывать маме.) Мы обсуждаем одежду, киноактеров, школьные экскурсии и мальчиков. Я не специально молчу про Уэса, но понимаю: если проговорюсь о нем сейчас – особенно о том, как и где мы познакомились, – нашему веселью и девчачьему времяпрепровождению придет конец.

Возвращаюсь домой, у меня остается лишь пара минут, чтобы выбрать наряд из только что приобретенных. Потом заезжает Тесса. Так получилось не специально, но совсем нет времени на то, чтобы прочитать и прослушать кучу сообщений от Уэса, на которые я намеренно забила. У меня выдался отличный денек, как у обычной девчонки, и в завершение этого чудесного дня хочется съесть чего-нибудь вкусного в компании лучшей подруги.

Почти в восемь вечера мы приезжаем в «Альп» – всеми любимый греческий ресторанчик. Я жду, что мы поболтаем о том о сем, легко и непринужденно, как сегодня с мамой. Но лучших друзей, в отличие от родителей, разговоры ни о чем не устраивают.

– Ну, колись, Уэс – парень твоей мечты или нет? – интересуется Тесса, уплетая жареный картофель с сыром.

Содовая встает поперек горла.

– Как... ты... я даже не... – заикаюсь я.

– Сара, расслабься! – смеется подруга. – Все хорошо.

На ее лице появляется глубокое раздумье, уголки рта опускаются вниз.

– Или нет? – напрягается она, видя мое замешательство.

– Все нормально! – Я тоже смеюсь. Но Тесса продолжает хмуриться. – А почему ты спрашиваешь? – удивляюсь я.

– Не знаю. Просто... Послушай, я тебя совсем не виню.

– В чем? – не понимаю я.

– Ну, «виню» не то слово... – она подбирает нужное. Явно репетировала.

– Тесса? Что случилось?

Поерзав на стуле, она ко мне наклоняется.

– Ладно... Скажу прямо. Ты ведешь себя не как обычно, Сара. Чем-то все время озабочена. Пропускаешь занятия. Понятно, новые отношения, дело твое. Я так, например, вообще рада, что у тебя есть что-то приятное в жизни, учитывая недавние события. – Она останавливается, но только чтобы перевести дыхание. – Но с этим парнем ты что-то разогнала, а я не уверена, что он тот, на кого стоит тратить время. Что там было в других школах? Мы ведь знаем: история темная.

– Ты не знаешь всего, – останавливаю ее я. – Он через многое прошел. Ему нелегко подпускать к себе людей.

У меня есть сомнения насчет моего парня, но поливать его грязью я не позволю даже лучшей подруге.

– Может, и так, – пожимает плечами она. – Но он и здесь не особо старается. Если вдуматься: так нагрубил Джиджи в первый же день...

От удивления я открываю рот.

– Ты про ту Джиджи, которая вlepила мне пощечину?

– Я про ту Джиджи, которую он видел впервые в жизни, – решительно возразила она. – Надо вступить за чью-то честь, я только за. Но он тогда был незнаком ни с одной из вас. Не отрицай: ситуация странная.

– По-моему, ты тогда сама сказала, что это улет, – напоминаю я. – И да, может, я и пропустила пару занятий. Что такого? Ты вообще представляешь, что у меня на душе творится?

– Теперь уже не очень, – говорит она обиженно. – Ты была слишком поглощена, тискаясь по углам с этим красавчиком, даже сообщение послать не удосужилась.

Скрестив руки на груди, Тесса ждет ответной реакции. В глубине души я понимаю: она говорит, что чувствует себя вычеркнутой из моей жизни, хотя старается донести «я рядом»; она просто хочет быть, как всегда, лучшим другом и высказывает про Уэса то, что я сама начинаю понимать. Нужно просто объяснить, что, несмотря на все недостатки, Уэс – первый и единственный человек, который по-настоящему меня поддержал, и так

спокойно, как с ним, мне не было с детства. Нужно самой успокоиться и отреагировать на то, что она пытается сказать. Но вместо этого я закиваю на том, как она это делает, и швыряю ей в лицо ее собственные слова:

– Ой, извините, пожалуйста, забыла поставить тебя и твою неуверенность во главу угла!

– Мою что? – срывается Тесса.

– Простите, вы ведь выше происходящего и поэтому ничего не замечаете! – продолжаю я. – Наверное, тяжело, когда никуда не зовут. Скучновато все время быть не в гуще событий, ни разу не набраться смелости и не устроить что-то по-настоящему серьезное?

За десятилетие дружбы мы с Тессой ссорились лишь пару раз, но если уж ссорились, то жестко. Ни одна из нас не умеет признавать ошибки, а слабости друг друга нам отлично известны. Я готова к тому, что ситуация обострится и грядет эпическая битва, но тут крохотный колокольчик на входной двери сообщает о новых посетителях, заставляя нас ненадолго прервать перепалку.

В ресторанчик заходит Эмбер в окружении футболистов и девчонок из группы поддержки. Они громко хохочут (от них немного несет косячком) и занимают один из больших столов в конце зала. Если еще не напились, то уже скоро точно будут в кондиции. Эмбер, проходя мимо, нас не признает, но, похоже, не предумышленно. Впервые со времен пижамной вечеринки. Спортсмены протискиваются к ней поближе, и до меня доходит: она же млеет, что в центре внимания, статус стервы больше не нужен...

– Привет, – звучит над нами голос. – Вот уж не ожидал!

На диванчик рядом со мной пролезает Уэс и страстно целует, демонстрируя всем, что девушка занята. Затем разворачивается и протягивает Тессе руку:

– Привет. Мы так нормально и не познакомились. Я – Уэс Нолан.

– Понятно, – абсолютно спокойно реагирует Тесса, которая предпочла не комментировать столь экстравагантное выражение чувств на публике. Они жмут друг другу руки.

Уэс ковыряется в нашей картошке, а я в трансе – не могу отойти от поцелуя. И не скажу, что мне понравилось...

– О чем болтаете? Наверное, о чем-то интересном? Сара вон даже на сообщения не отвечает.

Не поворачивая головы, кладет руку мне на плечо. Его мышцы напряжены, а объятия натянуты. Ни этот жест, ни поцелуй, которым он практически клеймо поставил, не помогают опровергнуть переживания

Тессы.

Мое лицо пылает. Я в бешенстве. Уэс в бешенстве. Тесса в бешенстве. Только Эмбер непреклонна.

В считанные секунды мой мир вдруг стал плоским, а я балансирую на тонкой грани...

– Прости, это я виновата, – вдруг произносит Тесса доброжелательно, но словно раскаиваясь. – У меня тут семейная трагедия разворачивается, и Сара на правах подруги помогает ее разрулить. Наверное, мы заболтались. Рада, что ты к нам присоединился. Закажем еще картошки?

Стыдливо улыбаюсь Тессе. Хотя она высказывала претензии к Уэсу и недовольство мной, я знаю: она всегда подстрахует.

– Конечно, – соглашается Уэс и подзывает официантку. Сделав заказ, он снова обращается к Тессе: – Ты, похоже, всегда в курсе всего. Что новенького? Та цыпочка правда сняла порно?

Я напрягаюсь, а Тесса наоборот. Ничто так не бодрит мою лучшую подругу, как хорошая сплетня.

– О да! Там, конечно, все через одежду, но уф-ф-ф, и того достаточно. Замутила прошлой ночью со своим сводным братишкой, тот еще маньяк, а камеру не выключила!

– Не может быть... – Уэс расслабляется.

Если Тесса любит посплетничать, то он любит вспомнить наши подвиги. Стараюсь не смотреть на него чересчур выразительно.

– Правда! Сама видела. Такая гадость... – Она отпивает колу. – Но Эмбер, похоже, это ни капли не колышет, дикость какая-то. Количество просмотров ее страницы уже просто зашкаливает.

– Черный пиар – тоже пиар, – говорит Уэс.

– Не устаю повторять это Саре, – соглашается Тесса, и на время в мире лучших друзей и парней воцаряется спокойствие.

Я копаюсь в картошке.

– Началось даже забавно, типа пародия на второсортный порнофильм, потом все вырубилось. Где-то через минуту сигнал возобновился, а они уже увлеклись процессом, страстно так. Прямо оторваться не могли, точняк, – хихикает Тесса. – Даже говорить об этом неловко, но выключить руку не поднялась.

– Кто ж тебя осудит? – посмеивается Уэс. – Не сомневаюсь, там было на что поглядеть.

Я роняю картошку. Уэс на меня не смотрит, но не почувствовать мой взгляд, ошпаривающий его щеку, не может. Конечно, мило, что Тесса с Уэсом нашли общий язык, но не уверена, долго ли смогу сдерживать свой

гнев по поводу того, что он снова включил камеру, когда я думала, что мы одни... Живот пучит от плавленого сыра, и я решаю устроить ему взбучку, как только Тесса отлучится в туалет.

– А про Джиджи что-нибудь новенькое слышно? – интересуется Уэс, меняя тему.

Тесса прекращает смеяться и кривит рот.

– Да, но, по-моему, не нужно...

– Постой-ка. По-моему, я кое-что слышал... – начинает Уэс, постукивая указательным пальцем по подбородку, словно пытаюсь поймать ускользающую мысль. Его беспечность столь же напускная, как и забывчивость. Чтобы я услышала то, что уже известно ему, он готов разбиться в лепешку. Как и Тесса, чтобы меня от этого оградить.

Предсказание моего партнера по преступлению сбылось: Джиджи обходила меня стороной. В то утро, когда Киара угодила в опалу, она пришла в школу с новой стрижкой пикси: только волшебник мог сотворить такое чудо из искромсанного кошмара, что я оставила на ее голове. Замазать синяк и нервную сыпь удачно помогла комбинация шарф-хомут плюс тональник. Она очень старалась, выставляя свой новый образ как дань моде. Но когда во время самостоятельных занятий наши взгляды встретились над книжными полками в библиотеке, ее испуганное выражение дало понять, что когда Джиджи Макдоналд смотрелась в зеркало, то видела там далеко не мимимишный причесон.

Я успокоила себя тем, что она просто получила по заслугам. Но пока жду последние нервирующие новости о Джиджи и вижу, как Эмбер извлекает из нашей операции выгоду, моя решительность дает сбой. За последнюю неделю многое изменилось. И я не про суперсилу, а про мой внутренний мир. Хочу удариться головой об стол и зарыться в жареной картошке. Но для начала нужно узнать, что случилось с Джиджи. Только не по той причине, которую выдумал Уэс.

– Тесса, колись, – прошу я.

– Ладно, – вздыхает она, – но давай ты не будешь думать, что это твоя вина. У Джиджи своих тараканов в голове полно, и ты не должна...

– Колись! – настаиваю я.

Она бросает мимолетный взгляд на Уэса, а тот делает вид, что не заметил этого.

– Ну, похоже, новая прическа Джиджи не совсем дань моде, а скорее, острая необходимость. По непонятной причине, – Тесса интонационно выделила, что не считает меня виновной, – у нее случился срыв, и она откромсала себе все волосы. Ночью в среду. Сама клянется, что этого не

делала, несет, что была одержима и подобный бред. Видимо, с того момента перестала спать и теперь боится темноты и собственной спальни. Родители записали ее в центр реабилитации с диагнозом «переутомление».

– Переутомление! – фыркает Уэс. – Разве не этим оправдываются селебрити, когда не хотят признаваться, что сидят на коксе?

Тесса склоняет голову набок, даже не стараясь скрыть отвращение на реакцию Уэса.

– Послушай. Не знаю, с чего ты взъелся на Джиджи, но она наша подруга.

– Саре она не подруга, – отрезает он, вся его беспечность мигом улетучивается.

– Нет, подруга, – медленно, чтобы до него дошло, отвечает Тесса. – Не важно, что происходит сейчас между ней и Джиджи, но я знаю: Сара такого никому не пожелала бы. Я права?

Молчу.

Тесса переводит взгляд на меня.

– Я права, Сара? – снова спрашивает она, на этот раз уже не так уверенно.

Что мне ответить? Да, я в ужасе, что здоровую психику Джиджи так поломало, искренне о ней беспокоюсь. А когда вспоминаю причину, разрушительными волнами накатывает раскаяние и становится противно. Очень хотела бы согласиться с тем, как меня оценивает Тесса, однако есть неопровержимый факт – это сделала я! Пытаюсь подобрать слова, сказать что-то, примирить эти две противоборствующие стороны моей личности, но не выходит. Тесса сверлит меня взглядом, и ничего не остается, как отвернуться.

Вскоре поруга оставляет нас под благовидным предлогом.

Когда она уходит, разворачиваюсь к Уэсу и выпаливаю:

– Какого черта?

Он перемещается на диванчик напротив.

– Какого черта что? – спрашивает он, набивая рот картошкой. Потом хватает кетчуп и стучит по выпуклой цифре 57 на боку стеклянной бутылки, пока не начинает выливаться вязкая красная масса. Я в шоке смотрю на него, а он продолжает уминать картошку.

– Какого черта было спорить с Тессой? Какого черта именно так сообщать, что Джиджи в больнице? Какого черта было без моего ведома записывать то, как мы обнимались? Да что с тобой происходит?

Уэс поставил на стол бутылку «Хайнц».

– Что со мной происходит? Это что с тобой, Сара? Джиджи теперь

просто вымерший дронг, Киара тоже больше не помеха, еще и история с Эмбер вышла хорошая, поучительная. Ты не могла нормально расслабиться, и я позволил себе небольшое художественное отступление. Да не парься!

– Художественное отступление? – ощетинилась я. – И на какой планете это считается нормальным?

Ответить Уэс не успевает: входная дверь в ресторан снова звякает, и влетает Мэтт, сводный брат Эмбер, волоча за собой девушку-гота с пылающим лицом. Он демонстративно идет к столу Эмбер.

– Скажи ей, Эмбер! – сквозь зубы цедит он. Видно, что его терзают одновременно боль и ярость. – Скажи, что это не то, что она думает!

На секунду Эмбер обалдела. Она, как и Мэтт, растеряна и испугана. Но быстро берет себя в руки, начинает представление и тянет кукольным голоском:

– Ой, милый... Ну похвали же себя, хоть чуточку!

Дружки Эмбер заливаются, а девушка (как я понимаю, подруга Мэтта) начинает плакать. Мэтт ударяет кулаком по столу, и смех замолкает. На тарелках с лязгом подпрыгивают вилки, и тут же в ресторане наступает полная тишина. Эмбер кажется напуганной: видимо, правда, которую требует от нее Мэтт, ужасает ее намного больше, чем ложь, за которой она попыталась укрыться.

А почему бы и нет? Мы с Уэсом провернули ровно то, что планировали: пойти за Эмбер и заталкивать ей правду в глотку, пока она не подавится. Вот только у Эмбер отсутствует рвотный рефлекс. Как обычно, она проглотила все то, что не понимает, потому что даже мысль об обратном ее парализует. Она нашла логическое объяснение: якобы сама хотела, чтобы это случилось.

Но Мэтту сейчас не до сложных логических комбинаций, он отчаянно пытается спасти свои отношения. И очень хочет, чтобы Эмбер сказала правду. Но как такое возможно, если она врет сама себе?

Эмбер обводит взглядом ресторан, понимая, что все внимание приковано к ней. Есть выбор. Показаться чокнутой, если расколется, что ничего не помнит, признав, что вокруг творится какая-то чушь, и избавив Мэтта и его девушку от очевидных страданий, которые она (то есть мы) ненароком причинила. Второй вариант – в очередной раз соврать.

Я задумываюсь: вдруг именно Эмбер, сделав верный выбор, выведет всех нас из этой полной скандалов, слухов, недопонимания и пошлятины трясины, которой является школьная жизнь?

Но, понятное дело, ошибаюсь.

Избрав путь роковой разлучницы, а не рехнувшейся идиотки, выпрямив спину и поправив прическу, она наклоняется вперед.

– Ну пососались, и что? – бросает Эмбер покрасневшей от слез девушке Мэтта. – Плохо, конечно, что застукали...

Мэтт пялится на нее, боевой настрой тут же сходит на нет.

– Но... я этого не помню, – мямлит он слабым голосом.

На его лбу выступают капли пота, кожа бледнеет, щеки впадают. Сейчас он грохнется в обморок. Но тут чары рассеивают чьи-то рыдания.

Я вижу, как девушка Мэтта в слезах выбегает из ресторанчика. Я вижу, как сам он пристально смотрит на Эмбер, пока та не отводит взгляд. Я вижу, как он разворачивается и, сгорбившись, выходит на улицу, полностью разбитый. Я вижу, как все мои одноклассники превращаются в стервятников: ржут, воспроизводя сцену, которую только что наблюдали, постят в «Твиттере» свидетельства очевидцев и щелкают селфи, чтобы доказать свое присутствие. Неужели для них это всего лишь развлечение? Мимолетная забава?

– Похоже, кому-то нужно преподать урок, – говорит Уэс. – Видимо, всем.

И отправляет в рот еще одну картофелину. Бросаю на стол десять баксов, хватаю сумку и ухожу.

Глава двадцатая

– Мэ-э-э-тт? Де-е-е-е-вушка-а-а-а?.. – нескладно зову я на парковке у ресторана. Понятия не имею, что скажу, если и вправду догоню одного из них, но оставаться внутри и смотреть, как всем по барабану, тоже не могу. Тем более что все это из-за меня. Эмбер заслужила то, что получила, по крайней мере, это тот путь, который я выбрала. Но смотреть на ее сводного брата – на этого парня, которого я почти не знаю, против которого ничего лично не имею и которого без задней мысли втянула в переплет, – ужасно. А бедная девушка? Пытаюсь выкинуть из головы ее образ – красное лицо все в пятнах и слезах – но не могу. Я ничем не лучше Эмбер, которая так же поступила с Дженни и Питом. Даже хуже...

Дверь рестораника распахивается, появляется высокая фигура. Никаких признаков того, что Мэтт или его девушка на парковке, нет, но я иду дальше. Меня очень быстро догоняет Уэс. Хватает за запястье и разворачивает лицом к себе.

– Что это было? – требует он объяснений.

Пытаюсь освободиться, но он лишь сильнее сжимает мою руку.

– Отпусти... – снова пытаюсь высвободиться. – Мне больно!

Освещенные неоновой вывеской напряженные бицепсы Уэса и боль в моем запястье говорят о том, насколько он сейчас зол. Больше, чем просто зол. Пытаюсь вспомнить, как правильно выкрутиться, мы ведь проходили это на уроке самозащиты, но тут его захват слабеет, и я вырываю руку. Отлетая, она бьет меня в грудь. Я тру запястье.

– Сара, прости. Я не хотел... – Его неуверенный голос дрожит, но мне плевать.

– Какого черта, Уэс? – резко говорю я.

Позабыв об извинениях, он скрещивает руки, все еще внушительно возвышаясь надо мной.

– Какого черта сама творишь?

Смотрю на него, разинув рот.

– Я? Это я творю? – бешусь так, что не могу сформулировать фразу.

– Да, ты! Что произошло? Ты меня бросила. Как и все остальные.

Непонимающе хлопаю глазами и вдруг вижу в нем того самого закомплексованного десятилетнего мальчика, которого все всегда обходят стороной, списывают со счетов. Так он психует поэтому? Думает, я такая

же?

– Я тебя не бросала, – объясняю уже более спокойно. – Я хотела найти Мэтта и его девушку.

– Зачем?

– Проверить, все ли в порядке.

Мы молча смотрим друг на друга. Потом Уэс начинает смеяться. Расслабляет плечи, отпускает руки. Вот так, запросто, я прощена, и грозный Уэс в прошлом.

– Ну, да! Мило, конечно, но что ты собиралась делать после их слов: «Мы разругались окончательно»? – И, подделав высокий голос, чтобы стало понятно – он пародирует меня, пищит: – Прошу прощения, тут такая неразбериха. Просто в Мэтта вселился мой парень, когда он целовал Эмбер, в которую вселилась я. Так что не парьтесь. Вы просто созданы друг для друга...

– Проехали, – говорю я и ухожу. Но он меня снова догоняет.

– Да ладно тебе... Остынь! – Он идет со мной рядом. Поворачиваюсь и, чтобы избавиться от него, хочу проскользнуть между двумя припаркованными машинами, но Уэс не отстает: – Никто же не пострадал.

Я как вкопанная замираю на месте.

– Никто не пострадал? Ты не заметил в ресторане эту бедняжку? Не заметил, как Эмбер превращается в последнюю тварь? А как же Джиджи? Из-за того, что мы сделали, ее отправили в больницу! Мы такого вообще не планировали.

– Кстати, с технической стороны: именно ты отчекрыжила у Джиджи ее кудри, – говорит он, пальцем прочерчивая отворот моего пиджака. Я шлепаю по его руке. – Шутка, шутка! – притворно пугается Уэс. А потом раскрывает объятия. – Ну, иди сюда...

Отступаю назад, чтобы он точно меня не достал, плотно скрещиваю на груди руки и демонстративно отворачиваюсь в сторону. Он громко вздыхает.

– Сара, – начинает он нежно и ласково. – Мне очень жаль. Иди ко мне. Пожалуйста. – Стою, не двигаясь. – Я же сказал, мне жаль. Глупо вышло.

– Это уж точно, – бурчу я сквозь стиснутые зубы.

Он делает ко мне шаг.

– И мне жаль, что я так вспылел. Просто не нравится, когда ты расстроена. Не вини себя из-за того, что Джиджи не справилась с последствиями своих дурных поступков... – Еще шаг. – Надо было преподать ей урок... – И еще шагочек... – Мы это сделали. И не твоя вина, что учиться она не умеет.

Он берет меня за руки, но я не отодвигаюсь. И не сопротивляюсь, когда он притягивает меня к себе. Мне плохо из-за Мэтта и его девушки, но вдруг игра стоит свеч? Джиджи нужно было спустить с небес на землю, а лучше сразу в подвал, в этом я ни капли не сомневаюсь. А если мы перегнули палку?.. Разве нельзя сделать мир лучше чуть менее изощренным способом, не похищая чужие тела? Или иначе результата не получить? Все вокруг – от Библии до комиксов про Человека-паука – твердят, что каждый человек несет ответственность за свои действия. Но слова Уэса, его прикосновения, интонации заставляют меня усомниться в значении слова «ответственность». Так хочется просто поверить его словам...

Утыкаюсь головой ему в грудь, а он укутывает меня объятиями.

– У меня едет крыша, – объясняю я пиджаку. – И ты должен быть на моей стороне.

– Я на твоей стороне.

– Прошлой ночью было непохоже. Я думала, что камера не работает, а ты...

– Понял уже, понял, – треплет он меня по макушке. – Прости. Я больше так не буду. Не стоило тебя обманывать.

– Да. Не стоило.

Я расслабляюсь: так здорово чувствовать себя пусть и не в полной безопасности, но защищенной.

– Если честно, – продолжает он, – по-моему, я не мог остановиться. Был под кайфом. Вообще не в себе. Любая идея казалась верной. Я просто делал все не раздумывая.

Поднимаю на него взгляд.

– Прекрасно понимаю.

Вспоминаю, как до пульсирующей боли хотелось сбежать из зудящего тела Эмбер, и вздрагиваю при воспоминании о пресс-папье. С сердца падает камень. Меня предал не Уэс, а его накачанная наркотой версия. Он сам не такой. Как и я не была самой собой.

– Это «Дексид», – говорю я. – Мы приняли слишком много, и он заставил нас творить ужасные вещи. И не только вчера. Каждую ночь. Мы заигрались.

– Ш-ш-ш-ш, – останавливает он. – Не важно, насколько мы заигрались, разве ты не понимаешь, что я на все пойду, только чтобы быть с тобой? Я всегда буду рядом. И никогда тебя не отдам. Никогда. Мы связаны вселенной, которую только начинаем познавать. И если нужно что-то предпринять, мы сделаем это вместе. Все сделаем правильно.

– Но как? – спрашиваю я. – Нельзя вернуть все обратно. Я думала, что на Эмбер мы остановимся. Но план провалился: сейчас она еще больший монстр, чем раньше.

– Да, надо поразмыслить... – задумчиво тянет Уэс. – Унижение, похоже, не выход. – Он целует меня в темя, а потом пресыщенным голосом, словно набрасывая варианты, где бы поужинать, продолжает: – Покалечим?

Я хохочу, но у него такое деловое выражение лица, что веселье встает поперек горла. Удивленно открываю глаза, словно если постараюсь его хорошо разглядеть, то смогу понять эту реплику. Не понимаю. Отталкиваясь от его груди, отлетаю назад, разворачиваюсь и раздраженно ухожу.

Передняя часть парковки отлично освещена, но Уэса это нисколько не останавливает. Он догоняет меня, хватая за плечи и разворачивает к себе лицом. Я замахваюсь и умудряюсь заехать ему в правый бицепс, но он лишь чуть морщится. Потом четким движением – меня пугает, насколько легко ему это удалось, – сводит мне руки крест-накрест, и прижимает к моей собственной груди. Я пинаюсь, но он снова меня разворачивает, теперь спиной к себе, и расставляет пошире ноги, чтобы сложнее стало в него попасть. В моей груди гулко бьется сердце.

– Не отпуска, пока не успокоишься, – произносит он мне на ухо.

– А я не успокоюсь, пока ты не перестанешь вести себя как полный псих! – ору я. – Господи, тебе надо срочно слезать с «Дексида». Он делает из тебя конкретного придурка!

– Как? Позволяя делать то, что я хочу и когда хочу? Наконец-то я все контролирую. Дать волю инстинктам – вспомни «Оно» у Фрейда – душе пойдет только на пользу. Если ты не можешь с собой справиться, то не значит, что меня ждет наркодиспансер.

Я снова бью ногой и попадаю ему по голени. Уэс охает, но мое достижение чисто символическое. Он лишь крепче обхватывает меня, и я начинаю задыхаться.

Пульс зашкаливает. По всему телу выступает испарина. Закрываю глаза и невольно представляю Головешку. Внезапно я оказываюсь в лапах монстра, который держит так крепко, что мои глаза скоро вылезут, зубы выпадут, а барабанные перепонки лопнут. Ужасно то, что, когда это закончится, я все равно буду в ловушке. Запертая в собственном теле, буду ждать, пока условные часы в очередной раз не отсчитают положенное время, решив, что я достойна стать хозяином собственной физической оболочки. Я живо все вспоминаю, и меня охватывает настоящая паника,

как в том кошмаре.

Но это не кошмар. Я не сплю. И держит меня не Головешка, а парень. Тот самый парень, который утверждает, что он – моя вселенная, пытается стереть меня в порошок. Но я не боюсь. Я в бешенстве.

Успокаиваю тело, замедляю дыхание. Прекращаю сопротивляться, и, как было обещано, чем меньше я борюсь, тем больше ослабевает хватка Уэса. Наконец он меня выпускает.

Я могу развернуться и вклепить ему пощечину или плюнуть в лицо и сбежать. Есть куча вариантов, как может повернуться ситуация, чтобы все осталось между нами. Это наше личное дело, и никого не должно было касаться. Но следующий шаг делаю не я.

За меня его делает Джейми.

– Сара? – зовет меня бывший, выходя из машины. – Все в порядке?

Джейми так рявкает, что я аж подпрыгиваю. Дело плохо. Идет битва между Уэсом и мной. А эту потенциально взрывоопасную ситуацию нужно сейчас разрядить. Все, что я могу придумать, – не дергаться. Иду напрямиком к Джейми и обнимаю.

– Привет. Да. Все отлично, – весело говорю я. – А ты как? В «Альп» идешь?

Джейми молча сверлит глазами Уэса.

– Где мои манеры? – вмешиваюсь я. – Наверное, вы еще не встречались.

– Не-а, – отвечает Уэс, тоже не отрывая взгляда от Джейми.

– Сара, давай зайдём внутрь, – произносит Джейми. Он протягивает мне руку, но продолжает следить за Уэсом.

Черт.

– Спасибо, но мы уже с Тессой поели. И вообще надо идти. Мама просила вернуться пораньше.

– Ладно. Я подброшу.

На это Уэс реагирует смехом.

– Опоздал, дружище, Сара уже наездила.

Никто не двигается с места. Один – мой бывший, «отличный парень», и второй – нынешний, но псих, сверлят друг друга глазами. Только не хватало, чтобы эти двое излучающих тестостерон самцов сцепились прямо здесь и сейчас. Но как прекратить эти разборки – ума не приложу. Открываю рот, хочу что-то сказать, хоть что-то, просто начать болтать, пока не придумаю план. Но не успеваю и пискнуть, как Джейми берет мою руку и тянет к входу в ресторан.

Уэс хватается вторую мою руку и резко дергает в противоположную

сторону, тащит меня за собой. Джейми реагирует тут же. В прохладном ночном воздухе раздается звук удара. Уэса ведет в сторону, и он приземляется на капот чьей-то машины.

Улыбаясь, слизывает капельки крови в углу рта. Все та же кривая ухмылка, которую я как-то посчитала соблазнительной и лукавой. Но сейчас в изгибе губ сквозит угроза. Уэс ждал от Джейми этой жестокости. И получил право действовать: теперь может взорваться. На меня он собак спускать не хочет. Я ему нужна. Но в Джейми он видит только то, что всегда хотел видеть: извращенную систему, в которую никогда не сможет вписаться и которую он решительно настроен сломать. И не важно, кто Джейми на самом деле: спортсмен, которого следует поколотить, или врач, который считает Уэса лишь подопытной крысой. Такое своеволие кружит Уэсу голову.

– Джейми, лучше уйти! – Я бросаюсь между ними.

– Да, пожалуй, – соглашается он и разворачивается к ресторану.

Джейми понимает, что я не иду следом, только через пару шагов. Он так на меня смотрит, что душа разрывается. Мы знакомы с двенадцати лет. Джейми – первая любовь и мой самый лучший друг. Я видела его и в счастье, и в горе, но никогда он не был так разбит.

Мы встречаемся глазами, но лишь на мгновение. Потом я перевожу взгляд на его школьную куртку и приказываю себе не реветь. Сунув руки в карманы, Джейми поднимается по ступенькам в ресторан. Не обернувшись. Ни разу...

Уэс обнимает меня за талию – он ликует, он мачо – опускает подбородок мне на плечо. Он нежно сжимает меня и зарывается носом в волосы. Ему нужна я, нужны мы.

А мне нет.

– Все кончено... – говорю я.

Он замирает на мгновение, потом отвечает:

– Будет кончено, когда закончим. Впереди еще куча дел.

Его рука проскальзывает мне под рубашку и пробирается выше, но я делаю вид, что не замечаю этого.

– Я не буду больше принимать «Дексид».

– Будешь. Нужно, – шепчет он, пальцами пробегая по бюстгальтеру.

– Лучше оказаться в путах, чем в твоих руках, – отвечаю я.

– Сейчас тебя, похоже, мои руки вполне устраивают... – Теперь его пальцы скользят вниз. Хочу отстраниться, но не шевелюсь.

– Ты просто ходячая граната...

– А ты чека. Ты сможешь оставить меня наедине с моими проблемами?

Кто знает, что я могу натворить? – он разворачивает меня к себе лицом. – Сделай правильный выбор. Я никому не позволю встать между нами! Даже тебе.

Вдох застревает в горле. До меня наконец доходит: все, что Уэс когда-либо говорил, он говорил неспроста.

И я не особо довольна этим открытием.

В памяти наконец-то всплывает урок самозащиты миссис Берк. Кладу ладонь на плечо противника. Переношу вес на заднюю ногу. И двигаю коленом прямо в пах.

Со всей мочи.

Когда боль и замешательство накрывают Уэса, вырываюсь и удираю.

Глава двадцать первая

Я мчусь домой такими дворами и закоулками, что только местный разберется. Прибегаю, запираю дверь и взлетаю в свою комнату. Забиваю на «Дексид» и прошу маму привязать меня к кровати. Закрываю глаза и жду, когда усну.

Но сон не идет.

Лежу так несколько часов, прокручивая в голове события последней недели. Как чуть не совершила убийство, как потеряла друзей и нашла парня моей мечты, как проникала в сны других людей и в самих людей, а еще – как причиняла этим людям боль... Почему ситуация вышла из-под контроля? Неужели пилюля какого-то «Дексида» лишила нас здравомыслия? Получается, во всем виноват не Уэс, а лекарство? Но можно ли крохотной золотой таблеткой оправдать его поведение? Или ответственность должны нести мы сами, а я просто не хочу это признавать?

Похоже, у Уэса зависимость. У меня тоже. Хотя не знаю, от которого из моих новых пристрастий будет сложнее отказаться. Делаю глубокий вдох и решаю на все забить. Одна зависимость, то есть Уэс, точно подождет до утра. А там разберусь. «Дексида» в крови нет, он меня не достанет. Я одна. Я в безопасности. По крайней мере, сегодня.

Примерно к часу ночи начинаю засыпать. Плыву, потом погружаюсь в дрему, готовая отойти к своему личному сну, без посторонних. Но вдруг меня будит звук открывающегося окна. Мужская тень внушительных размеров перелезает с толстой ветки старого дуба в мою комнату, и я цепенею. Готова заорать, но тут вышеупомянутая тень машет рукой.

– Джейми, ты что творишь? – яростно шепчу я. – Там мама внизу. А у меня сердце из груди выскочило!

Он подходит к кровати.

– Я должен был тебя проведать, – говорит он. – После того, что было на парковке с этим придурком. Хотел увидеть, что ты в порядке.

– Ладно, все нормально. Помогите для начала, – я шевелю конечностями, показываю фиксаторы на запястьях и лодыжках. Джейми их расстегивает, а затем присаживается на кровать.

– Я в порядке, – наконец выдаю я. – Сегодня, конечно, не лучший денек. Между мной и Уэсом все немного... – Я замолкаю, пытаюсь

подобрать нужное слово.

– ...сложно? – подсказывает он.

Я киваю.

– Можно и так сказать. Мы поссорились. Есть вещи, на которые наши взгляды пока расходятся.

Он стискивает зубы, а на щеке дергается мускул.

– Ты с ним порвешь?

– Если все было бы так просто... – вздыхаю я. – Честно? Не знаю. Он меня, конечно, сегодня взбесил, но между нами есть... связь. Не думаю, что могу вот так просто уйти.

– Конечно можешь, – говорит Джейми. – Ставишь одну ногу, перед ней другую и уходишь. Куча людей проделывали такое и раньше.

Его сжатые кулаки трясутся, а голос становится обжигающе ледяным. Может, Джейми мне друг, но он еще и мой бывший. Обсуждать с ним Уэса по душам – не лучший вариант. Надо сменить тему.

– Слушай, – начинаю я. – Ты беспокоишься обо мне, и я это ценю. Честно. Но у меня все в порядке. А тебе надо идти. Помнишь, что было в последний раз, когда мама тебя здесь поймала?

Я улыбаюсь, вспоминая время, когда мы спалились на том, что грозило перерасти в «18+». И заливаюсь краской. Но когда поднимаю на Джейми взгляд, он хмурится.

– Прости. Не надо было говорить о нашем прошлом...

– Хочешь правду? – он кладет руку на мое обнаженное бедро, туда, где кончаются пижамные шорты. – Я бы хотел, чтобы ты вспоминала о том времени почаще.

Удивленно смотрю на Джейми. Такой наглостью я шокирована, но, если честно, не сильно удивлена. Наверное, непросто ему было увидеть меня с Уэсом, непросто и мне. Когда мы расстались, он не перестал мне нравиться. Я пыталась его защитить, поэтому и бросила. Ну, может, еще убедила себя, что он слишком хорош. Джейми – верный парень, из тех, кто всегда рядом.

– Но я встречаюсь...

Он не дает договорить, прикасаясь пальцем к моим губам, потом наклоняется вперед.

Джейми видит во мне обычную девчонку, которой я так отчаянно пыталась быть. Ту меня, к которой, видимо, следует вернуться. Может, у меня получится, если Джейми будет рядом, будет удерживать меня от безумства, которое Уэс, напротив, лишь многократно усиливает? Что, если мое спасение в Джейми? Он сильный, добрый. Я все еще ему нужна...

На месте его пальца оказываются губы, но я не возражаю. А когда он начинает меня целовать, с головой бросаюсь в омут в поисках прошлого, такого знакомого, того маяка, что укажет дорогу к настоящей Саре и уведет меня от Бонни, в которую я превратилась рядом с психованным Клайдом...

Но поцелуй не приносит удовольствия. Полный разрыв шаблона. Такой неудобный, странный, чужой, неправильный. Полная противоположность тем романтическим и сладким поцелуям, что когда-то дарил мне Джейми.

Потому что целую я не Джейми. А Уэса. Отлетаю назад, впечатываясь в изголовье кровати. Яростно тру рот тыльной стороной кисти и злобно шепчу:

– Психопат.

– Шалава, – отвечает Уэс из тела Джейми.

– Убирайся оттуда! – требую я. – Убирайся немедленно.

– Или что? – спрашивает он, заводит руки за голову и опирается на них, как ни в чем не бывало. – Неприятно признавать, но твой бывший ничего так экземплярчик. Понимаю, почему ты его так хочешь.

– Я его не хочу! – шепотом ору я. – Ты просто подобрался в нужный момент. У меня и так мысли путаются, а твои игры разума только все портят.

От каменного лица Джейми веет холодом. Уэс молчит.

– Что еще? – наезжаю я. – Хочешь, чтобы я извинилась? Попросила прощения за то, что повернулась к Джейми после того, что ты натворил во сне Эмбер, а в ресторане так вообще устроил взрыв мозга? Я на конкурсе «девушка месяца», может, и не на пьедестале почета, зато ты на соревновании психопатов сделал всех. Честно, Уэс, у нас нет никакого будущего.

– Я предупреждал, что будут последствия.

– Ну да, отлично! – огрызаюсь я, закатив глаза. – Выставил меня какой-то потаскухой, бросив в руки незнакомца. Молодец! Мои поздравления!

Косая улыбка Уэса исказила лицо Джейми.

– Нет, Сара, это не последствия. Это было спланировано.

Недоуменно смотрю на него, ничего не понимаю. Потом мои глаза расширяются от страха.

– Уэс, сколько таблеток «Дексиды» ты проглотил?

Он молчит.

– Боже мой... – злость вмиг испаряется. – Джейми тут ни при чем! Не делай глупости.

Уэс вскакивает на ноги.

– Что хочу, то и буду делать! Разве не в этом вся прелесть? Я полностью контролирую это тело и могу проделать в нем или с ним абсолютно все. Выбор за мной. Не за ним, не за тобой... а за мной!

Его тело напряжено, оно просто сочится энергией. Уэс меряет шагами комнату, так тигр в неволе обходит по периметру свою клетку.

– Что, если напоить этого донжуана до беспамятства и посадить за руль? Будет интересно. Или, может, просто взять молоток и размозжить ему руку?

Уэс умолкает, разглядывает меня. Потом кидается на кровать. Я отползаю, но он усаживается на меня верхом, пригвоздив к месту.

– Или, может, я заставлю его проделать с тобой все то, о чем ты так мечтаешь?

Он кладет руку мне на горло и чуть сжимает, давая понять, что дела могут пойти и хуже.

– Сара! – в его голосе слышна тоска. – Нам могло быть так хорошо вместе... Ты же сама считала, что нас связала судьба. Что мы подходим друг другу, как две половинки одного целого. – Он понижает голос, словно выдает секрет. – Знаешь, я всегда чувствовал, что какой-то частички во мне не хватает. И при нашей встрече решил, что ее нашел. – Он выпускает меня, брезгливо и резко встает. – Упс, сам виноват...

Уэс идет к окну.

– А теперь, извини, хочу проверить, что значит быть Капитаном Америка. И помни, что бы ни произошло с Джейми – это твоя вина.

Смерчем налетает паника. Надо его остановить, пока он не навредил Джейми! Но как? Убедить – не вариант, подраться – тоже отпадает. Физически Уэс и в своем теле довольно грозный противник, а уж в теле Джейми... ни единого шанса. Поэтому он и не ждет нападения.

Это порыв отчаяния. Выдергиваю из розетки штепсель, хватаю прикроватную лампу, бросаюсь на своего бывшего. И пока он не успевает среагировать, бью лампой по голове.

Джейми валится на пол, без сознания, но и без Уэса. Пытаюсь оттащить его на кровать, связать, пока Уэс снова не внедрился в его тело. Но девяносто килограммов мне не сдвинуть никак. И я делаю то, что приходит на ум. Мчусь в ванную и открываю аптечку. Хватаю «Дексид», глотаю, не запивая, и молюсь, чтобы уснуть.

Через пару секунд мои веки...

закрываются...

и...

Я оказываюсь на нижних этажах вокзала. Бегу через лабиринт залов и арок, словно по карте, попадаю на перрон, где стоит поезд на холостом ходу. Сотни дверей, и Уэс мог пройти через любую из них.

Как попасть в сон Джейми? Как мне их отыскать?

У меня нет ни малейшей мысли, ни единого предположения, где они могут быть. Снова чувствую, что потерялась, что одна. Вокзал – вот он, перед глазами, но с таким же успехом я могу бродить, слепо шаря руками в темноте. Чувство как в первую ночь, когда я вывалилась из поезда и падала в свободное пространство, летела в пустоту...

Но тут вспоминаю Тессу. И сердце подпрыгивает. Я подумала о ней и тут же нашла. Когда мы накачивали «Дексидом» Джиджи, Эмбер и Киару, их я тоже смогла найти.

И Уэса.

Вспоминаю его слова. Что он был одинок, пока не встретил меня.

Ладно, Красавчик. Покажись-ка...

Закрываю глаза и рисую его образ. Как он злится и как манипулирует, с каким превосходством относится к людям и как терпеть не может Джейми.

Открываю глаза. Ничего. Ничего не изменилось, зато я разозлилась окончательно. Вторая попытка.

На этот раз вспоминаю, как впервые увидела Уэса на станции. Глаза – яркие и живые, беспокойные, но озорные. Чуть косая ухмылка приглашает поиграть. Руки, крепкие и надежные, ведут меня. Объятия защищают. Дыхание вселяет в меня жизнь.

Тело становится как перышко... ноги едва касаются земли... Рокот состава теряется в убаюкивающем белом шуме... Открыв глаза, понимаю, что все цвета поблекли, лишь одна дверь поезда светится ярче других.

Бинго!

Иду туда.

Делаю шаг внутрь.

Пейзаж сновидения Джейми прост. Вместительная комната со сводчатым потолком, полированный деревянный пол, ничего кроме старых церковных скамей вдоль дальних стен. В центре два парня, лицом к лицу. Джейми раскачивается на месте, держит голову руками, словно приходит в себя от кошмарного похмелья после бурной ночи, которую и не вспомнит. В паре метров от него на четвереньках Уэс, пытается оправиться и встать после неожиданной депортации. Он заторможен, но быстро приходит в себя. Времени, чтобы его остановить, немного, но

все-таки шанс есть.

Вдруг позади меня раздается низкий рык.

В дверном проеме маячит Головешка.

Вскочить на ноги не успеваю, чудовище приближается так быстро, что уже не удрать. Мне конец. Но монстр идет мимо.

Он пришел не за мной. Ему нужен Уэс!

Но Уэс даже не понимает, что рядом Головешка. Он полностью сосредоточен на Джейми и ближе всех к сновидцу. Монстр идет в атаку. Уэс пытается прыгнуть на несколько метров прямо в Джейми, но спотыкается и падает на землю ровно в тот момент, как до него добегают Головешка.

Монстр уже набрал скорость.

Остановиться он не может.

Перелетает через лежащего ничком Уэса и в один миг

ШШИХ

врезается в Джейми.

Джейми впитывает в себя демона, целиком поглощая этот кошмар. Сам стоит, как кол проглотил. А потом открывает рот и рычит.

Головешка вселился в Джейми!

Разве такое бывало раньше? Нет. Чудовища всегда осторожно обходят сновидцев. И пальцем не трогали ни меня, ни Уэса, когда мы были внутри. Теперь я понимаю, что они их трогать не должны. Потому что сами могут в них вселиться. Мы с Уэсом понимаем, что происходит, и в состоянии контролировать тело, а Головешки вряд ли.

Чудовище внутри Джейми мечется из стороны в сторону, паникует, расшвыривает невидимые вещи. Выглядит он сейчас как монстр Франкенштейна, столкнувшийся с огнем. Он отскакивает, а я вздрагиваю, представляя, как он крушит в моей комнате кровать, столы, стены. Решаюсь вытолкнуть Головешку, как я вытолкнула Уэса из Джиджи, впрыгнув в ее тело, и молюсь, чтобы правила, установленные для нас с Уэсом, сработали и для Головешек. Но когда я подхожу к телу Джейми, он спотыкается обо что-то, невидимое мне и, очевидно, реальное в жизни. Оступается и падает. Эта ужасная пантомима всегда будет стоять перед моими глазами... Вместо того чтобы рухнуть на пол часовни, тело Джейми зависает в воздухе. Здесь, во сне, он висит, а в реальной жизни откуда-то падает.

Джейми молотит ногами, пытается за что-то ухватиться, но ни здесь, ни там ухватиться не за что.

В конце концов он падает на пол часовни.

*Раздается громкий стук.
Джейми вместе с Головешкой исчезают...*

Первое, что понимаю: жужжит мой айфон. Наступило утро, а с ним и безмятежное чувство надежды, что приносит начало нового дня. Потом я слышу под окном шум машин и чей-то громкий разговор. Тут же наваливаются воспоминания о событиях прошедшей ночи. Встаю в кровати, открываю глаза навстречу слепящему солнечному свету. Кто-то берет меня за руку.

– Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш... – перед глазами всплывает лицо мамы. Глаза красные, воспаленные.

– Мам? Что случилось? – я перевожу взгляд на открытое окно и желтую полицейскую ленту. Тянусь к тумбочке, хватаю сотовый. Больше дюжины пропущенных вызовов и эсмэсок от Тессы.

– Дорогая, – говорит мама, забирая телефон. – Послушай меня, пожалуйста. Произошел несчастный случай. Прошлой ночью Джейми пытался пробраться к тебе в комнату и, наверное, оступился...

Заметив на полу разбитую лампу, она осекается.

– Сара, когда ты приняла «Дексид»? Я не могла тебя добудиться. Ты ведь заснула до того, как упал Джейми? Иначе услышала бы...

– Мама, что с Джейми?

Ее лицо залило слезами.

– Сара, Джейми вывалился из окна... И сломал спину.

Глава двадцать вторая

Я много чего называла трагедией: от потерянной помады до разбитого сердца. Но разве можно спокойно смотреть, как в один миг тот, кто тебе не безразличен и кого ты знала всю жизнь, эту самую жизнь теряет? Меняется ракурс, под которым ты смотришь на мир. И этот ракурс лично мне удовольствия не доставляет.

Целый день меня бросает из одной крайности в другую. То я рыдаю, что так получилось с Джейми, то оплакиваю ходячий кошмар, в который превратился Уэс, то сражаюсь с матерью, требуя, чтобы она отпустила меня в больницу, где идет операция. Она долго пытается меня отговорить и под конец выдает безжалостный, но единственный сработавший аргумент: девчонка, из окна которой вывалился Джейми, последний человек, которого хотят видеть его убитые горем родители. После этого я сдаюсь.

Часа в четыре Тесса написала, что школьный совет и группа поддержки хотят вечером собраться во дворе. Я отпросилась у мамы (или группе поддержки меня тоже видеть не надо?), она дала добро. Тесса забирает меня сразу после ужина. Но перед тем как отъехать от дома, мы плачем навзрыд.

– Мне очень жаль, – всхлипываю я. – Я не хотела с тобой ругаться...

– Я тоже, – говорит она осипшим голосом.

Мы обнимаемся через коробку передач, но с места не трогаемся – ревом.

– То, что случилось с Джейми... Знаешь, в любой момент может случиться все что угодно. И я не хочу оказаться с тобой в ссоре. Надо держаться вместе. При любых обстоятельствах. Договорились?

– Конечно, – соглашаюсь я.

Напоследок Тесса обнимает меня еще раз, а потом берется наконец за руль.

– Вот только понять не могу, – говорит она, выворачивая с дорожки от моего дома. – Полиция считает, что он лез в окно твоей комнаты и оступился. Но это ж бред. Он так лазил, наверное, сотни раз. Если бы я и волновалась, что кто-то вывалится из твоего окна посреди ночи, так только о тебе. Во время припадка. А не о Джейми. Совсем не понимаю...

Съезживаюсь. Тесса попала в точку. Падение Джейми – не случайность, а зверское нападение. Которое случилось из-за меня. Весь день кулаки

сжимаются так, что белеют костяшки. Нервы натянуты, как струны, в ожидании, когда из темноты выпрыгнет демон. Я распутываю этот клубок, но мне нужна помощь, чтобы во всем разобраться. Но как это сделать? Кто поможет? Сказать Тессе? Но с чего начать? Как объяснить, что произошло? И как она отреагирует, узнав, какие ужасные поступки я совершила?

– Тесса! – Голос предательски дрожит, но я продолжаю: – Мне нужно кое-что тебе рассказать...

– Про Уэса, – она не спрашивает, а уточняет.

– Понимаю, сейчас не самый удачный момент, – киваю я.

– Для лучшей подруги любой момент удачный, Сара, – подбадривает она меня. – Я же вижу, что есть проблемы.

– Отлично. Мне надо выговориться. – Я вздыхаю полной грудью и закрываю глаза, а она уже заворачивает за угол к школе. – Ты должна кое-что узнать...

– Бог мой, Сара, ты только посмотри!

Открываю глаза: мы въезжаем на гостевую парковку. Исповедание откладывается. Сотни людей наводняют футбольное поле. Любители драм несут в руках свечи, девчонки из группы поддержки распевают гимны. Здесь все: сливки, маргиналы, неудачники, зубрилы. Возле трибун друзья утешают всхлипывающую девятиклашку – сомневаюсь, что Джейми с ней вообще хоть раз разговаривал.

А на самом поле не видно даже травы. Вокруг – лишь мягкая рябь теплых мерцающих огоньков, которые держат друзья, знакомые и незнакомые люди. Все, кто пришел поскорбеть из-за того, что случилось с Джейми.

Это прекрасно.

Но бесит.

Кто все эти люди, которые решили поплакать о Джейми, чтобы вырасти в собственных глазах? Им вдруг настолько не все равно, чтобы встать рядом с врагами и рыдать на плече незнакомца? Сейчас они ведут себя как приличные люди, а должны быть ими всегда. Видимо, чтобы встряхнуться, нужно, чтобы с очень хорошим человеком приключилась беда...

Я сама себя отчитываю за столь неподобающую реакцию. Положа руку на сердце, кто я такая, чтобы судить? Разве такое своеобразное отступление от размеренной, полной безразличия жизни не лучше, чем развязанная мной партизанская война? Конечно, случись подобное с простым любителем косплея, резонанс был бы намного меньше. И это раздражает почти так же, как хештег #поддержимджейми. Но ведь они не разыскивают обидчиков, не мстят им. Это делаю я. Эти лицемеры хотя бы

соблюдают правила приличия и никого не парализуют...

Меня мутит, в прямом смысле стало плохо от неутешительных выводов о человеческой природе, которые засели у меня в мозгу. Это влияние Уэса или мое собственное жалкое мнение? И что хуже? Поворачиваюсь к Тессе, хочу выпалить все разом, и пусть она разбирается, что за бред скопился у меня в башке. Но тут вижу, что она улыбается, а по лицу текут слезы.

– Разве это не восхитительно? – спрашивает она.

Откладываю признание в долгий ящик и улыбаюсь в ответ.

– Ага...

Сжимаю ей руку. Тесса для меня столько сделала. Она никогда не закрывала глаза на мое расстройство, ни разу не предала, когда я превратилась в персону нон-грата. И мой долг – не впутывать ее в это дело. Я не смогла защитить Джейми. Но ее уберегу...

Выходим из машины, к нам тут же подходит девушка со свечами в руках. Она протягивает одну Тессе и разворачивается ко мне. Невысокая миленькая блондиночка с круглым личиком из группы поддержки. Ее улыбка с ямочками на щеках как раз соответствует ситуации: дружелюбна, но печально торжественна. Она меня узнает и отдергивает свечу назад, я аж охаю. Ее улыбка превращается в презрительный оскал.

– Что ты тут забыла? – цедит она.

– Не поняла?.. – реагирует Тесса.

– Она слышала, – блондиночка пышет праведным гневом. – Здесь собрались люди, которые оплакивают то, что случилось с Джейми, а не те, кто стал этому причиной.

Первый порыв – надавать по щекам и стереть ямочки с лица этой соплячки. А второй? Подкинуть ей «Дексид». Вздрагиваю от того, насколько быстро мной овладела жажда мести, и весь мой пыл улетучивается.

– Все нормально. Я пойду, – говорю я.

– Ну уж нет! – выпаливает Тесса и делает шаг вперед. Я обливаюсь потом. Стать причиной драки, когда рядом скорбят по Джейми, – ужасная ситуация. Стою, не зная, как разрулить ситуацию, просто жду, когда закончится очередной скандал. Но тут я замечаю шапку рыжих волос и пару разбитых очков.

– Дамы, – влезает Грейди. – Мы все тут немного расстроены, но не стоит друг на друга срываться. Давайте не сегодня. Хорошо?

Тесса, не отрывая взгляда от блондиночки, отступает. А та не двигается с места, и Грейди, сунув руки глубоко в карманы, вздыхает.

– Линдси, – спокойно произносит он. – Угомонись и дай Саре свечу,

иначе, когда придет время чемпионата штата, поменяю вам, девушки, психостимулятор на успокоительное.

Линдси открывает рот, но оставляет это без комментариев. Бросает на меня ледяной взгляд и, уходя, швыряет в ноги незажженную свечу.

– Спасибо, Грейди.

Поднимаю свечу.

– Я бы сказал «обращайся», но не уверен, что услужу за всеми людьми, которых ты в последнее время достала, – отвечает он, и я умудряюсь улыбнуться по-настоящему.

– Та-ак, вот какая у нас, оказывается, есть клевая парочка... И как долго это продолжается? – Тесса переводит взгляд то на меня, то на Грейди.

Он пожимает плечами, и она смеется. И хотя то, что он сказал, – печальная правда, меня слегка отпускает, когда Тесса берет меня под руку, кивком приглашая Грейди пойти с нами.

Мы лавируем в толпе, и я спрашиваю о том, нет ли новостей из больницы.

Мама, скорее всего, была права насчет реакции родителей Джейми на мое появление, но нет такой силы, что удержала бы Зверя от постели лучшего друга.

– Вроде все прошло нормально, – делится Грейди. – Но пока Джейми оперировали, миссис Вашингтон все время рыдала.

Я прикусываю щеку, чтобы не зареветь самой.

– А есть еще варианты, что случилось-то? – спрашивает Тесса. – Не верится, что он недопрыгнул.

– Не-а, – говорит Грейди. – Но брат сказал, что один коп расспрашивал про наркоту. Чем довел мистера Вашингтона до белого каления.

– Наркотики? – ужасается Тесса. – Да ладно! Чушь какая. Это Джейми-то?

Она смеется, но выходит невесело, а я едва сдерживаю дрожь.

– Стандартные вопросы в такой ситуации, – хладнокровно отвечает Грейди и бросает на меня взгляд поверх очков. – К тому же никогда не знаешь, чего ожидать. Люди умеют удивлять.

Пока Тесса с жаром читает лекцию о порядочности Джейми и об извращенных взглядах Грейди, замечаю, что он за мной следит. Вдруг что-то знает? Но откуда? И что именно? О чем он мог догадаться? Может, считает, что я виновата в том, что случилось с Джейми? И так ли это на самом деле?

Мы притормаживаем на свободном пяточке, откуда видна импровизированная сцена у дальнего конца гостевых трибун. Хор как раз

заканчивает унылую версию баллады «Останься со мной», и мы все поджигаем свечи от свечи дружелюбной девчонки в цветастом платье поверх джинсов, эдакий хиппи-шик.

Триша Голдмарк берет микрофон и объявляет, что у южных трибун продают выпечку, чтобы собрать Джейми деньги на оплату счетов из больницы. Потом она информирует владельца голубой «Хонды Одиссей», что тот забыл выключить фары, а в конце представляет преподобного Хиллера, местного священника из Унитарной церкви, куда семья Джейми ходит на службы.

Моя мама считает себя последовательницей всех религий, поэтому мы побывали везде, где только можно: от службы по случаю Шаббата в храме Бет-Эль до молитвенных собраний квакеров. Так, кстати, нигде и не остались. Но когда его преподобие просит всех сплотиться и подойти поближе к сцене, я отчаянно хочу, чтобы его слова хоть капельку рассеяли весь этот туман вокруг.

Люди осторожно продвигаются вперед, заполняя пробелы, разделяя нас с Тессой. Между нами человека три, и я вижу: она еще с Грейди. Подруга цепляется за каждое слово преподобного Хиллера, в полный голос повторяя «Отче наш». Мои губы тоже зашевелились, вспоминаю, что осталось после пары занятий в воскресной школе. И начинаю верить в происходящее. Вдруг все эти голоса, которые объединились во имя любви и молитвы за Джейми, в самом деле помогут? Я очень хочу верить, что есть что-то еще, а не только тот хаос, что устроили мы с Уэсом.

Знаю, пути назад нет, но можно в будущем больше не совершать те ужасные поступки, на которые я способна. Ведь если есть заряженный пистолет, то совсем не обязательно нужно жать на курок. Я честно пыталась, пыталась остановиться, держаться от Уэса подальше. И к чему это привело? Джейми в больнице, Уэс где-то бродит, а я ума не приложу, что делать дальше...

Слушаю, как толпа нараспев произносит «аминь», и решаю помолиться. Это я еще не пробовала. Когда преподобный Хиллер просит толпу склонить головы и тихо поразмышлять, я, как и все вокруг, подчиняюсь.

Молчание сотен людей необычайно трогает душу. Впервые за многие дни я ощущаю умиротворение. Это настолько потрясающе, что меня накрывает: я совсем не привыкла к спокойствию. Не хочу упустить это ощущение, но не хватает воздуха, поэтому на секундочку поднимаю голову. И вижу его... Единственного, кто не опустил головы. Единственного, кто смотрит на меня в упор.

Прислонившись к трибунам, около которых продают выпечку, стоит

Уэс. И размахивает в воздухе печенюшкой. Пробираясь сквозь толпу, дохожу до него, когда преподобный Хиллер поднимает голову и скромный хор младших классов начинает петь.

– Печеньку? – интересуется Уэс.

Я выбиваю одну из его руки.

– Эй, – говорит девушка за столиком. – За нее нужно заплатить.

Уэс мне улыбается.

– Криста помогает собрать деньги, чтобы Джимми подлатали спину. Как можно не поучаствовать?

Влюбленная девятиклашка вспыхивает румянцем.

– Его зовут Джейми, Уэс. – Она умудряется шептать и хихикать одновременно.

Уэс стучает себя ладонью по лбу, Криста взвизгивает. Хочется пнуть обоих, но вместо этого я лезу за кошельком.

– Возьми печенюшки, – предлагает Уэс, подмигивая Кристе. – Язык проглотишь.

– Шоколадные, – прошу я.

– Четыре доллара, – говорит Криста и протягивает пакет на молнии, в котором примерно дюжина шоколадных вкусняшек.

Бросаю ей пять и хватаю Уэса за руку. К досаде Кристы, я оттаскиваю его от лотка к концу трибун, подальше от людских ушей и глаз. Но добежать обратно, если что, смогу.

– Кто знал, что людям нужна беда, чтобы собраться? – говорит Уэс, обозревая толпу. – Даже представить не могу, что бы они делали, если бы такое случилось не с одним тупым спортсменом.

Я бросаюсь вперед, но он хватает меня за руку, так что врезаться не получается.

– Не-ет, нет, – говорит он. – Сцены тебе не нужны.

– Думаешь, мне не плевать?

– Нет конечно, – отвечает он. – Но к этому мы еще вернемся. А сначала хочу дать тебе последний шанс. Да, мы повздорили. Сильно. Но если ты готова вернуться к нашему плану, то я полностью тебя прощаю и можем начать все с нуля.

Выступивший было холодный пот стал испаряться.

– Совсем с ума сошел? После того, что ты сделал с Джейми? – яростно шепчу я. – Да пошел ты!..

Я отталкиваю его, но он лишь сильнее сжимает пальцы (синяки точно останутся у обоих).

– Мы, кажется, это уже проходили? Успокойся, и я тебя отпущу. А

станешь драться, подсыплю «Дексид» каждому в радиусе пятнадцати метров и брошу Головешкам.

Я смотрю на незащищенных людей вокруг – достанется и Тессе с Грейди. Хочу сбежать, скрыться от этого кошмара, но понимаю, что просто уйти в сторону уже не получится. Что делать дальше – не знаю, но пока Уэс медленно меня сдавливает, выяснить это сложно.

– Хорошо, – соглашаюсь я и прекращаю сопротивляться. Он отпускает меня, и мы идем под трибуны. – Достаточно.

– Да ладно. Прогуляйся со мной, – урчит он.

– И не мечтай, – отвечаю я и скрещиваю руки на груди.

Ухмылка становится шире. Он протягивает руку.

– Иди сюда, или я...

– Или что? – выпаливаю я, терпение уже совсем на исходе. – Снова начнешь угрожать? По-другому девушку заполучить не получается? Ничтожество! – Он опускает руку, и я понимаю, что задела за живое. – Налицо проблемы в отношениях, – продолжаю я. – Попытайся охмурить подружку, притворившись другим персонажем. Не работает? Может, поколотить ее бывшего, пока он не окажется в больнице. И этого недостаточно? Тогда почему бы не ходить все время за ней по пятам, как унылое...

– Я сюда пришел не за тобой, – оправдывается он, но я не реагирую.

– Ты почти убил Джейми, а после приходишь сюда, где за него молятся? Что ты о себе возомнил? Улыбнись, и она уедет с тобой в закат? Спустись на землю! – со злостью выпаливаю я. – Это настоящая жизнь и настоящие люди. И так уж вышло, что многие из них мне не безразличны. Поэтому нет, я с тобой никуда не пойду. А останусь здесь, с друзьями, закадычными врагами, и теми, кто меня раздражает до чертиков. Потому что так поступают люди. Не пытаются контролировать весь мир. А просто живут в нем.

Уэс долго и неотрывно на меня смотрит. Эта молчанка должна чем-то закончиться, но я первой не моргну. Наконец он кивает.

– Знаешь, а я ведь уже запланировал наше примирение. Даже после всех твоих отказов и предательств считал, что вот она, моя вторая половинка. Мы дополняем друг друга. Я помогаю тебе осознать, насколько ты крута, а ты не даешь мне забыть про реальный мир, про то, что важно.

На улице прохладно. Но он подходит так близко, что я чувствую его тепло.

– Верить ты или нет, Сара, но ты для меня много значишь. – Он приподнимает уголки губ. – На мой взгляд, ты изумительна. Я правда так

считаю. И хочу видеть, как ты летаешь. Хочу помочь тебе полететь. Спрошу в последний раз: почему мы не можем это сделать? Вместе.

Он кладет руки мне на бедра, но впервые тело не отвечает на прикосновения. Внутри лишь ледяное спокойствие.

– Потому что использовать эту силу – значит злоупотреблять. При любом раскладе. До тебя не дошло? – отталкиваю я его. – Каждый раз, проникая в чьи-то сны, мы нарушаем границы, даже если ничего не делаем. Ведь в свою голову нас никто не приглашал. Вроде как взломать облако ради обнаженки, только формат другой, научно-фантастический.

Губы Уэса вытягиваются в ровную сжатую линию. Он закатывает глаза.

– Брр... Хватит с меня этих моральных дилемм! Ладно, как хочешь. Ты не в деле. Намек понял. – Он отступает на шаг назад, разминает шею, делает круговые движения плечами, так боксер разминается перед схваткой. – Похоже, ты со мной прощаешься, поэтому кое-что скажу, – Уэс прижимает ладонь к сердцу. – Я честно не знал, что Головешки могут проникать в спящих людей. Да, я хотел поквитаться с тобой и с Джейми, но понятия не имел, что все закончится именно так.

Я отвожу взгляд, но возникает мысль: а вдруг это правда? Даже сейчас я бы предпочла ему поверить, решить, что он хотел только припугнуть меня, потом вылезти из окна и благополучно доставить тело Джейми обратно в кровать.

– Я думал... и думаю, что Головешки существуют в противовес нам, чтобы мешать. Но спасибо Капитану Удивительность, – глаза Уэса вспыхивают, – теперь мы знаем, как справиться. Неплохая новость.

– Что? – переспрашиваю я. – Что значит «справиться»?

Уэс, наклонив голову, говорит медленно, словно с ребенком.

– Головешки, видимо, защищают сновидцев. От нас. Но внедряясь в человека, как в Джейми, они вызывают приступ. Вот почему, когда мы внутри, Головешки нас не трогают. Заметила, монстр, который попал в Джейми, исчез вместе с ним? Если мы загоним их в тела сновидцев, они не смогут выбраться и за нами больше не придут. Все. Свобода.

Как только я понимаю смысл сказанного, меня бросает в жар.

– Ты хочешь использовать людей как защитный экран?

– Если это избавит нас от монстров, то почему бы и нет, черт возьми?

Ругаю себя за сиюминутную мягкость (вот я дурочка!) и качаю головой.

– Потому что ты не можешь остановиться, Уэс. Но должен остановиться! Нельзя принимать «Дексид». Нельзя подвергать людей опасности. – Я заглядываю ему в глаза, обычно ярко искрящиеся, а теперь темные и холодные. – А-а-а, ты просто не хочешь? Ты убедил себя, что

внизу – лишь подвал, зато наверху, над Эмпайр-стейт-билдинг, можно летать. И это стоит больше, чем что-то или кто-то. Включая меня.

– Избавь меня от нравоучений, Сара, – отмахивается он. – Среди серости ты крута, но обратить меня в свою веру не сможешь. – Он брезгливо морщится. – Такие задатки! И кем оказалась в итоге... Жаль. Тот вокзал и все, что там происходит, – тоже наша жизнь. Это не выбор. Другого варианта просто нет. Ты получила способность и хочешь от нее отказаться. Пожалуйста. Мне по фигу. Что я? А я собираюсь править этим миром. Научусь контролировать каждый сантиметр царства грез. И если потребуется, то накачаю каждого, кто здесь стоит, проберусь в их кошмары, кину всех Головешкам. И ты меня не остановишь.

Он берет мое лицо в свои руки. Грубо, но я не трогаюсь с места.

– Я тебя не забуду. Ты помогла мне получить бесценный урок. Я бы ничего не смог, если бы не делал это ради тебя.

– Социопат, – бросаю я.

– Лицемерка, – отвечает Уэс, отпихивая меня. – Вы все горели желанием помучить друзей, пока это было по правилам тупой школьной вендетты. Но когда наступает мой черед сделать что-то более значительное, более шедевральное, то я тут же записан в злодеи. Нет уж! Невинных людей не бывает. Это, Сара, дивный новый мир! И если ты не со мной, то не путайся под ногами. До свидания. И сладких снов, – улыбается он. – До скорой встречи.

С этими словами он уходит.

Смотрю ему вслед, глухо бухает сердце. Не я создала это чудовище, но я помогла ему окрепнуть. И Уэс прав: мы способны на то, что недоступно другим, и как никто понимаем друг друга.

И только я могу его остановить...

Ныряю в толпу. Петляя между людьми, нахожу Грейди и Тессу, хватаю их за руки. Они протестуют, но я тащу их прочь, подальше от света, туда, где начинается очень длинная ночь...

Глава двадцать третья

Смотрю на двух людей, которым только что покаялась, раскрыв всю правду без купюр. Тесса и Грейди сидят на его кровати по-турецки, открыв рты. Переварить такое непросто, понимаю. Я жила со способностью попадать в сны других людей и проникать в их тела, и то самой трудно в такое поверить. Но держать это в тайне от Тессы больше не вариант. Она мне нужна. А Грейди? Только на него вся надежда. О чем-то он уже догадался, так почему бы не воспользоваться таким мощным интеллектом и не разобраться с остальным?

Поджав губы, Грейди пробегает рукой по волосам цвета тыквы и признается:

– Я знал.

У Тессы глаза лезут на лоб.

– Знал? Что конкретно? Что Сара считает, что она тусит в наших головах, пока мы спим, или что она встречается с Фредди Крюгером?

Грейди заливается краской.

– Нет, конечно, деталей не знал, но понимал: что-то происходит. А теперь все ясно.

– Да уж, ясно как белый день! – фыркает Тесса.

Хотя я понимаю, что с моей стороны это нечестно, но чувствую себя подавленно, ведь Тесса считает, что я рехнулась. Однако на обиды времени нет. Напоминаю себе, что сейчас как никогда нужно, чтобы поверил Грейди. Мне нужен его совет.

– И как мне остановить Уэса? – нетерпеливо спрашиваю я.

– Хороший вопрос, – отвечает он. – Откуда мне знать? Но догадываюсь, что ответ лежит в области вашего расстройства. Так что давай подробно разберем его. Похоже, то, с чем вы столкнулись, отчасти химия, отчасти миф. С химией все как раз более-менее ясно. Дексиднипам состоит из двух компонентов: снотворное с контролируемым высвобождением и противосудорожное. Правильно?

– Да, от него я сплю и не двигаюсь.

– Я так и сказал, – иронизирует Грейди. – Суть в том, что на этих функциях, относящихся к гомеостазу, во время сна сосредоточена наша нервная система. Основная задача которой – их поддерживать. И тот факт, что твое тело их не выполняет, означает, что те вещи, что тело выполняет

во сне, усиливаются. Так слепой чувствует запах намного сильнее обычного человека. Получается, тело не тратит энергию, чтобы тебя обездвигивать, и перенаправляет ее на другие вещи, которые ты делаешь во сне. Поэтому твои сновидения обостряются. Возможно такое?

– Да. Похоже на то.

– Подозреваю, что, когда ты принимаешь достаточно снотворного, чтобы действительно заснуть, и достаточно паралитиков, чтобы не двигаться, твое тело в качестве компенсации пропорционально усиливает анаболические функции. Ведь твои показатели электроэнцефалограммы зашкаливали?

– В клинике именно так и сказали, – отвечаю я. – У меня очень активная лобная доля.

– Естественно! – Грейди хлопает в ладоши, а его голос срывается на писк. – Как раз та часть мозга, которая контролирует осознанные сновидения!

Тесса поднимает руку и приостанавливает ликование.

– Стоп. Сдай чуть назад. О чем вы говорите? Что еще делает Сара, пока спит? Ведь пока мы спим, мы ничего *не* делаем. Поэтому и называем это – *спать*.

– Еще и наезжает, – качает головой Грейди.

– Тесса, понимаю, все кажется бредом... – начинаю я.

– Скажем так: невероятным бредом, – уточняет она.

– Невероятным, – терпеливо соглашаюсь я. – Но я никогда тебе не врала и начинать не собираюсь. Если не можешь поверить, не могла бы ты просто принять все как данность? Ради нашей дружбы. Ради меня!

На лице Тессы одновременно беспокойство, смятение и настороженность. Но она не возражает. Я снова переключаюсь на Грейди:

– Так чем моя лобная доля лучше, чем у простых смертных?

– Ну, – говорит Грейди, – кое-что науке известно. Например, когда ты спишь, клетки мозга как бы съеживаются и отходы жизнедеятельности легко проходят через мозг и выводятся из организма. Есть потрясающее исследование, которое связывает этот процесс утилизации отходов со снижением белка, причастного к болезни Альцгеймера. Отличная статья.

– Обалдеть, – пищит Тесса. – То есть, когда Саре стукнет сотня, она меня не забудет. – Она смотрит на Грейди в упор. – Если хотите, чтобы я следила за мыслью, не отклоняйся от темы. Давай, объясняй, гений ты наш! Какое это имеет отношение к тому, что Сара занялась колдовством и превратила Джиджи в куклу вуду?

Грейди поправляет очки, подвинув их выше на переносице.

– Что тут скажешь, дельта-волны, как и фраза быстрого сна, все еще большая загадка. Есть целый ряд функций, которые мы не понимаем даже частично, а наука о сне – вообще довольно молодая область исследований. Мы можем сканировать мозг и видеть, как эти области – пассивные во время бодрствования – загораются во время сна. Но это совсем не означает, что мы разбираемся, чем они занимаются в это время на самом деле.

Он делает паузу, для пущего эффекта делает глубокий вдох.

– Вот здесь приходит черед мифологии.

– Мифологии? – переспрашиваю я.

– Мифологии, – повторяет Грейди. – Практически в каждой культуре есть любимая история или теория, которая объясняет, почему наши тела отключаются на ночь и что значат сновидения, которые в это время нас посещают. У греков был Морфей, который через сны передавал пророчества богов. У народа одживбе привешивали амулет, ловца снов, чтобы кошмары не нарушали сон, время для восстановления. А в более поздних философских учениях Юнг предположил, что существует коллективное бессознательное, общее для всех людей. Именно во сне, по его мнению, можно получить к нему доступ.

– На вокзале, – говорю я. – Там мы с Уэсом встречаем людей, которые принимают «Дексид».

– И да, – бесстрастно отвечает Грейди, – и нет. Юнг рассуждал о врожденном бессознательном способе упорядочивания и познания мира, которым каждая личность обрабатывает свой собственный личностный опыт.

– Говори на родном языке! – взрывается Тесса.

– Во сне, – вздыхает Грейди, – мы все пытаемся разобраться с личными проблемами, которые не можем решить во время бодрствования. Достаточно разжевал? – Тесса выдает кривую улыбку. – Но ты заставила меня задуматься, – добавляет он тоном, предвещающим недоброе. – Что, если это коллективное пространство на самом деле материально? Ты говоришь, что засыпаешь, а потом пробуждаешься в бессознательном уже на железнодорожном вокзале?

– Да, на Центральном вокзале Нью-Йорка, – уточняю я.

– А почему на Центральном? – интересуется Тесса.

– Да, почему там? – вторит Грейди.

Они выжидающе смотрят, но ответа у меня нет. До этого я и не задумывалась, почему каждую ночь, с тех пор как принимаю «Дексид», попадаю именно на вокзал. Есть ли в этом какой-то смысл? Но только я открываю рот, чтобы это озвучить, как взамен вылетает позабытое:

– О нем обмолвился Ральфи, лаборант, еще в первую ночь в клинике. Я спросила, на что настраиваться, а он ответил, что один пациент каждый раз, засыпая, представлял железнодорожный вокзал.

Грейди так громко хлопает в ладоши, что Тесса взвизгивает.

– Отлично! Это все объясняет.

– Да, теперь точно все по полочкам, – огрызается она.

– Железнодорожный вокзал всего лишь обобщенный образ. – Грейди делает вид, что не слышал замечания Тессы. – Вымышленное место, в которое ты вцепилась, чтобы упорядочить пустоту. Подозреваю, Уэс был либо тем пациентом, кто впервые представил Центральный вокзал, либо этот лаборант подкинул ему тот же зрительный образ перед тем, как он впервые погрузился в сон на «Дексиде». Так или иначе, это всего лишь хлебные крошки, которые привели туда, где и нужно было оказаться: в коллективное бессознательное. И там, Сара, ты способна на астральную проекцию. Вы с Уэсом, как шаманы, метафизически странствуете по нефизическому миру, в котором неприменимы правила нашей реальности.

Слов нет, и я молча смотрю на Грейди. С одной стороны, я хочу радостно завопить, поблагодарить его за то, что не просто поверил, а разобрался в самой сути, столь невероятной. С другой – я просто опешила от правды, столь вероятной, что, похоже, я сейчас разревусь. Не успела я облечь это в слова, как Тесса вставляет свои пять копеек.

– Ладно, подождите-ка, – медленно тянет она. – Не то чтобы я верю, но ради нашей дискуссии... Думаю, я врубаюсь в эту шаманскую игру. Разве не считается, что разум, вообще-то, вовсе и не в теле? И если выпить немного пакостной бурды, можно проникнуть в другого человека и типа им управлять?

Мы с Грейди под впечатлением от услышанного смотрим на нее в упор.

– А что? – пожимает она плечами. – Я тоже кое в чем секу.

Тесса технично хватает шоколадный шарик из пакетика, что я купила на распродаже выпечки, и закидывает его в рот.

– В наши дни самую сильную бурду выпускают в форме таблеток, – говорит Грейди. – Наверное, «Дексид» позволяет тебе установить контакт с другими людьми, которых с помощью наркотиков ввели в состояние коллективного бессознательного.

– Как это было с тобой, – говорю я.

– Как было со мной, – соглашается он. – Но приняв «Дексид», я стал лишь пассивным участником этого царства. А ты, наоборот – благодаря невиданным функциям, которые при приеме этого лекарства возрастают по экспоненте, – способна абсолютно все и полностью контролировать. И чем

больше ты принимала, тем больше получала власти. Не только над собой, но и над всей областью бессознательного, объединенной «Дексидом», и над каждым, кто там находился.

– Но я такая не одна.

– Нет, – мрачно отвечает он. – Не одна...

Призрак Уэса, объявившись в комнате, возвращает нас к ужасной действительности.

– Почему я и Уэс? – интересуюсь я. – В исследованиях «Дексида» участвуют и другие, но они же не запрыгивают в чужую шкуру.

– А там есть еще люди с синдромом, как у тебя? – спрашивает Тесса. – Или, может, подростки?

Я качаю головой. Грейди выстукивает по дужке очков.

– Может, дело в расстройстве. А может, в твоём мозге. Понимаешь, в юном возрасте он еще в стадии становления: основные части коры только развиваются, хотя объем серого вещества все-таки больше, чем раньше считали ученые. Добавь к этому невероятно легкую возбудимость и непредсказуемые гормональные сдвиги... Неудивительно, что вы с Уэсом выдали своеобразную реакцию на непроверенное лекарство. Но причина не важна, факт остается фактом: ты особенная. Ну, и Уэс тоже.

Какое-то время мы все сидим молча: что тут еще скажешь? Тесса сует в рот еще печенье, с видом «а что еще делать?». Я присоединяюсь.

Наконец она нарушает молчание:

– Эй, я знаю выход! Почему бы не забрать у него «Дексид»? Ведь без лекарства Уэс так, обычный чудак. И если принять меры, чтобы он не мог никого накачать, как и сам принять таблетку, мы в безопасности. Правильно мыслю?

– Гениально, – улыбается Грейди. – При прочих равных, самый простой ответ – и есть правильный. Бритва Оккама.

– А, ну да, конечно, – говорит Тесса, – именно так я и хотела сказать...

– Я принял «Дексид» сам, – признается Грейди. – Но как вы, ребята, накачали Джиджи и всех остальных без их ведома? Брали из того, чем я вас снабдил?

– Ага, – признаюсь я, ощущая гигантскую волну стыда. – Но за это отвечал Уэс. И, сказать по правде, я не знаю, как он это делал.

– Понятно, что он не просто давал таблеточку, – говорит Тесса и, зевая, договаривает: – Никто из них не взял бы у незнакомца наркотики. Ну, может, разве Эмбер.

– Джиджи и Киара, – подтверждает, кивая, Грейди, – вообще не пробовали ничего сильнее алкоголя. Может, сигаретку с травой, так, разок.

Спортсменки не моя клиентура.

– Ах ты, бедняжечка... – потягиваясь, говорит Тесса.

Она тянется за последней печенюшкой, но Грейди выхватывает ее в знак протеста и отправляет себе в рот.

– Как ни крути, – говорю я, – но твои запасы мы израсходовали полностью. А в клинике выдают за раз только недельную дозу. Так что у Уэса, скорее всего, осталось две или три таблетки после того, как прошлой ночью он накачал Джейми и сам принял лекарство. Минус в том, что впереди целая ночь. А плюс – она будет только одна.

Вдруг краска отливает от лица Грейди, и он страдальчески охает.

– Что такое? – спрашиваю я.

– В свою защиту скажу, – начинает он, – я на тот момент и понятия не имел, что происходит. Я подумал, что он хочет врезать Джошу за то, что тот дал Джиджи тебя сфотографировать.

– Кто хочет вре... Уэс хотел побить Джоша? Грейди, ты вообще о чем?

Тесса громко зевает.

– Простите, простите, – говорит она, лениво потирая лоб. Ее взгляд стекленеет. – Я только прилягу на минутку.

Она откидывается на кровать, а я не отрываясь смотрю на Грейди.

– Вчера Уэс попросил помочь ему встретиться с Джошем, – признается он. – Дал немного налички и заставил пообещать, что я об этом забуду. Я решил, что он хочет надрать этому неудачнику задницу. А что, я не против, Джош тот еще засранец. Но я не подумал, что Уэс собирается за новой порцией «Дексида»...

Отмечаю, что новости плохие, но, когда пытаюсь открыть рот, зеваю. Присматриваюсь к Тессе: она свернулась клубочком, обняв подушку.

– Джиджи никогда бы не взяла у Уэса таблетку. Но если ее в чем-то спрятали...

И вспоминаю... *Единственное, что вынес Уэс из закрытых школ, – это как напичкать девчонку снотворным и не спалиться.*

У меня падает сердце. Я перемахиваю через всю кровать к Тессе, чуть не упав.

– Сколько печенья ты съела? – трясу подругу изо всех сил.

– А?.. – невнятно реагирует она.

– Сколько печенья ты съела? Тех, с распродажи. Что я купила?

На секунду ее взгляд обретает осмысленность.

– Пять или шесть... Да, шесть.

– Молодец, – бормочет Грейди.

Я многозначительно смотрю на него.

– Ой, ой-ой-ой... Сейчас вернусь!

Он мчится в ванную и вызывает рвоту, чтобы вышло все начиненное «Дексидом» печенье.

– Слушай меня, Тесса! – лихорадочно тараторю я. – Уэс тебе ничего не сделает, пока я рядом. Ему нужна я. И я скоро приду. Все будет хорошо. Обещаю!

Стараюсь, чтобы она не заметила, как я паникую. Через пару секунд Тесса уснет и станет легкой мишенью для Уэса. Сколько съела я? Через какое время я окажусь с ней во сне? Во сне с ним?

– Я с первого взгляда должна была понять, что он положил на тебя глаз, – говорит Тесса, и в ее усталом голосе слышен страх, еле-еле, но различимый.

– Кто? Уэс?

Она снова зевает (я следую ее примеру).

– Как-то слишком быстро он опустил Джиджи ради девчонки, которую никогда не видел...

– Ты про конфликт в коридоре? – Я качаю головой, которая все тяжелеет и тяжелеет. – Нет, ты забыла? Я рассказывала. Мы уже встречались. За пару ночей до этого, когда остались в гостях с ночевкой. Уэс был в моем сне в лесу.

Я замираю. Как до меня раньше не дошло? Первый раз, когда я увидела Уэса, первый наш совместный сон развернулся в заповеднике позади футбольного поля Хорсменов. Он начался не на вокзале! Потому что это был мой сон.

– И я не принимала «Дексид», – громко заявляю я.

Грейди прав. Каждый может попасть в царство сновидений, не важно, принимает он «Дексид» или нет. Каждый находит там свой собственный смысл. Вокзал Уэса всего лишь еще одна ипостась моего заповедника, ярмарки Грейди или кухни Джиджи. Мы упорядочиваем хаос неизведанного, чтобы его контролировать.

Только мы с Уэсом отличаемся от других. Еще в детстве наши тела вели себя во сне не так, как обычно. Это давало нам доступ к царству грез, мы просто не понимали этого, пока чудный коктейль – синдром, подростковые гормоны, еще и «Дексид» – не ввел наше сознание в игру. Именно так я нашла Тессу в ее сне на пляже, и так Уэс обнаружил меня в лесу. Дверь в чужие сны всегда была там, «Дексид» всего лишь дал нам ключ.

Но теперь эту дверь надо закрыть крепко-накрепко.

– Тесса, когда заснешь, иди в лес за школой. Спрячься среди деревьев и

жди меня. Я тебя найду.

– Идти в лес, – на выдохе повторяет она.

– Я скоро буду, – уверяю я. Начинает покалывать конечности. – И тебя в обиду не дам.

Она смотрит на меня сквозь полуопущенные веки, а потом погружается в глубокий сон.

В дверях комнаты появляется Грейди.

Мои веки отяжелели.

– Он примет большую дозу, так что будет сильнее. – Язык начинает заплетаться, и я глотаю слова.

– А ты будь умнее, – отвечает Грейди. – Сама только что сказала Тессе, что в первую вашу встречу не принимала «Дексид». Используй это. Возможно, «Дексид» нужен, чтобы контролировать других людей. Но дать Уэсу отпор ты можешь. Вы оба – особенные. И действительно связаны. И пока он распускает нюни по этому поводу, ты можешь этим воспользоваться. Чтобы получить преимущество, используй те знания, которых нет у него. А ну-ка повтори!

– Мне не нужен «Дексид», чтобы добраться до него, – с трудом бормочу я, устраиваясь рядом с Тессой.

Грейди кивает.

– Железнодорожный вокзал ненастоящий.

Он становится возле меня на колени.

– Природный ландшафт там отсутствует. На строения тоже не обращай внимания. Это просто упорядочивает то, что ты не понимаешь. Не надо зависеть от окружения. Прорывайся. Уэс считает, что действует вне рамок. Но ты-то знаешь, что рамок просто нет.

Я мигаю все реже.

– Я видел тебя на поле, Сара. – Я слышу голос Грейди, но как-то издали, словно он говорит с противоположного конца тоннеля. – Ты бестия! Так сотри его в порошок.

У меня закрываются глаза.

И я сплю.

Глава двадцать четвертая

Хлоп глазами – темнота

Хлоп – туман

Хлоп – свет, тусклый и далекий

Хлоп – теперь немного ярче

Хлоп – сияющий, ослепительный

Хлоп – наверное, прожектор

Хлоп – наверное, смотрю на солнце

Хлоп – похоже, сейчас ослепну

Хлоп – мне слепит глаза

Хлоп – мне СЛЕПИТ глаза

Хлоп – это...

<вдох>

Я жадно хватаю воздух, словно всплыла на поверхность, пробыв под водой слишком долго. Заслонив глаза от слепящих фар поезда, спотыкаясь о металлические рельсы, добредаю до стены и облакачиваюсь.

Нужно время, чтобы сориентироваться на местности. Я в тоннелях Центрального вокзала, прямо на путях поезда на холостом ходу... вымышленного поезда. Если собраться, я его не увижу. Не думай вне рамок. Вспомни, что их просто нет. Концентрирую внимание на дыхании, затуманивается взгляд. Никакого давления, переживаний, ничто не запирает, ничто не сдерживает.

Исчезает поезд.

Тают стены.

Я стою в плотном сизом тумане из того сна, в котором впервые увидела Уэса. Еще до «Дексида». В ту ночь я пыталась убить Джиджи. Вокруг ничего, кроме подернутой дымкой пустоты, которая когда-то наводила на меня скуку. Скуку! Что бы я сейчас только не отдала за столь дежурную жалобу.

Пробираюсь сквозь небытие, как вдруг замечаю какой-то отблеск справа перед собой. Дверь. Светится, чуть мерцает. И еще одна напротив, слева, а еще одна позади. Целый коридор сновидений, которые только и ждут меня. Уэс накачал всех этих людей. Сколько их здесь? И где он сам? Где Тесса?

Тесса. Привязать надо было. Почему я не попросила Грейди ее

привязать? Я так умоталась, все мысли были только об Уэсе. Если бы я не забыла, Тесса была бы в безопасности. Я смотрю на мерцающие вокруг двери. Но это не спасло бы остальных. Что приготовил им Уэс?

Останавливаюсь у ближайшей двери. Выцветшего коричневатокрасного цвета, полуприкрыта. Руки сами тянутся к ручке, но я останавливаюсь на полпути. Воздух вокруг накаляется, туман сгущается. Нос щекочет непонятный запах... Какая-то гниль, что ли? Уши закладывает от низкого рычания.

Меня пробирает первобытный страх, и железнодорожный вокзал – вокзал Уэса – восстанавливается сам собой. Я внутри вагона, но не во сне, смотрю прямо в изуродованное лицо голодного Головешки.

Пячусь назад, утыкаясь в стекло раздвижной тамбурной двери. Головешка смотрит прямо на меня, заглядывает в душу и щерится. Все кончено... Некуда идти, негде спрятаться... Я в миллиметре от монстра, который может помешать мне остановить Уэса. Не будет даже шанса попытаться... К нападению я готова.

Но Головешка меня не хватает.

Он фыркает носом, как лошадь морозным утром. А потом встает на посту в дверях, ведущих в сон.

Пронесло...

Но почему?

Почему он меня не сожрал, не остановил, пока я не добралась до какого-нибудь сновидца? Я стою в коридоре вагона и наблюдаю, как Головешка обходит дозором этот сон. Каждый раз проходя мимо двери, он отмечает, что я еще здесь, но не делает и шага в мою сторону. Он играет от обороны, удерживая ее линию. Защищая сновидца, он ждет кого-то более опасного, чем я.

– Только не это, Уэс, – шепчу я. – Сколько таблеток ты принял?

Я оглядываю поезд и хватаюсь за голову. Вагон пуст. Ни единого пассажира. Везде валяется мусор, бумажки, стены изуродованы граффити. Это не тот знакомый мне блестящий вагон. Это место отравлено. И я бегу вперед.

Прохожу мимо дверей в купе. Некоторые из них закрыты, но большинство либо приоткрыты, либо настежь распахнуты. Внутри открываются разные картины. Но все с участием ребят из моей школы.

В одном купе Триша Голдмарк удирает через обледеневший лес от окровавленного маньяка, в другом – любовь моей юности, точнее, шестого класса – Денни Крингл разгуливает по кишащему крокодилами болоту. Напротив рыдает Криста, продававшая выпечку, а какой-то мутант,

пакуссвинья-женщина, один за другим пихает ей в рот шоколадные кексы. По вымазанному шоколадом лицу текут слезы. И тут в проеме двери, ведущей в кошмар, появляется Головешка.

Кошмары – вот что творится кругом. Кошмары, потому что во снах присутствуют Головешки, их порочное естество заражает подсознание спящего. За это тоже стоит поблагодарить меня и Уэса...

Уэс. Где же он?

Выкидываю все мысли, стараюсь не фокусировать зрение, смотреть сквозь поезд. Краем глаза вижу рядом какое-то свечение, оно отплясывает как во сне Джейми. Оборачиваюсь в надежде, что оно приведет меня к Уэсу, в надежде, что оно поможет понять, зачем он все это делает.

Не успеваю и шага сделать, в бесплотном тумане материализуется какой-то предмет, появляется... рука. Она толкает меня в грудь. Я падаю на землю с громким «ой». Стены поезда внезапно возвращаются на место, запирая меня, и в этот момент замечаю Уэса. Он становится рядом со мной на колени, пока я перевожу дух.

– Ты пришла! – пылко говорит он.

– А у меня был выбор? – скрипя зубами, спрашиваю я.

Рывком сажусь, придвигаюсь поближе ко сну Кристи, Головешке и всему прочему. Хочу увеличить расстояние, насколько это возможно, между собой и настоящим чудовищем.

– Сколько людей ты накачал, Уэс?

– Не считал, – пожимает он плечами. – Я отдал это на откуп печенюшным богам. Но постарался, – добавляет он лукаво и игриво, – чтобы пара важных гостей приглашение получила точно.

На его лице появляется озорная ухмылка, и я прихожу в бешенство.

– Сколько сама съела, пока поняла?

Молчу.

Его когда-то волнующая меня, но теперь лишь раздражающая ухмылка все шире.

– Да ладно, Сара. Признайся. Ты рада здесь оказаться. Ты хотела прийти. Тебе нравится здесь быть. Быть со мной...

– Я здесь не ради тебя, – цезжу сквозь зубы.

Его бесконечный рефрен уже достал. И хотя я успеваю закрыть рот, не назвав имени, вижу, как в его глазах мелькает догадка. Вот дура.

– Тесса! – у него вырывается радостный крик. – Так здесь Тесса?

– Нет, – вру я.

Усмехнувшись, Уэс начинает осматривать двери.

– Интересно, как к ней попасть?

Накатывает до боли знакомая паника.

– Уэс, не трогай ее!

Бесполезно.

– Пряма музыка для души! Формально ведь это ты дала ей печенья с начинкой. Не я. То есть попала она сюда исключительно по твоей вине. – Он поворачивается ко мне лицом. – Но если хочешь, можем договориться.

– Как? – напрягаюсь я.

– Я обменяю всех этих беззащитных бедняжек – обещаю: ни один волосок не упадет с их невинных головок, – если уступишь мне Тессу. – Его глаза теперь как щелочки, улыбка исчезает. – Я брошу ее посередине неосвященной магистрали в четыре утра, а может, она будет пить касторку, литр за литром, пока не лопнут все кровеносные сосуды в выпученных глазах. Я буду пинать ее спящее тельце, буду делать все, что в голову взбредет, а ты и пальцем не пошевелишь. Смотреть разрешаю.

– Да пошел ты! – кидаю ему я.

– Повторяешься, – огрызается он в ответ.

Смотрит на меня свысока, вместо страсти в глазах омерзение.

– Пришло время двигаться дальше. У нас, конечно, все было прикольно, но воображения тебе не хватает. Досадно... Я мыслю широко, а ты циклишься на какой-то ерунде. Как там Эмерсон говорил? «Бессмысленное постоянство есть признак скудости ума».

– Точно, – презрительно усмехаюсь я. – Потому что я не собираюсь калечить людей ради забавы. Знаю, мамочка с отчимом тебя не сильно любили, но не находишь, что крушить все на своем пути немного банальный способ поистерить по этому поводу?

– Господи, какая зануда!.. – Он разворачивается и идет по проходу.

Вскакиваю на ноги и спешу за ним. Если больше нет вариантов, то хотя бы его приторможу. Чем больше я удерживаю его внимание, тем меньше времени у него остается на то, чтобы найти Тессу.

– Что, если это не ты, Уэс? Что, если ты так себя ведешь из-за «Дексида»? Я помню, какие странные были ощущения после того, как мы приняли четыре таблетки. Я была не в себе. Лекарство повлияло на способность мыслить здраво. Я хотела сделать такое, чего никогда бы...

– Опять за свое? – Он резко тормозит, и я врезаюсь в него. – Это твоя проблема, не моя. У тебя плохо усваивается лекарство, а я тут при чем? Я хорошо себя чувствую. Даже отлично! – Он качает головой. – Знаешь, Сара, мне нравилась именно ты. Разве сложно понять, что я – это я, просто в тысячу раз лучше. Я чувствую себя потрясающе, и в этом нет

ничего плохого.

Он заглядывает в какую-то дверь.

Тессы там нет.

Это похоже на русскую рулетку: выжил еще один круг, но пуля неотвратно приближается ближе. Ее встреча с тобой лишь вопрос времени.

– Ты рассуждаешь как наркоман, – замечаю я.

Уэс продолжает идти по коридору.

– Можно трепаться сколько угодно, ты же понимаешь. Правда в том, что мне плевать на этих людей. Тупых, слабовольных. Кстати, когда мы проворачивали нашу маленькую месь, ты тоже так считала.

– По-моему, идею подкинул ты, – парирую я.

Он заглядывает в очередную дверь, и я задерживаю дыхание, но потом вижу, что там какая-то заучка из десятого класса бежит через библиотечные полки, а сверху падают тяжеленные тома.

– Но хотела этого ты! – отвечает он. – Они опозорили тебя, ты опозорила их. Око за око. И будь честна хотя бы сама с собой: тебе понравилось.

Я вспыхиваю. Как ни прискорбно, но Уэс прав. Можно, конечно, сказать, что меня ослепила страсть, но кого я обманываю? Дело не только в чувствах к Уэсу. А в контроле. В силе.

Он успевает дойти еще до одной двери, а я понимаю, что зря трачу время, стоя на месте.

Хочу догнать его, но он уже идет обратно. Из дверного проема на него рычит Головешка, но порога не переступает. Уэс хохочет.

– Видишь? – говорит он. – Как я и сказал, Головешки сделали выводы. Фокус с Джейми научил их уму-разуму. Они не горят желанием попадать в спящего, ни умышленно, ни случайно. Но нас-то им надо остановить. Поэтому теперь они держатся поближе к своим воспитанникам, а не бегают за нами. Просто класс!

Он подходит к двери. Напротив него, но по ту сторону, Головешка. Уэс прав. Монстр не предпринимает никаких попыток его схватить.

– Видишь? Вот как с ними можно справиться. Прими достаточно «Дексиды», накачай достаточно людей, и эти чудовища будут нести караул внутри сновидений.

– Ты хочешь сказать, по одному Головешке на сон? – не могу удержаться я. – И они в нем сидят? Что бы ни произошло?

Кивая, он показывает на металлический порожек на полу, который создает своеобразную границу между вагоном и сном.

– Пока не пересеку порог, они за мной не погонятся. Остается лишь ждать. Когда Уродец будет обходить владения дозором и отойдет от двери, проскользнуть в сон и первым добраться до спящего человека. Не так и сложно, когда один на один. Если я за раз иду только в один сон, там нужно справиться только с одним Головешкой – никто ему на помощь не придет. Потом я помогаю монстру упасть в сновидца, и хлоп! Можно вычеркивать. И так одного за другим. – Он улыбается прямо в морду чудовищу, подначивая его. – Вот прикольно!

Смотрю на сердито рычащего монстра. Он так хочет заполучить Уэса, что еле сдерживается. Если бы его сюда выманить... выманить всех и сразу. Но как?

Уэс важно вышагивает к следующей двери.

– На этот раз не я подопытная крыса. А они. А я провожу эксперимент. Вот мое призвание. Цель всей моей жизни. Понять этот бескрайний неведомый мир, раз уж я стану тут королем. Привнести порядок и обеспечить контроль над хаосом. Раскрыть...

– Эй, Уэс, – прерываю я. – Знаешь, почему так хочется угробить твою жалкую задницу? Чтобы не слышать фигню, что ты несешь.

Я резко наклоняюсь к ближайшему сну и просовываю руку в открытую дверь. Головешка, который стоял в дозоре, внезапно получает свободу передвижения, и клянусь, его нелепое изуродованное лицо улыбается.

Чудовище, выбираясь из сна, с грохотом вываливается из купе, неуклюже плюхается на пол вагона. Уэс оглядывается назад и застывает от удивления, но потом страх дает ему под зад. Головешка поднимается на ноги и ревет.

Уэс бежит. Я не отстаю.

Я слеую за ним по вагону и по пути засовываю руку, ногу, локоть внутрь, выпуская Головешку за Головешкой, Головешку за Головешкой. Сначала Уэс слишком занят, спасая свою шкуру, и не понимает, что происходит. Когда до него доходит, мы уже пробежали второй вагон и половину третьего. Тут он останавливается и хватает меня. Мы падаем в открытую дверь и вываливаемся в...

Кабинет.

Без каких-то опознавательных знаков.

Абсолютно стерильный.

Лампы дневного света дают чуть желтушный отблеск. За каждой партией сидит ученик и пишет тест. В проходах между рядами несет службу кадровый состав школы, провоцируя любителей пописывать доставить им удовольствие. На доске три буквы: S. A. T. Это тест на

проверку академических способностей.

Сон выглядит довольно безобидно, в отличие от кошмаров, с которыми я сталкивалась в других купе. Но потом в центре всего действия замечаю Зверя Бутховски, старшего брата Грейди, за партой под самой яркой лампой. В тесте ни одного ответа, и он весь мокрый от пота. В прямом смысле весь, я очень хорошо это вижу. Вконец растерявшийся Зверь сидит и пишет тест абсолютно голый.

Я заливаюсь краской: неловко и за спящего, и за себя, но тут замечаю сбоку движение. С дальнего конца кабинета несется Уэс, прямо на Зверя. Я отталкиваю какого-то учителя при исполнении и перелезаю через крышку парты. Всего за секунду до Уэса я добираюсь до Зверя, но мне этой секунды хватает, чтобы запрыгнуть в его тело первой.

Шших.

Хлоп.

В комнате Зверя горит свет. Он заснул прямо за письменным столом. Чтобы взбодриться, я тру глаза, отъезжая назад в кресле на колесиках. Распахиваю дверь, бегу по коридору в спальню напротив.

– Эй, дверь закрыта не просто так, – говорит Грейди, когда я, то есть Зверь, силой пробиваюсь к нему.

– Фиксируй Тессу, – приказываю я тоном, по крайней мере, на две октавы ниже собственного.

– Сара? – Грейди переводит взгляд с брата на мое бездвижное тело рядом с Тессой, и его кожа становится бледной как снег.

– Конечно, я буду рядом, – запинаясь, убеждает он.

Я трясую головой Зверя.

– Нет, в прямом смысле зафиксируй. Свяжи.

Он недоуменно пялится на меня.

– Справишься, Грейди? – настаиваю я. – Ну?

– Да. Конечно, справлюсь.

– Отлично. Теперь бей меня, то есть Зверя, и тоже вяжи.

– Чего? – он с ужасом смотрит на меня.

– Это единственный способ покинуть тело, – объясняю я. – И не говори, что никогда не хотел вмазать своему братцу.

– Да, но... Сара, стой. Еще кое-что.

– Что? – нетерпеливо спрашиваю я: мне надо возвращаться на вокзал.

– Когда ты ушла, я тут думал...

– Некогда думать, Грейди. Бей!

Он быстро тараторит:

– То, что вы с Уэсом одинаково отличаетесь от других, не значит, что вы похожи. Даже если «Дексид» выявил общие способности, он не указывает, как ими распоряжаться.

– И что это значит?

– Вы оба под кайфом, но дороги у вас разные.

– Слишком образно, – предупреждаю я. – Давай ближе к тактике боя.

– Уэс – наркоман, – ляпает Грейди. – Организуй передоз.

Хлоп!

Слова Грейди теряются где-то между телом Зверя и его сном. Лежу на полу рядом со спящим, но не припоминаю, чтобы Грейди меня ударил. Потом доходит, что произошло.

Теперь внутри тела Уэс. Он впрыгнул и выпихнул меня, так же, как я в ту ночь, когда мы навещали Джиджи.

Голый Зверь, одержимый Уэсом, носится по кабинету из своих кошмаров, стучается о парты, подминает под себя стражей порядка и насакивает на студентов. Я съезживаюсь от одной мысли, какой ущерб в реальном мире от этого почти двухметрового полузащитника, но тут он замирает и оседает на землю. Из него вываливается Уэс, и я улыбаюсь.

Грейди только что тюкнул своего братца. Однозначно.

Сквозь двери рвутся полдюжины спасенных из других снов Голоवेशек, времени на раздумья нет. Уже на ногах, уже бегу. Собираюсь, размываются все очертания, осматриваюсь в этом тумане, вижу впереди зону еле заметного свечения. Это, наверное, выход. Довольно скоро рядом оказывается Уэс. Он совсем не дурак. Может, он и не в курсе, как я до этого додумалась, зато точно знает, куда я направляюсь. Распахиваю дверь в кладовку, где хранится уборочный инвентарь, и мы покидаем этот сон.

Возвращаемся в грязный вагон, но Голоवेशки наступают на пятки. Уэс летит по коридору, краем глаза заглядывая в каждую дверь. Четыре купе он уже пробежал, как вдруг цепляется за что-то взглядом и останавливается. Смотрит на меня, расплываясь в улыбке. Озорная ухмылка, опасная, от нее пробирает до глубины души. Бог мой, пожалуйста, только не Тесса!..

Он впрыгивает в сон.

Я следом.

Здесь уже не неоновый сон Зверя. Этот – темно-синий, темный и мрачный. Чтобы к нему привыкнуть, я моргаю, и передо мной открывается невероятный вид. Это же клиника, моя клиника, место, где все началось... Я бегу за тусклыми огоньками, беспорядочно мерцающими то тут, то там. По коридору с палатами и смотровыми. В кроватях стонут зомбированные люди, а безликие лаборанты равнодушно выполняют бессмысленные поручения: снимают жизненно важные показатели, читают распечатки, вносят данные. Снова и снова.

Позади эхом разносится вой. Я не останавливаюсь, понимая, что Головешки уже близко. По пути просматриваю каждую комнату, гадая, в чей попала сон и где найду Уэса, как вдруг меня кто-то высвистывает. Иду на звук в комнату для персонала и вижу Уэса в паре футов от Джоша Моврея.

– В любую секунду появятся Головешки, – говорит он. – Но если мы выставим Джоша как кеглю в боулинге и вовремя уберемся с дороги, он получит по заслугам, а мы сбежим. – Уэс беспечно улыбается. Я сжимаю руки в кулаки. – Так ты со мной? Или, вся такая благородная, пойдешь ко дну ради извращенного засранца?

Тупиковая ситуация. Как ни крути. Можно спастись, проявив крайнюю степень лицемерия, то есть мою суть, по мнению Уэса, чего он и добивается. Или меня изгонят из царства сновидений, и я очнусь парализованной, без единого шанса помочь Тессе.

– Если бы не Джиджи, этот злодей сделал бы с тобой кое-что и похуже, – хитро напоминает Уэс. – Ты знаешь, как прекрасна месть! И давай начистоту. Поллианна – не твое ампула. – Внезапно меняя тактику колких комментариев, он спокойно и проникновенно добавляет: – Сделай выбор по совести, Сара. Даже если он не самый правильный.

Бросаю взгляд на дверь, которая дребезжит от тяжелых надвигающихся шагов. Этот путь ведет прямо в руки Головешкам, я не смогу защитить Тессу, не смогу справиться с Уэсом. Но даже если откажусь подставлять Джоша, Уэс прыгнет в его тело или бросит Головешкам. А сам сбежит.

Я смотрю на Джоша. Ему не поздоровится при любом раскладе. И жуткая правда в том, что мне плевать на него. Уэс прав. Если быть с собой абсолютно честной, мне даже приятно осознавать, что в конце концов Джош будет наказан за свои грехи.

Проблема выбора не в Джоше. А во мне. Киваю головой, смиряясь с фактом, что неверные решения и темные делишки не совсем заслуга Уэса. Я руку тоже приложила. Теперь пришло время все остановить.

– Отлично, – говорю я, направляясь к Джошу, а Головешки уже итурмуют комнату. Глаза Уэса блестят от удовольствия: я сдалась, и он кайфует. Столкнуть меня с моей истинной природой – это здорово, но заставить меня проделать такое самостоятельно – еще лучше. Но как верно подметил Грейди, Уэс не все знает... Не доходя до Джоша, я делаю крутой поворот и бросаюсь в тело своего соперника.

Расслабляю зрение
дыхание
разум
и освобождаюсь от сна
освобождаюсь от правил
потому что знаю: никаких правил нет.

Мы падаем навзничь, проваливаемся сквозь пол, летим прямо в этот туман, где нет ни стен, ни правил...

С минуту мы летим в пустоте, и я наслаждаюсь. Такая свобода, такое раздолье! Была бы одна, падала бы в этом небытии хоть всю ночь. Но я не одна. Уэс впивается зубами мне в плечо, я теряю контроль, и мы впечатываемся в землю.

Снова в поезде, снова играем по правилам, которые придумал Уэс. Он сразу на меня набрасывается, и мы сцепляемся. Уэс хватает меня за кисть, выворачивает руку за спину. Взревев, я тычу мизинцем ему в ухо. Он вопит от боли. Потом наматывает пряди моих волос на обе руки и приподнимает голову. Я пинаюсь, пытаюсь его укусить, но Уэс впечатывает мою голову в пол вагона, и схватка закончена. У меня пропало боковое зрение: вижу только, как он уволаскивает свое тело в противоположную от меня сторону. Сначала медленно, потом, набирая скорость, удирает по длинному узкому коридору в следующий вагон.

Слышу низкий рык. Монстры нас унюхали. Поднимаюсь на ноги и мотаю головой, чтобы избавиться от звона, который слышу то в одном, то в другом ухе. Зрение возвращается. Я неуклюже плетусь по проходу, пытаюсь устоять на ногах, крепко цепляясь за сиденья, потом начинаю медленно ковылять за Уэсом уже без опоры. Воздух позади сотрясается от кряхтения, ворчания и урчания, но я не оборачиваюсь.

Около раздвижных дверей вижу яркий свет. Как бы Уэс ни старался, меня не проведи. Я всегда его найду.

Он исчез в чьем-то сне, но я тут как тут. Измотанная и побитая, но полная решимости, споткнувшись, я падаю головой вперед в какую-то...

Листву.

Хрупкую.

Хрустящую.

Густую.

Листья падают со всех сторон. Прилепляются к одежде, путаются в волосах. Приподнимаюсь на локтях и, отряхиваясь, понимаю, где нахожусь. В природном заповеднике позади футбольного поля Хорсменов. Там, куда я отправила Тессу.

В ее сне.

Поднимаю себя на ноги, начинаю искать подругу, понимая, что где-то рядом Уэс. Натыкаюсь на булыжники, корешки, галечные тропинки. Отчаяние растет, и я все более неуклюжа: падаю, обдирая ладони с коленями. Знаю, что ждет меня, и боюсь.

К свисту ветра примешиваются рычание и вой. Наступают Головешки, а я не могу понять, насколько они близко, сколько их. Но это не важно, лишь бы первой добраться до Тессы и Уэса.

Потом...

Деревья редуют, и я попадаю на полянку.

Посередине сидит Тесса.

Рядом стоит Уэс.

Заговариваю с ним, но все бесполезно.

Он прыгает

прямо

в ее

тело.

Со всех ног мчусь к Тессе и беспомощно смотрю, как она навзничь падает на землю. Глаза стекленеют, тело начинает дергаться, потом дрожит, потом бьется в конвульсиях. Кажется, что у нее ужасный эпилептический припадок. Но Тесса не встает. Лежит на спине, корчится и больше чем на тридцать сантиметров ни в одну сторону не двигается.

Облегченно вздыхаю. С Тессой все будет в порядке. Грейди ее связал. Уэс ничего не сможет сделать с ее телом, он даже стукнуть себя не в состоянии, чтобы вернуться сюда. Попался в ловушку.

Пара секунд, чтобы передохнуть. Настроиться на непростое решение, которое я уже приняла. Единственное, что мне осталось...

Сижу рядом с извивающимся телом лучшей подруги, пока в конце концов она не замирает. Догадается ли Уэс, что его ждет? Может, он вынашивает какой-нибудь план? Или смирился с судьбой?

Ворчание и рычание становятся громче: на полянку выходят Головешки. Не знаю, сколько их, привлеченных кошмарным количеством «Дексида» в крови Уэса. Кажется, что им нет конца. Они повсюду, они вокруг нас.

На меня движется, вздымаясь, полчище Головешек, а я наклоняюсь к Тессе и шепчу ей на ухо:

– Уэс, прости меня! Я бы хотела, чтобы конец был другим...

Впрыгиваю в тело подруги и выталкиваю Уэса.

Открываю глаза, лицо пылает. Грейди уже занес надо мной тяжеленный фолиант. Командую: «Бей! Быстрее». Он с испугом смотрит на меня, судорожно сглатывает и опускает энциклопедию...

Возвращаюсь в кошмар своей лучшей подруги, и уши закладывает от мучительного крика. Через секунду понимаю, что кричу не я. Оглядываюсь и вижу Уэса, запутавшегося в толпе Головешек. Он вырывается, но круг смыкается лишь плотнее и плотнее.

В голове всплывает: «Передоз».

На секунду встречаюсь глазами с его диким взглядом. А потом и меня окутывает ледяное объятие Головешки, и мы оба растворяемся в темном небытии голодных парализующих чудовищ...

Глава двадцать пятая

Шших.

Открываются автоматические двери, и в нос бьет невыносимый запах дезинфицирующего моющего средства. А вот другой запах первые несколько недель опознать было непросто. Но я прихожу сюда каждый день уже полтора месяца и теперь знаю, что за душок прячется на каждой протертой хлоркой поверхности. Болезнь. Наверное, здесь так и должно быть. Может, пациент выздоравливает, может, у него обострение, так или иначе, но он отсюда уходит. А отпечаток недуга, который он после себя оставляет, никуда не исчезает. Как бы тщательно ни мыли все вокруг уборщики.

Машу рукой Хьюго, он здесь охранник по будням, ждет, когда я подойду за гостевым пропуском.

– Может, сегодня, мисс Рейес, – с этими словами он протягивает бейдж с моим именем.

– Скрестим пальцы, – весело отвечаю я, и Хьюго поднимает большие пальцы вверх.

Он стал так делать после моего шестого подряд визита, и теперь это уже традиция. Сомневаюсь, что кто-либо из нас вдумывается в значения слов. Это скорее «дежурный» ритуал, а не настоящая надежда. Но ритуалы для меня теперь очень важны. Привычный режим держит на плаву.

Забираю бейдж и двигаюсь по выверенному маршруту: главный коридор, сначала налево, потом направо, лифт на шестой этаж.

Двери открываются на сестринский пост. Медсестра по имени Донна отрывает строгий взгляд от медицинских карт, видит меня и смягчается, отчаянно пытаюсь выказать поддержку. Жестом показывает: «проходи». Вежливо ей улыбаюсь, сворачиваю налево и иду по длинному коридору до палаты номер 529.

С таким проявлением жалости я постоянно сталкиваюсь уже несколько месяцев. Сначала – когда Джиджи исключила меня из школьных сливок общества. Затем когда с Джейми произошел несчастный случай. Потом я заметила ее на лицах агентов из управления по контролю за продуктами и лекарствами, которые расспрашивали про ужасные побочки дексиднипама. А теперь меня жалеют как преданную девушку молодого человека из палаты 529, который находится в коме.

В коме...

Очнулась от паралича после столкновения с Головешкой я уже в больнице. Врачи задавали бесконечные вопросы о горьком опыте приема дексиднипама, но упоминать коллективные сновидения или захват чужих тел было незачем. Из-за моих показаний, что «Дексид» вызывает ночные кошмары и временный паралич, а также того факта, что другой пациент, участвующий в испытаниях, теперь впал в кому, срок рассмотрения лекарства был бессрочно отложен на полку. Но целых две недели меня дергали, задавая вопросы, ответов на которые я типа не знала. Интересовались, например, как у Уэса в крови оказалось в разы больше «Дексида», чем у меня.

Я, конечно, могла бы попытаться все объяснить, но по крайней мере в одном Уэс был прав. Скажи я всю правду, сразу поеду в дурдом, а он снова станет подопытным кроликом. Не важно, что между нами произошло, такого я допустить не могла.

Тем более я знала: на самом деле он в сознании.

Слова Грейди про зависимость и передозировку дали мне своеобразную наводку. Вывести Уэса из игры и спасти учеников можно было только одним действенным способом: перегрузить его организм. Но не увеличив дозировку «Дексида», а собрав наибольшее количество Головешек. Уэс, хотя это всего лишь догадки, принял очень много таблеток. Поэтому монстры не только изгнали его из царства грез, но и стали причиной столь ярко выраженной неподвижности и невосприимчивости к внешним воздействиям, что врачи посчитали пациента впавшим в кому. За мной пошел только один – основную массу чудовищ привлек более высокий уровень «Дексида» в крови Уэса – поэтому я пробыла взаперти в собственном теле всего пару часов. Зато бессчетное число Головешек, напавших на Уэса, заморозили его на целых двадцать три дня, и конца этому не видно...

Открываю дверь в палату номер 529 нараспашку, делаю глубокий вдох. Все как и вчера, как и неделю назад: на больничной койке неподвижно лежит Уэс. От рук и от головы идут датчики к приборам, которые абсолютно ничего не говорят врачам о том, что на самом деле происходит с пациентом. Я подхожу к кровати и залезаю на матрас; позади щелкает, закрываясь, дверь. Опершись на его грудь, дотрагиваюсь кончиками пальцев до век и открываю их.

– Привет! – На моем лице как по волшебству появляется улыбка. – Сегодня пятница. Отличная погода. На улице двадцать градусов и вроде солнечно. Неплохой денек, чтобы проснуться.

Смотрю на его пальцы, по личному опыту зная, что конечности всегда первыми приобретают подвижность. Но ни единого подергивания.

– Еще не готов? Ладно. Тогда посплетничаю. Власть обновленной версии «Джиджи 2.0» нерушима, хотя ведет она себя чуть менее стервозно. Разумная доза паранойи, после нашего вмешательства, и правда принесла плоды. Как ты и говорил. Сегодня утром Джеки Даль опрокинула баночку с блевотнейшим пудингом из тапиоки на новенькую кожаную куртку мисс Макдоналд. Я думала, Джиджи двинет ей кулаком. Но она вдруг улыбнулась и даже обратила все в шутку. Представляешь, какой прогресс?

Бросаю взгляд на губы Уэса, жду, что они изогнутся в коронной ухмылке. Но они остаются растянутыми в две прямые линии: слегка разведены и немного потрескались. Завтра нужно захватить бальзам для губ.

– Что там еще... ну... Эмбер, кажется, все меньше и меньше рада находиться в кругу Джиджи. Притом что Киары больше нет и она снова главный фаворит, то тут, то там ее видят одну, и, клянусь, она явно сплетничает о ней за спиной. Перед вручением дипломов точно разгорится конфликт. Может, хоть ради этого проснешься? Есть шанс, что будет весело.

Я замолкаю, но смеха за кадром нет, поддержать меня сейчас может лишь плакающий аппарат.

– Джейми восстанавливается. Вчера сказали: шансов, что он сможет снова играть в футбол, почти нет. И теперь он еще больше хочет встать на ноги уже к Рождеству, – радуюсь я.

Я, конечно, зла на Уэса, но это не важно, я его не брошу. Никто не заставляет меня сидеть рядом и бесить его, когда он не может даже огрызнуться в ответ. Наказать я его очень хочу и планирую. Когда очнется. А до тех пор буду вести себя достойно.

– Тесса и Грейди передают тебе привет, – вру я, потом качаю головой. – Ладно, поймал. У Тессы припасены для тебя другие слова. Что и говорить, ты не ее кумир. Зато Грейди дал четкие рекомендации, что говорить, чтобы ты очнулся. Хотя, может, он просто хочет учинить тебе допрос с пристрастием. Ко мне пристаёт ежесекундно. Наш опыт с «Дексидом» сводит его с ума. Но мы с Тессой попросили его уgomониться, и, похоже, подействовало. Он понемногу завязывает с наркобизнесом. Это хорошо. Думаю, мы убедим его бросить вовсе. Он чувствует ответственность за всех, кому ты подсыпал «Дексид», а размышляя о возможных последствиях, схлопотал посттравматический стресс. Пыталась ему долбить, что он не виноват, но...

Умолкаю и прикусываю губу. Так сложно ругать Уэса, да даже просто разговаривать с ним, когда он не может ничего сказать в ответ.

– Послушай, – начинаю я. – Все пошло под откос. И виноваты мы. Теперь не знаю, то ли просто трепаться с тобой ни о чем, то ли читать лекции на тему «Ой-ой-ой, что же мы натворили». Черт, я даже не знаю, хочешь ли ты, чтобы я приходила. И хотя я больше чем уверена, что, как только первое слово слетит с твоих губ, мы разругаемся, я не оставлю тебя одного. Ты и так натерпелся. С тобой очень несправедливо обошлись. Поэтому, пока ты не придешь в себя, я потусуюсь тут рядом. Ведь только мне известно, что кома не настоящая и не сегодня завтра ты вернешься.

Неотрывно смотрю в безжизненные зеленые глаза, ищу хотя бы слабый намек на ту искру, что всегда их отличала. Но ничего нет. И это выше моих сил.

– Вряд ли мы когда-либо подружимся. У тебя могут быть ко мне претензии. Но, кстати, приятель, это взаимно. Так что ставь галочку. Потому что пока ты здесь, я отсюда не уйду. Сам сказал: мы – родственные души, мы связаны. Есть наркотики, нет наркотиков... Так, может, просто смирится? Куда мы друг без друга? Нравится нам это или нет.

Я молчу, жду какой-то реакции. Напрасно.

– Если не закрыть глаза, – не выдерживаю я, – то они высохнут. Но завтра ты увидишь меня снова.

Я кладу пальцы на его веки и плотно смыкаю их, потом спрыгиваю с кровати и устраиваюсь в кресле для посетителей. Беру книгу.

– Так, и где мы остановились? – интересуюсь я, переворачивая страницы до загнутого уголка. Потом откашливаюсь и начинаю читать.

Свои пальцы я вкладываю в руку Уэса. Любой, кто пройдет мимо, подумает: «Какая любящая девушка». Хотя я это делаю не ради любви. Цели-то прагматические. Хочу быть в курсе, когда он очнется. Ведь рано или поздно это произойдет.

И я буду готова.

От автора

Я хотела бы поблагодарить сотрудников издательства «Сорсбукс»: Элизабет Бойе, Сабрину Баскей, Кэти Линч, Алекса Йидона, Тода Стока и Доминика Ракка – которые всегда готовы прийти на помощь. Спасибо тебе, Николь Комасински, за великолепную обложку. Спасибо, Стив Гекк, что взял меня под свое крыло. И спасибо моему редактору, Энни Бергер, за полезные замечания, теплую поддержку и любовь к Джессике Джонс.

Спасибо моему любимому агенту, Николь Джеймс, и помощникам в «Чамберг энд Сассман».

Сана Аманат, Люз Белтран, Кейт Бенанти, Майк Кэри, Лорен Коган, Сара Маркли (так совпало, что тезка), Дорин Малрян, Зеб Уэллс и Элисон Шии – я очень рада, что мне довелось с вами работать.

Я очень признательна доктору Сурайе Куреши Хайдер за научное консультирование.

И спасибо вам, Диана Эшер и Джессика Бенджамин, за утренние планерки по понедельникам.

Эта книга не вышла бы в свет, если бы такие талантливые редакторы и писатели, как Стефани Пинтофф и Хезер Аптон, не стали моими первыми читателями и не помогли доработать черновики.

Хочу сказать огромное спасибо моей большой, прекрасной семье, особенно моей маме – Джули, и моему папе – Иэну.

И отдельная благодарность моей команде, без которой ничего бы не получилось. Дэн, Финн, Лира и Смадж, вы – лучшие!